

Елена Лучик
**Огненный
всадник**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Лучик

Огненный всадник

«Автор»

2026

Лучик Е.

Огненный всадник / Е. Лучик — «Автор», 2026

Полгода назад «Пепельные клинки » под командованием огненного всадника Деймона Блэквуда отправились на задание, с которого не возвращаются. Их цель — древние драконьи яйца, скрытые в Запретных пещерах. Но отряд попал в ловушку. Когда взрывная волна рассеяла пепел, выжил только Деймон. Теперь он — единственный свидетель, на которого ведут охоту инквизиторы. Чтобы найти того, кто продал его отряд тeneвым бойцам, Деймон должен вспомнить каждую секунду того дня. Но что, если предатель, тот кому он доверял.

© Лучик Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Лучик

Огненный всадник

Глава 1. Железо и Пепел

В Железном лесу никогда не было тихо. Кира Морриган переступила через корень, который на ощупь напоминал не дерево, а остывающую кочергу. Под сапогами хрустела багровая хвоя, рассыпаясь в мелкую медную пыль. Шестой год обучения в Академии Аркас должен был приучить её к казенным оранжереям и стерильным склянкам, но гербология профессора Вэнса требовала «живого материала». Декан сказал, что кадеты, не способные отличить слезу феникса от обычного папоротника, недостойны носить значок боевого мага. Кира была достойна. Она нашла их в низине, где земля дышала сухим жаром, словно под ней тлели угли. Три бутона цвета свежей крови пульсировали в полумраке, бросая алые блики на её лицо. «Слезы феникса». Идеальные, зрелые, светящиеся изнутри. Если она доставит их в лазарет, госпожа главный лекарь впервые перестанет называть её «девочкой с северного ковена». Она опустила на колени. Руки в тонких перчатках действовали быстрее мысли: достать колбу, подвести стеклянную воронку к основанию бутона. Слезы выделяли смолу только на резком холоде. Кира прижала ладонь к стволу — дерево обожгло кожу даже сквозь кожу перчатки — и резко отдернула руку, создавая в воздухе стужу. Бутон дрогнул. По воронке потекла густая, светящаяся рубиновая капля. Вторая. Третья. На четвертой Кира замерла. По ту сторону мелкой, цвета ртуты, реки треснула ветка. Звук был тяжелым, ломающимся под чужим весом. Кира была здесь одна. Согласно уставу Академии, она должна была подать звуковой сигнал. Вместо этого она медленно, стараясь не шуметь опавшей хвоей, потянулась к поясу, где висел шоковый жезл. Взгляд зацепился за берег. Сначала за сапог. Высокий, из черной кожи, с серебряной пряжкой в виде головы ворона. Такие носили только офицеры внутренней стражи. Сапог наполовину ушел в глину. Рядом валялся плащ, тяжелый, цвета воронова крыла. Одежда была безнадежно испорчена — левый бок превратился в лохмотья, спекшиеся от жара. По краям ткань всё еще слабо дымилась. Кира бесшумно заткнула колбу пробкой и спрятала её во внутренний карман шинели. Запах, который принес ветер, заставил желудок сжаться в ледяной комок. Сладковатая гарь. Озон. Аромат некроза на ожогах четвертой степени. Так, по слухам, пахла цитадель Блэквудов после того, как Дэймон сорвался в прошлый раз, за полгода до своего исчезновения. Она подкралась к краю обрыва. Человек лежал лицом вниз, наполовину в воде. Вода вокруг него была неестественно теплой, от неё поднимался густой пар, тут же оседающий инеем на прибрежных камнях — её собственный холод, рефлекторно вырвавшийся из-за страха, вступал в реакцию с его жаром. — Эй, — голос дрогнул, и она прочистила горло. — Вставайте. Патруль. Никакой реакции. Только пар. Она ткнула его носком сапога в плечо. Тело перекатилось на бок слишком легко, словно у него были сломаны все кости. Кира отшатнулась, едва не выронив жезл. Левое плечо, шея и часть лица человека представляли собой один сплошной багрово-черный ожог. Кожа пошла пузырями, обнажив сочащееся сукровицей мясо. Но взгляд Киры прилип не к ранам. На правом, нетронутом плече, из-под разорванной ткани рубашки виднелась татуировка. Сплавившийся с кожей черный узор, повторяющий форму огненного вихря. Метка рода Блэквудов. Человек застонал. Это был не человеческий звук — низкий, вибрирующий рык, от которого «Слезы феникса» в кармане Киры начали опасно нагреваться. Голова мужчины безвольно мотнулась. Слипшиеся от крови и копоты волосы открыли лицо. Это был он. Дэймон Блэквуд. Кадеты шептались, что его забрал огонь, который он не смог контролировать. Что от него остался только пепел. Но пепел не стонет. И у пепла не светятся глаза. Кира посмотрела на его зрачки. Они были неестественно расширены, полностью поглотив радужку, и внутри них метались крошечные, запертые молнии. Он был в сознании. И он был в агонии. Его собственная стихия, которую он всегда носил внутри как ручного зверя, сейчас жрала его изнутри, не находя выхода. — Дэймон, —

выдохнула Кира, забыв про субординацию, про жезл, про всё на свете. — Великий Лед, что с тобой сделали? Его губы, покрытые черной коркой, дрогнули. Он попытался сфокусировать на ней взгляд. Взгляд существа, которое уже наполовину похоронили заживо. — Холодно, — прохрипел он. — Кира... туши. И прежде чем она успела понять, что он имеет в виду, его тело выгнулось дугой. Из рта, из ушей, из-под век хлынул поток жидкого, ослепительно-белого пламени. Морриган завизжала, выставя руки вперед. Весь холод, который был в её теле, вся магическая сила, которую Академия в неё вбивала годами, рванулась наружу. Пар взорвался. Река на десять метров вокруг них мгновенно замерзла, образовав глубокий кратер из черного льда. Белая вспышка Дэймона столкнулась с синей стеной её магии. А потом всё стихло. Блэквуд без сознания лежал на льду. Его ожоги всё ещё дымились, но пламени больше не было. Она дрожала. Её зубы стучали так сильно, что сводило челюсти. В кармане жалобно звякнула, остывая, разбившаяся колба со «Слезами феникса». Девушка посмотрела на свои руки. Перчатки сгорели дотла, ладони покрылись мелкими белыми пятнами обморожения. — Я же просто пришла за травами, — прошептала она в звенящую тишину Железного леса. Но она уже отстегивала от пояса сигнальный рог. Кадет Морриган знала: если она вызовет патруль Академии, его заберут в подземелья Инквизиции, и он оттуда уже не выйдет. Она посмотрела на его изувеченное тело, затем на свои обмороженные руки. — Чтоб тебя, Блэквуд, — процедила она, взваливая его горячую, тяжелую руку на свои плечи. — Если выживешь, будешь мне пожизненно должен. Дракон Нокс был старый, злой и не любил, когда его поднимали по тревоге в сумерках. Кира не стала тратить время на седло. Она перекинула бесчувственное тело Дэймона поперек жесткой спины зверя, сама вскочила позади и намертво сцепила руки у него на груди, прижимая к себе. — Вверх, Дружище. К западному крылу. Быстро. Взлет был жестоким. Нокс расправил двадцатифутовые крылья, и воздушная волна сбила верхушки папоротников. Кира почувствовала, как рубашка на спине начинает дымиться. Жар Дэймона просачивался сквозь её форменный мундир, сквозь кожу, добираясь до костей. Он был похож на печку, из которой забыли выгрести угли. — Тише, Дэймон, — процедила она ему в затылок. — Просто не смей умирать у меня на руках. Они летели над Академией Аркас. С высоты птичьего полета главная цитадель магов казалась серым, неприступным ульем. Кира направила Нокса к западной стене, где располагались лазареты для боевых магов. Приземление боевого дракона у медицинского корпуса вызовет тревогу по всей Академии, но у парадного входа их уже ждали бы дежурные офицеры с вопросами, на которые у Киры не было ответов. — На крышу! — скомандовала она, когда они пошли на снижение. Нокс издала недовольный клекот, но послушно опустилась на каменную площадку над лазаретом. Как только когти виверны коснулись черепицы, Кира скатилась со спины дракона, таща Дэймона за собой. Его ноги безвольно ударились о камень. — Нолан! — закричала она, пинком распахивая дверь технического люка. — Нолан, открывай, черт тебя дери! Она волокла его по винтовой лестнице, считая каждый пролет. Спина под её руками была скользкой от сукровицы и пепла. Дэймон вдруг захрипел, и Кира почувствовала, как волна жара ударила ей в лицо. Воздух в узком лестничном пролете пошел маревом. — Нет, не смей! — Она ударила его по щеке наотмашь, свободной рукой создавая перед его лицом ледяную крошку. — Нолан! Дверь в конце коридора с грохотом распахнулась. На пороге стоял мужчина в заляпанном кровью фартуке поверх строгой мантии. Магистр целительства Нолан выглядел так, будто не спал неделю, но его глаза мгновенно оценили ситуацию: обгоревший всадник, дымящаяся кадетка и запах гари. — Третий стол! Ледяной контур на максимум! — рявкнул он, даже не спрашивая, что случилось. Они ввалились в операционную. Нолан уже чертил в воздухе светящиеся синим руны. — Клади его! — скомандовал он. Кира попыталась отстраниться, но Дэймон, находясь в бреду, вдруг вцепился в её запястье. Его хватка была раскаленной. — Холодно... — просипел он, глядя сквозь неё мутными, полными белого огня глазами. — Не уходи. Туши... — Я здесь, — выдохнула Кира, опуская его на каменный стол. — Я никуда не уйду. Нолан активировал рунический круг вокруг стола. Воздух в поме-

щении мгновенно замерз. С потолка посыпалась ледяная крошка. — Кадет Морриган, если вы не хотите, чтобы ваше сердце остановилось от переохлаждения, отойдите от контура! — прикрикнул целитель. — И вашего ящера с крыши, пока он не расплавил черепицу! Живо! Кира выскочила из операционной, захлопнув за собой тяжелую дверь. Она сползла по стене на пол в коридоре. Руки тряслись так, что она не могла нащупать карман. Вся её куртка от плеч до пояса покрылась черной гарью, а на коже вздувались пузыри ожогов — цена, которую она заплатила за то, чтобы удержать Дэймона в небе. Она обхватила колени руками. Дэймон Блэквуд, Огненный всадник, официально признанный погибшим, находился сейчас в лазарете Академии Аркас. И она, кадет Кира Морриган, только что совершила государственную измену, чтобы его спасти.

Девушка сидела на ледяном каменном полу коридора, привалившись спиной к стене операционной. Её трясло. Она провела тыльной стороной ладони по щеке, стирая мокрую, холодную дорожку. Слезы. Кира даже не заметила, когда начала плакать. От усталости, от страха или от абсурдности происходящего. — Соберись, Морриган. Ты кадет четвертого года, а не истеричная первокурсница. Её взгляд упал на сумку из плотной кожи, которую она сбросила со спины еще до того, как взвалила на себя его. Сумка валялась на стуле возле смотровой кушетки. Слезы феникса. Кира вскочила на ноги так резко, что в висках застучала кровь. В пылу полета, в дыму от собственной горячей спины, рубиновые бутоны просто вылетели из головы. Но Нолан — магистр целительства. Если у него не будет материала для работы, он поймет, что ожоги его не лечатся стандартными припарками. Она рывком распахнула дверь в операционную. Нолан стоял спиной к ней, склонившись над руническим кругом. Его руки чертили в воздухе тонкие нити синего света, которые впивались в почерневшую кожу Дэймона, заставляя её медленно, с влажным хрустом, затягиваться. Воздух в комнате был таким холодным, что дыхание вырывалось изо рта целителя белыми облачками. — Нолан, — голос ее прозвучал хрипло. Целитель даже не обернулся, лишь повел рукой, и ледяная корка на плече у него пошла трещинами. — Я же сказал — за пределы контура, кадет. Вы сейчас заработаете себе сердечный приступ. Убирайтесь. — Я не за этим, — Кира подошла к своему стулу, схватила сумку и вытряхнула её содержимое на соседнюю пустую кушетку. С глухим стуком выкатилась стеклянная колба. Рубиновая смола внутри слегка светилась в полумраке. — Вот. Нолан наконец выпрямился, прерывая плетение заклинания. Он обернулся. Его взгляд метнулся от разбитой колбы к закопченной, дымящейся форме Киры, а затем снова к склянке. — Что это? — Слезы феникса, — Она шагнула к столу и осторожно, двумя пальцами, подняла колбу. — Три зрелых бутона. Смола должна ускорить регенерацию тканей. Я... я собрала их в Железном лесу. Девушка протянула склянку. Её рука всё еще дрожала. Нолан взял колбу с такой осторожностью, словно она была сделана из тончайшего хрусталя. Он поднес её к свету, рассматривая пульсирующее содержимое. Его кустистые брови сошлись на переносице. Удивление на его лице медленно сменилось тяжелым, профессиональным пониманием. — Железный лес... На границе с Пустошами. Теперь понятно, почему его собственная плазма не может найти выход — лес вытягивает её, создавая замкнутый круг. Целитель посмотрел на Киру поверх колбы. Его взгляд был острым, как скальпель. — Где именно в Железном лесу, кадет Морриган? Кира заставила себя выдержать этот взгляд. Она только что отдала ему ключ к спасению Блэквуда, и теперь Нолан имел полное право потребовать отчета. — У Кривого оврага, возле старой серебряной жилы, — ровно ответила она. — Магистр, ему это поможет? Нолан молча подошел к изголовью стола, где над головой командира висел сложный аппарат из стеклянных трубок и кристаллов. Он аккуратно влил рубиновую смолу в резервуар. Жидкость заструилась по трубкам, смешиваясь с подаваемым в легкие Дэймона холодным воздухом. Ожоги на шее всадника, до этого мертво-багровые, начали медленно наливаться здоровым, бледным цветом. — Это не просто поможет, кадет, — пробормотал Нолан, наблюдая за показаниями кристаллов. — Это вытягивает его с того света. Если только его сердце не остановится от резкого перепада температур в

ближайшие полчаса. Где ваш дракон? Кира сглотнула. Другое дело — дракон. — За Долиной Горных Лучей. На плато Ветров. Нолан замер с флаконом в руке. Его спина окаменела. Долина Горных Лучей была естественной границей Академии. За ней начинались ничейные земли, где базировались только элитные звенья боевых драконов. — Плато Ветров? — переспросил он медленно, поворачиваясь к ней. — Кадет Морриган, вы понимаете, что только что угнали боевую единицу первого ранга из-под носа у гарнизона? Перелет через горную гряду с гражданским на борту — это трибунал. Вы хоть представляете, какой перепад давления выдержал этот человек? — Он бы не выжил в седле, — тихо, но твердо сказала Кира. — А пешком я бы не успела до того, как его аура сожгла бы лес. Нолан долго смотрел на неё, затем на бледное лицо Дэймона. Он тяжело вздохнул, и его плечи опустились. — Хорошо, — наконец выдохнул он. — Идите. Идите, пока я не передумал и не сдал вас обоим дежурному офицеру. Выглядите так, будто вас пытались зажарить на вертеле. В северное крыло, лазарет для кадетов, третья дверь. Я пришлю туда дежурного с мазью от ожогов. Для вас. — Спасибо, — кивнула Кира. — Не благодарите, — отрезал целитель. — Завтра в девять утра. Мой кабинет. И вы расскажете мне, Кира Морриган, какого демона боевой дракон с плато Ветров делал в небе над Академией, и почему половина моего лазарета покрыта инеем. Свободны. Кира молча развернулась и вышла. Она не пошла в северное крыло за мазью. Боль от ожогов сейчас была фоном, далеким и неважным. Она спустилась по лестнице во двор, ежась от ночного осеннего ветра. Только сейчас она осознала масштаб катастрофы. Она не просто нарушила устав. Девушка подняла в воздух боевого дракона. Это увидят все посты на стенах. Завтра об этом будет знать не только Нолан, но и комендант крепости.

Кира подняла голову, глядя на запад, в сторону темнеющих на горизонте гор, за которыми скрывалась Долина Горных Лучей. — Во что же ты вляпался, Блэквуд? — беззвучно прошептала она. — И во что втянула меня.

Нолан дождался, пока за кадеткой Морриган с тихим шипением закроется тяжелая дверь операционной. Только тогда он позволил себе выдохнуть. Его плечи, обычно прямые как стальная балка, ссутулились. Он подошел к столу, над которым всё еще висело ледяное марево от его заклинаний. Дэймон лежал неподвижно. Грудная клетка едва заметно поднималась в такт работе рунического аппарата, принудительно нагнетавшего в легкие охлажденный воздух. Целитель закатал рукава мантии. Его руки, покрытые старыми шрамами от ожогов, начали светиться мягким, пульсирующим зеленым светом — магия глубокой регенерации. — Давай, старый друг, — пробормотал Нолан себе под нос. — Не вздумай умирать на моем столе после того, как девчонка притащила тебя через половину континента. Он начал медленно вести ладонью вдоль позвоночника Дэймона, вливая жизненную силу в почерневшие позвонки. Кожа под его пальцами начала медленно светлеть, избавляясь от мертвого багрового цвета. Внезапно Нолан замер. Его рука дрогнула, и поток зеленой магии прервался. Дэймон закашлялся. Это был сухой, рваный звук, больше похожий на скрежет гравия. Целитель тут же перевернул его на левый бок, чтобы тот не захлебнулся собственной слюной. Тяжелая, обгоревшая голова Блэквуда безвольно мотнулась. Ворот рубашки задрался еще сильнее, и Нолан увидел то, что Кира Морриган, ослепленная паникой, могла не заметить в полумраке. Чуть ниже левой ключицы, там, где кожа осталась нетронутой огнем, чернела сложная вязь. Это не была татуировка рода. Это был знак боевого подразделения. «Пепельные клинки». Элитный отряд всадников, который вел Дэймон Блэквуд до своего исчезновения. Под знаком — личный рунический шифр командира. Он отшатнулся, тяжело опершись руками о край металлического стола. Его лицо, обычно непроницаемое, пошло бледными пятнами. — Светлые духи... — выдохнул он, глядя на своего пациента так, словно увидел призрака. — Так вот почему они до сих пор ведут о нем слухи. Будто он выжег целую провинцию. Будто он предал корону. Лекарь смотрел на знакомую метку, и в его глазах читалась смесь старой вины и горькой иронии. Внезапно веки Дэймона дрогнули. Он не просто пришел в себя — его сознание, обожженное и затуманенное, всё

еще цеплялось за реальность. Он сфокусировал взгляд на склонившемся над ним лице. Узнал. И уголки его потрескавшихся губ дернулись в слабой, но ядовитой усмешке. — Нолан, — голос был похож на треск сухого дерева, но в нем прорезались те самые командирские, язвительные нотки. — Ненавижу твои травы. Они воняют. Нолан моргнул. А затем громко, раскатисто расхохотался. Это был смех человека, который только что вытащил с того света легенду и получил за это нагоняй. — Лежи смирно, командир, — целитель снова взял его за плечо, возвращая руку на место и возобновляя зеленое свечение. — От тебя самого несет так, будто ты упал в костер вместе с драконом. И если ты сейчас же не замолчишь и не начнешь дышать по моей команде, я вколю тебе такую дозу сонного зелья, что ты проспишь собственную казнь. Понял меня? Дэймон не ответил. Он лишь прикрыл глаза, позволяя целителю работать, но на его губах всё еще играла слабая, упрямая улыбка.

Нолан закончил сшивать магической нитью последнюю глубокую трещину на грудной клетке Дэймона. Зеленое свечение его рук медленно угасло. Целитель тяжело выдохнул, отступая на шаг и вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Критический момент миновал. Теперь Блэкуду нужен был только покой и время. — Ты стабилен, — хрипло сказал Нолан, снимая с рук остатки светящейся энергии. — Но если ты снова решишь устроить магический взрыв, я просто позволю тебе догореть. У меня закончился запас «Слез феникса», которые притащила эта сумасшедшая девчонка. Дэймон не ответил. Он лежал с закрытыми глазами, но Нолан знал этот обманчивый покой. Командир «Пепельных клинков» никогда не спал глубоко, даже будучи при смерти. — Дэймон, — голос Нолана стал тише, серьезнее. — Кира сказала, что нашла тебя у Кривого оврага. В Железном лесу. Что ты там делал? Твоя метка командира давно должна была исчезнуть из реестров как «погибший в бою». Дэймон медленно открыл глаза. Его зрачки всё еще были неестественно расширены, но в них больше не плясало белое пламя — только тяжелая, серая усталость. Он попытался повернуть голову, но скривился от боли, пронзившей шею. — Полгода назад, — голос всё еще был надорванным, слова давались ему с трудом. — Я с отрядом Элиты... «Пепельные клинки»... отправились на боевое задание. Он сделал паузу, собираясь с силами. Нолан молча протянул ему металлическую кружку с остуженной водой. Дэймон принял её дрожащими руками и сделал скупой глоток. — Наша задача была найти пещеру в северных отрогах. Древнее хранилище... где содержались драконьи яйца. Первого выводка. Нолан замер с флаконом антисептической мази в руке. Яйца Первого выводка. Легендарные артефакты, из которых, по преданиям, вылупились прародители всех нынешних драконов. Если они реальны, их мощь способна изменить баланс сил во всем королевстве. — Мы нашли её, — продолжил Дэймон, возвращая кружку. — Вошли внутрь. И там... нас ждали. Его голос дрогнул. Впервые за весь разговор в нем проскользнула не командирская сталь, а глухая, черная тоска. — Теневые бойцы. Я никогда не видел таких тварей. Они не дышат огнем и не машут сталью. Они просто... тянут. Они вытянули всю энергию жизни из моего отряда. Я слышал, как они кричат, Нолан. Как их души выгорают изнутри. Дэймон сжал кулак здоровой руки. Костяшки побелели. — Я выжег землю под собой, чтобы разорвать связь. Мой дракон вынес меня на остатках пламени. Я упал где-то в лесу... Дальше ты знаешь. Он перевел тяжелый взгляд на Нолана. — Официально мой отряд числится пропавшим без вести. Но я знаю, что они мертвы. И теперь я хочу выяснить только одно. Кто это сделал. И кому понадобились эти проклятые яйца. Нолан долго смотрел на него. Он видел перед собой не легенду и не государственного преступника. Он видел командира, который только что похоронил своих людей и вернулся с того света ради мести. — Теневые бойцы, — медленно повторил целитель. — Магия пустоты. Никто в Аркасе не владеет ею на таком уровне. Если они смогли уничтожить «Пепельных клинков»... Дэймон, Академия не справилась. Они ударили в самое сердце. — Именно, — прохрипел Дэймон. — А это значит, что враг уже внутри стен. Или сидит так высоко, что его никто не смеет тронуть. Нолан посмотрел на ожоги, которые он только что залечил. Теперь всё встало на свои места. Ожоги Дэймона — это не следы вражеской атаки.

Это следы его собственного, отчаянного бегства. Он выжег сам себя, спасаясь от тех, кто выпил его отряд. — Тебе нельзя возвращаться, — тихо сказал Нолан. — Если Инквизиция узнает, что ты жив, они сделают из тебя козла отпущения. Тебя обвинят в гибели отряда. — Пусть попробуют, — глаза Дэймона опасно блеснули. — Сначала я найду того, кто нажал на курок. Он закрыл глаза, проваливаясь в тяжелый, целительный сон, который наконец-то смог одолеть его измученное тело. Но даже во сне его лицо оставалось напряженным, а пальцы здоровой руки продолжали сжимать край тонкого больничного одеяла.

Нолан укрыл его легким шерстяным одеялом, щелчком пальцев погасил яркий свет рунических ламп над столом и, не сказав больше ни слова, вышел через внутреннюю дверь в свой кабинет. Оставшись в темноте, целитель долго смотрел на силуэт спящего командира. Мысли в голове Нолана метались, сталкиваясь друг с другом. Скрыть Дэймона от Инквизиции в самом сердце Академии — задача почти невыполнимая. Завтра утром сюда придут дознаватели. Они проверят каждый угол, каждую пылинку. — Плато Ветров, — думал Нолан, наливая себе в кабинете горький травяной настой. — Нужно отправить вестника на плато. Если там остались верные ему всадники... Или в Долину Туманов. Там старые катакомбы, о которых знает только персонал лазарета. Придется перевести его туда, пока запах гари не выветрился из западного крыла.

В северном крыле, в комнате для кадетов, сна не было ни в одном глазу. Кира сидела на краю жесткой койки, глядя в темноту. Ожоги на плечах и спине тупо ныли под слоем мази, но физическая боль была ничем по сравнению с тем клубком вины и тревоги, что ворочался внутри. Она встала, опустила босые ноги на холодный каменный пол. Подошла к узкому окну. Напротив, через вымощенный брусчаткой внутренний двор, светилося одинокое окно западного крыла. Лазарет. Кира прижалась лбом к холодному стеклу. Она видела, как час назад туда внесли Дэймона. Она знала, что должна спать. И думала, что Нолан присмотрит за ним. Но образ выгоревшего до мяса плеча и его хриплое «туши» намертво впечатались в память. Она не выдержала. Кира отошла от окна. Движения были быстрыми, почти механическими. Темно-синее платье для сна — слишком открытое, нельзя. Она натянула плотные шерстяные брюки, простую рубаху. Накинула сверху тяжелый форменный плащ с глубоким капюшоном, полностью скрывающим лицо. На ноги — короткие мягкие сапоги. Выглянув за дверь в коридор кадетов, она прислушалась. Тихо. Комендантский час. Любой звук разносится по каменным стенам на милю. Кира выскользнула из комнаты. Она бежала вниз по винтовой лестнице, прижимаясь к стене, чтобы ступени не скрипели под ногами. Сердце колотилось где-то в горле. Главный холл первого этажа тонул во мраке, лишь у дежурного поста теплился одинокий магический огонек. Она прокралась к тяжелым дверям лазарета. Потянула за массивное кольцо. Дверь издала тихий, но в ночной тишине оглушительный скрип. Кира замерла, вжимаясь в косяк, боясь дышать. Снаружи, со стороны внутреннего двора, слышались тяжелые, размеренные шаги. Часовой. Всадник патруля. Кира в панике огляделась. В двух шагах от нее, в стене, темнела глубокая каменная ниша для доспехов. Она рыбкой нырнула туда, вжалась в ледяной камень, натянув капюшон на самые глаза. Шаги приблизились. Остановились прямо напротив дверей лазарета. Кира слышала, как всадник поправляет ремень перевязи, как звякает металл. Время растянулось в вечность. Наконец шаги начали удаляться. Кира выждала еще пару минут, пока звук окончательно не растворился в ночи. Она выскользнула из ниши, стянула с ног сапоги, оставшись босиком, чтобы не шуметь, и рванула к дверям лазарета. Она проскользнула внутрь, прикрыла тяжелую створку за собой. Щелкнул замок. Тишина. В приемной было темно и пахло антисептиками. Она на цыпочках прошла по коридору. Дверь в комнату, где Нолан оставил Дэймона, была приоткрыта. Кира осторожно толкнула её. В ту же секунду под потолком вспыхнул ослепительно-белый свет рунической лампы. Кира вскрикнула, зажмурившись и прикрывая лицо рукой. Она резко развернулась к выключателю, ожидая увидеть Нолана или дежурного лекаря. — Зачем пришла ко мне в лазарет посреди ночи,

Кадетка? Голос раздался не от двери, а со стороны кушетки. Кира медленно опустила руку. Дэймон сидел на краю медицинского стола. Одежда валялась на полу. Верхняя часть его тела была обнажена, и в ярком магическом свете Кира видела результаты работы Нолана — бледную, местами еще красную, но целую кожу. Он выглядел почти здоровым, если бы не мертвенная усталость в плечах. Он не опирался на подушки, он сидел прямо, и его глаза — всё еще слишком яркие для больного — смотрели на неё в упор. — Я... — Кира прочистила горло, пытаясь унять дрожь в коленях. — Я принесла остатки мазей. И... проверила, всё ли в порядке. Дэймон медленно, с видимым усилием, спустил ноги со стола на пол. Он был бос. — Остатки мазей, — повторил он, и в его голосе послышалась знакомая, ядовитая усмешка. — Ты пробежала через весь кампус под комендантским часом, рискуя попасть под патруль, чтобы принести банку мази, которую Нолан и так тебе прописал? Он сделал шаг к ней. Кира непроизвольно отступила назад, пока не уперлась спиной в закрытую дверь. — Снимай капюшон, — тихо приказал он. — Я хочу видеть лицо человека, который только что подписал себе приговор ради моего лечения.

Кира медленно, стараясь унять дрожь в пальцах, стянула с головы капюшон. Тяжелая ткань упала на плечи, открывая растрепанную косу и покрасневшие от бега щеки. Она опустила взгляд, уставившись на его босые ноги, а затем снова подняла глаза, встречаясь с его взглядом. — Затем, — голос её всё еще звучал хрипло, но в нем прорезался металл. — Я хочу тебе помочь. Дэймон склонил голову набок, рассматривая её. В его глазах плясали насмешливые искорки. — Помочь? Ты уже помогла, притащив меня сюда на глазах у всего гарнизона. Куда уж больше? — Утром придут с проверкой, — отрезала Кира, игнорируя его тон. Она оттолкнулась от двери и сделала шаг вперед, в его личное пространство. Теперь она говорила быстро, шепотом, как на инструктаже. — Кто-то сказал, что ты здесь. Может, дежурный, может, Нолан не смог скрыть... Я не знаю. Но Инквизиция будет здесь с первыми лучами солнца. Нам нужно уходить, так что собирайся, Блэквуд. Улыбка медленно сползла с лица Дэймона. Он смотрел на неё уже без насмешки — с холодным, оценивающим вниманием, как когда-то смотрел на вражеских разведчиков. — Куда? — спросил он тихо. — В северное крыло, в карцер для кадетов? Или, может, ты знаешь потайной ход из Академии, о котором не знает Инквизиция? Мой дракон остался на плато. Пешком через Долину Горных Лучей я не пройду, я едва держусь на ногах. — Я знаю, где взять дракона, — Кира метнулась к шкафу с медикаментами, распахивая дверцы. — Нолан хранит здесь запас зелий на случай прорыва тварей из Пустошей. Зелья выносливости, кровевосстанавливающие, обезболивающее. Она начала сгребать с полок стеклянные флаконы, бросая их в свою сумку. Звон стекла казался в тишине лазарета пушечным выстрелом. — Ты с ума сошла, — Дэймон медленно покачал головой, но всё же встал с кушетки. Он пошатнулся, схватившись за край стола, но выпрямился. — Украсть боевого дракона из городского ангара? Тебя расстреляют на стене. — Не из ангара, — Кира закинула сумку на плечо и подошла к нему вплотную. Она была на полголовы ниже, но сейчас смотрела на него снизу вверх так, будто была выше на десять футов. — В Академии есть резервный ангар. Старые пещеры под Северной башней. Там держат списанных драконов. Тех, кто ослеп, или сошел с ума от старости. Их не охраняют так, как на плато. Она протянула ему его плащ, который сняла с крючка у двери. Ткань всё еще пахла гарью. — Один из них — «Слепая Ярость». Он старый, почти слепой, но если дать ему зелье ночного зрения, он доведет нас до плато. Он знает твой запах, Дэймон. Он служил под твоим началом еще до того, как я поступила в Академию. Дэймон застыл с плащом в руках. Он смотрел на Киру так, словно видел её впервые. Кадетка Морриган, которая тряслась под его взглядом минуту назад, исчезла. Перед ним стоял кто-то другой — кто-то отчаянный, безрассудный и досконально знающий слабые места Аркаса. — Ты предлагаешь мне украсть слепого, списанного в утиль старика, чтобы бежать от Инквизиции? — медленно переспросил он. — Я предлагаю нам обоим не болтаться завтра утром на виселице, — отрезала она, протягивая ему сапоги, которые принесла с собой.

— Надевай. Иними эту идиотскую больничную рубаху, она светится в темноте. У нас есть час до смены караула у Северной башни. Дэймон долго смотрел на протянутые сапоги. Затем на её решительное, усыпанное мелкими веснушками лицо. Он молча взял сапоги и начал одеваться. Каждое движение давалось ему с видимым трудом, мышцы, пережатые внутренним огнем, слушались плохо. Но он не издал ни звука. — Нолан меня убьет, — пробормотал он, затягивая шнуровку на голенище. — Если мы не уйдем, Инквизиция сделает это за него, — Кира уже была у двери, прислушиваясь к ночной тишине. — Идем. И старайся не хромать, пока не выйдем за стену. Дэймон Блэквуд, Огненный всадник, молча кивнул своему новому, девятнадцатилетнему командиру и шагнул в коридор.

Она приоткрыла тяжелую дубовую дверь ровно на ширину ладони. В щель ворвался холодный ночной воздух, пахнувший камнем и далеким дымом из труб казарм. Она замерла, превратившись в слух. Справа, со стороны главного входа в лазарет, мерно вышагивал патруль — тяжелые, уверенные шаги стражи Академии. Раз. Два. Три. Они прошли мимо, направляясь к западному крылу. Звук начал удаляться. Слева, со стороны хозяйственного двора, было тихо. Только ветер шелестел остатками ржавой листвы на старых дубах. Кира обернулась через плечо. Дэймон стоял в тени комнаты, полностью одетый. Темный плащ скрывал его фигуру, но даже в полумраке было видно, как напряжена его спина. Он держал в здоровой руке её сумку с зельями, прижимая к груди, чтобы стекло не звякнуло при ходьбе. Она встретилась с ним взглядом и чуть заметно качнула головой влево. *Чисто.* Кира выскользнула в коридор бесшумной тенью. Её сапоги, которые она несла в руке, чтобы не шуметь, остались в комнате — сейчас подошвы её мягких туфель идеально подходили для каменного пола. Она прижалась к стене, сливаясь с тенями гобеленов, изображающих победы магов над драконами. Дэймон вышел следом. Для человека, едва стоявшего на ногах час назад, он двигался пугающе плавно. Тяжелый шаг боевого мага был смягчен до кошачьей поступи. Он закрыл за собой дверь лазаретной комнаты, и щелчок замка в ночной тишине показался Кире оглушительным. Она поморщилась, но патруль уже ушел далеко. Кира дождалась, пока Дэймон поравняется с ней, и указала пальцем направление. Не на главную лестницу, ведущую во двор, а на узкий, утопанный до черноты проход для слуг, за которым виднелась старая деревянная дверь. — У нас есть пять минут, — одними губами прошептала она, почти касаясь его уха. — До смены караула у Северной башни. Бежим в другую сторону. Она махнула рукой, задавая темп. Они не бежали в полную силу — это был быстрый, экономный шаг, почти рысь. Кира вела его по черной лестнице, которой не пользовались со времен последней осады. Ступени здесь были узкими и винтовыми. Дэймон, идущий сзади, положил тяжелую руку ей на плечо, не для того чтобы опереться, а чтобы контролировать её скорость — если она оступится на гладком камне и полетит вниз, шум привлечет всю Академию. Они спустились на уровень подвала. Воздух здесь был спертым, пахло сыростью, оружейной смазкой и старым железом. Кира резко затормозила у поворота, снова выставив вперед раскрытую ладонь. *Стой.* Впереди, за углом, горел тусклый оранжевый свет дежурного фонаря. Там был пост. Но Кира указала не на него, а на неприметную дверь прямо под лестницей, обитую ржавыми железными полосами. — Там есть дверь, — выдохнула она, когда они прижались к стене. — Она выходит к оружейному складу. Оттуда вдоль стены — к Северной башне. Дэймон кивнул. Он уже не выглядел как пациент лазарета. В тусклом свете фонаря его глаза снова начали наливаться опасным, темным огнем. Он узнал эти маршруты. Это были пути отхода «Пепельных клинков» на случай, если крепость будет захвачена. Кира глубоко вдохнула, набирая в грудь воздуха, и рванула с места. Она толкнула тяжелую дверь оружейного склада. Та поддавалась с тихим, протестующим скрипом несмазанных петель. Кира зашипела от злости, но проскользнула внутрь. Дэймон последовал за ней, бесшумно прикрыв створку. Они оказались в абсолютной темноте, среди стеллажей, уставленных алебардами, щитами и бочками с порохом. — Сюда, — Кира схватила его за рукав, ведя вдоль стены на ощупь. — Третья бочка слева. Нажми на клеймо. Дэймон нащупал в темноте

шершавое дерево. Его пальцы нашли выпуклое клеймо гильдии каменщиков — молот и наковальню. Он надавил. Секунда тишины. Затем раздался тихий, сухой щелчок, и часть каменной кладки перед ними ушла вглубь на дюйм, открывая узкий, черный лаз. — Старая вентиляция, — прошептала Кира, уже протискиваясь внутрь. — Она ведет прямо к основанию башни. Иди за мной. И ради всех богов, не трогай здесь ничего, если не хочешь, чтобы мы взлетели на воздух вместе со всем арсеналом. Дэймон молча шагнул в темноту следом за ней. Камень за их спинами встал на место, отрезая путь назад и погружая их в могильный холод подземелья.

Тоннель дышал холодом и застарелой сыростью. Кирпичный свод был низким, заставляя Киру пригибать голову, а под ногами хрустел строительный мусор и влажная земля. — Осторожно, здесь ступенька, — шепнула она, нащупывая ногой опору. Они шли босиком. Кира сняла туфли еще в оружейном, чтобы не шуметь, а Дэймон оставил сапоги в лазарете — кожаная подошва была слишком громкой для пустот вентиляции. Холод камня неприятно покалывал ступни. Внезапно впереди, в абсолютном мраке, раздался тихий металлический щелчок. Дэймон щелкнул двумя пальцами, и на кончике его большого пальца вспыхнул маленький, неестественно ровный язычок оранжевого пламени. — Так лучше, — хрипло бросил он, поднимая руку выше. Тьма неохотно расступилась, выхватывая из мрака его резкий профиль, влажные своды тоннеля и её собственную руку, сжимающую сумку с зельями. Кира засмотрелась. На долю секунды она забыла, где находится. Пламя отбрасывало на лицо Дэймона глубокие тени, делая его ожоги почти невидимыми, а глаза — пугающе яркими. В этом слабом, живом свете он выглядел не как пациент лазарета, а как древний дух подземелий, вернувшийся за своей добычей. Именно в этот момент её правая нога провалилась в пустоту. Кира потеряла равновесие, взмахнула руками, пытаясь ухватиться за воздух, и тяжело рухнула на одно колено. Сумка с зельями глухо звякнула о камень. — Чёрт! — выдохнула она, инстинктивно прижимая ладони к лодыжке. — Моя нога... Как же ужасно болит. Огонь Дэймона тут же метнулся в её сторону, освещая место падения. — Тихо, — прошипел он. — Не ори. Он остановился и, не говоря ни слова, тяжело опустился на одно колено прямо в грязь перед ней. Поза была до боли знакомой — так командир проверяет состояние раненого бойца на поле боя. — Где болит? — его голос прозвучал низко и требовательно, не терпя возражений. Кира, всё еще морщась, ткнула пальцем чуть выше косточки. — Тут. Больно наступать. Дэймон осторожно, но уверенно взял её босую ступню в свои ладони. Его пальцы были горячими — гораздо горячее, чем положено обычному человеку, даже с его лихорадкой. Жар его магии просачивался сквозь её кожу. Он начал методично, профессионально ощупывать сустав, проверяя целостность костей. Его большой палец с нажимом прошелся по подъему стопы, затем жестко надавил на связки с внешней стороны. Кира чуть не вскрикнула от пронзившей её боли. Она рефлекторно дернулась, но его хватка была железной. Чтобы не заорать на весь тоннель, она до крови прокусила себе нижнюю губу. — Можно... можно аккуратнее? — выдавила она сквозь зубы, когда он нащупал эпицентр ушиба. — Больно же. Дэймон замер. В полумраке блеснули его зубы в короткой, хищной усмешке. — Если бы это был перелом, ты бы уже потеряла сознание от болевого шока, Морриган. Цени мою деликатность. Он закончил осмотр, размял её лодыжку еще одним, последним, почти жестоким движением и отпустил. Поднялся на ноги, отряхивая ладони. — Это легкий ушиб, — констатировал он тоном полевого врача. — Перелома нет. Но гематома будет знатная. Идти сможешь только на пятке. Он не стал ждать её ответа. Дэймон шагнул к ней вплотную, игнорируя её удивленный взгляд, и слегка присел, сгибая колени. — Облокотись на меня, — приказал он, подставляя плечо. — Клад руку на шею. И не дави на раненую ногу, если не хочешь, чтобы я тащил тебя на себе. Кира замерла. От него пахло гарью, антисептиками Нолана и сухим жаром, как от печной заслонки. Она неловко перекинула свою руку через его плечи, чувствуя, как горяча его кожа даже сквозь плотную ткань плаща. Они снова двинулись вперед. Теперь они шли медленно, в унисон. Кира старалась не опираться на него всем весом, но каждое движение отдавалось болью в лодыжке, и она всё сильнее вжи-

малась пальцами в его плечо, чтобы не упасть. В тесном тоннеле, освещенном лишь крошечным огоньком, их дыхание смешалось. Дэймон шел, слегка прихрамывая в такт ей, и его рука крепко, почти собственнически обхватила её за талию, поддерживая на скользких ступенях.

Последняя дверь поддавалась с тихим, влажным скрипом. Кира толкнула тяжелую дубовую створку, и в лицо им ударил холодный, пахнувший камнем и свободой ночной воздух Северной башни. Они вышли на узкую служебную площадку, опоясывающую основание башни. Отсюда было рукой подать до казарм, но и до патрульных маршрутов — тоже. — Я не смогу бежать, — выдохнула Кира, пытаясь перенести вес на здоровую ногу. Голеностоп пульсировал тупой болью. — Если нас увидят... Она не успела договорить. Дэймон, всё еще поддерживавший её за талию, резко замер. Его тело превратилось в натянутую струну. Он прижал её к холодной каменной кладке башни, шагнув вперед так, чтобы полностью закрыть её собой от обзора со двора. Кира оказалась в ловушке между его спиной и стеной. Она чувствовала жар его тела даже сквозь слои одежды. — Тихо, — прошипел он ей прямо в макушку. Его голос был низким, вибрирующим. — Замри. Кира затаила дыхание, вжимаясь в камень. Сердце колотилось где-то в горле. Она прислушалась. Слева, из-за угла башни, донеслись тяжелые, шаркающие шаги. Не чеканный шаг стражи, а ленивая, вразвалочку походка патрульного всадника, который обходит периметр в конце смены. — Патруль бродит, — выдохнул Дэймон ей в волосы. Его губы почти касались её виска. — Ты же не хочешь, чтобы мы спалились. В прямом и переносном смысле. — Что нам делать? — прошептала она в ответ, едва шевеля губами. До патрульного оставалось не больше десяти футов. Если он повернет голову, он увидит их в тени арки. Дэймон не ответил. Вместо этого он медленно, очень медленно повернулся к ней лицом. В темноте башни его глаза казались двумя провалами в бездну. Он шагнул еще ближе, сокращая дистанцию до нуля. Кира почувствовала спиной каждый неровный выступ старого кирпича. Его ладони легли на каменную кладку по обе стороны от её головы, заключая её в клетку из рук и жара. — Давай, — его губы изогнулись в опасной, почти безумной усмешке. — Целуй меня. Кира моргнула, расширив глаза от шока. — Что? — её голос сорвался на сиплый шепот. — Ты дурак, Дэймон. Нас же... Она не успела закончить фразу. Он не стал ждать. Дэймон накрыл её рот своим. Это не было нежно. Это был жесткий, требовательный поцелуй, призванный убедить любого случайного наблюдателя в их крайней увлеченности друг другом. Одной рукой он вцепился в её волосы на затылке, не давая отстраниться, а другой с силой прижал её бедра к своим, лишая возможности даже дернуться. Кира замерла от неожиданности, вцепившись пальцами в его плащ. Вкус у него был как у пепла и озона. Шаги патрульного замедлились прямо напротив их укрытия. Кира в панике распахнула глаза, уткнувшись взглядом в ключицу Дэймона. Она почувствовала, как его язык — горячий, наглый — требует ответа, раздвигая её губы. Инстинкт самосохранения боролся с шоком, но тело, лишенное опоры и зажатое между ним и стеной, среагировало само. Она судорожно выдохнула ему в рот и, зажмурившись, ответила на поцелуй, впиваясь пальцами в его плечи так сильно, что ногти наверняка оставили следы на коже. Дэймон издал тихий, удовлетворенный рык, принимая её капитуляцию. Его рука, лежавшая на её волосах, скользнула ниже, по шее, по открытому вороту рубахи, оставляя за собой полосу горячей кожи. Шаги патрульного поскрипели еще секунду на месте. Затем гравий снова захрустел под тяжелыми сапогами — звук начал удаляться в сторону казарм. Дэймон оторвался от её губ так же резко, как и начал. Он тяжело дышал, его грудь вздымалась в такт её собственной. Он медленно разжал пальцы, выпуская её волосы. — Сойдет за влюбленную дурочку, — хрипло констатировал он, проводя большим пальцем по своим влажным губам. Его глаза всё еще были темными, а зрачки — расширенными. — Патруль прошел. Можешь открывать глаза, Морриган. Опасность миновала. Кира отшатнулась от стены, словно обожглась. Она тяжело дышала, прижимая тыльную сторону ладони ко рту, пытаясь стереть вкус пепла. Её щеки горели, но то был не только румянец от нехватки воздуха. — Ты... ты невыносим, — выдавила она, отступая на шаг и спотыкаясь о собственную ногу. Дэймон лишь тихо рассмеялся, поправляя воротник

своего плаща. Он выглядел совершенно спокойным, словно только что не целовал её так, будто хотел поглотить целиком. — Идти можешь? — спросил он, кивнув в сторону тропы, ведущей к обрыву, где начинались Дикие земли. — Или мне понести тебя? Кира, всё ещё пытаясь унять дрожь в коленях, молча сделала шаг вперед, намеренно обходя его по широкой дуге. — Сама дойду, — бросила она через плечо, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И не смей больше так делать. — Как только мы выберемся отсюда, — пообещал он, нагоняя её. В его голосе слышалась откровенная издевка. — А теперь шевели ногами. До плато еще далеко.

Они шли вдоль северной стены Академии. Под ногами хрустел гравий, и каждый шаг отдавался в лодыжке Киры тупой, пульсирующей болью. Она старалась наступать только на пятку, из-за чего её походка стала дерганой и медленной. Но злилась она не на боль. Кира смотрела в широкую спину идущего впереди Дэймона, и её пальцы сами собой сжимались в кулаки. Этот самоуверенный, наглый, невыносимый... Она всё ещё чувствовала вкус пепла на губах и жар его ладони на затылке. Он поцеловал её не для спасения — она это поняла секунду спустя, когда патруль уже прошел. Он сделал это, потому что *мог*. Потому что хотел посмотреть, как далеко она позволит ему зайти. — Иди быстрее, — бросил Дэймон через плечо, не оборачиваясь. — Если нас застукает рассветный патруль, я оставлю тебя здесь. Инквизиция будет рада побеседовать с кадетом Морриган с глазу на глаз. Кира зашипела сквозь зубы, но ускорила шаг, насколько позволяла нога. Она старалась не отставать, хромая в его ритме. Наконец, когда они миновали последнюю сторожевую вышку и вышли на каменистую пустошь, отделяющую стены Академии от обрыва, Дэймон резко остановился. Он обернулся. В предрассветных сумерках его лицо казалось высеченным из камня. Он окинул её взглядом с головы до ног, задержавшись на её бледном лице и неестественно прямой спине, которой она пыталась скрыть хромоту. — В какую сторону идти? — спросил он прямо. Его голос снова стал ровным и командным, лишенным недавней игривости. — К драконам, которые списанные. Он сделал шаг к ней, сокращая дистанцию. Кира инстинктивно напряглась. — А нам еще далеко, — продолжил он, глядя ей прямо в глаза. — И мы не дойдем с твоей ногой до Плато. Если ты не заметила, я тоже не в лучшей форме. Тащить тебя на закорках, пока ты будешь брыкаться, я не намерен. Кира вскинула подбородок, пытаясь смотреть на него сверху вниз, несмотря на разницу в росте. — Я не брыкаюсь, Блэквуд. И я дойду. — Не дойдешь, — отрезал он. — Через час начнется смена караула у главных ворот. У нас есть минут двадцать, прежде чем патрули начнут шерстить подступы к обрыву. Показывай дорогу. Или я просто переброшу тебя через плечо и пойду наугад. Выбирай. Кира поняла, что спорить бесполезно. Он видел её насквозь. Она опустила взгляд, прикидывая маршрут в уме. — Туда, — она кивнула влево, на север, где склон становился еще круче, уходя в густой утренний туман. — Там старая штольня. Раньше через неё возили руду для кузниц. Она выходит в пещеры под Северной башней. Дракониный лазарет — там. Дэймон проследил за её кивком. Его взгляд на секунду смягчился — он узнал этот маршрут. Старая инфраструктура Аркаса, о которой знали только инженеры и, видимо, слишком любопытные кадеты. — Штольня завалена, — заметил он. — Я помню обвал девяносто пятого года. — Основной тоннель — да, — кивнула Кира, морщась от боли в лодыжке. — Но есть технический отвод для вентиляции. Он узкий, но мы пролезем. Я ходила там на прошлой неделе. Дэймон на мгновение прикрыл глаза, словно переваривая информацию. Когда он открыл их, в них снова плясали опасные огоньки. — На прошлой неделе. Значит, план побега ты составляла заранее. — Я... я просто изучала карту, — быстро соврала Кира, чувствуя, как краснеют уши. — На случай войны. — Разумеется, — хмыкнул он. — Ладно. Обопрись на меня. Если упадешь, я тебя брошу. Это не было поцелуем на прощание, Морриган, это была тактическая необходимость. Не обольщайся. Он подошел и подставил плечо, на этот раз без лишних слов и прелюдий. Кира, стиснув зубы от унижения и боли, перекинула руку через его шею. — Идем, — скомандовал он, начиная спуск по каменистому склону в сторону тумана. — И молись, чтобы твой «Слепая Ярость» еще помнил, с какой стороны седла держаться. Кира

ничего не ответила. Она просто смотрела на его профиль, пока они хромали в сторону обрыва, и думала о том, что ненавидит его почти так же сильно, как хочет врезать ему по его самодвольной челюсти. А еще о том, что её губы всё еще горят.

Глава 2. Побег из Лазарета

Далеко за горами Долины Горных Лучей наступал рассвет. Небо на востоке, там, где из тумана выплывали острые пики хребтов, наливалось тяжелым, густым оранжево-сиреневым цветом. Воздух здесь, на высоте, был колким и чистым, пах мокрым камнем и озоном. Они стояли, тяжело дыша, на краю каменистого плато. Переход через старую штольню вымотал их до предела. Дэймон опирался рукой о выступ скалы, его дыхание вырывалось изо рта густыми белыми облачками. Ожоги на его груди, скрытые под свежей повязкой из её рубахи, всё еще дымились, если он делал слишком резкий вдох. Кира сидела прямо на мокрой от росы траве, вытянув перед собой больную ногу. Сапог она сняла еще в тоннеле — распухшая лодыжка не влезала в обувь. — Я уже не могу идти, — выдохнула она, массируя голеностоп. Пальцы нащупали горячую, тугую опухоль. — Нога болит так, будто по ней проехал дилижанс. Дэймон медленно повернул голову. Он не выглядел уставшим — он выглядел смертельно опасным, загнанным в угол зверем, у которого просто закончились силы на рычание. Он молча подошел к ней и тяжело опустился на корточки рядом. Его движения были экономными, но каждое из них давалось ему с видимым усилием. — Ну потерпи немного, — его голос был хриплым и низким. — Осталось чуть больше мили до логова. Дойдем до Слепого, заберем его, я перекинусь, и через полчаса будем в городе. Правда, — тут он позволил себе короткую, хищную усмешку, — закидывать тебя буду не через главные ворота. Высажу тебя прямо у твоего окна в казарме. Сможешь написать жалобу ректору на нарушение правил пожарной безопасности. Кира замерла. Она медленно подняла на него взгляд. В сиреновом полумраке рассвета её глаза казались почти черными. Сначала она просто смотрела на него. Затем её губы дрогнули. А в следующее мгновение она подалась вперед и с силой ткнула его кулаком в здоровое плечо. — То есть ты хочешь меня отдать Инквизиции?! Дэймон от неожиданности потерял равновесие и чуть не завалился набок, едва успев выставить руку. — Что? Я же только что... — За то, что я тебя спасла?! — её голос сорвался на крик, эхом отразившись от скал. Она вскочила на ноги, забыв про боль, и теперь нависала над ним, сжав кулаки. — Вот сейчас, пять минут назад, тащила тебя на себе, когда ты едва переставлял ноги! Лечила тебя! А ты... ты... «закину до окна»?! Она задохнулась от возмущения. Дэймон медленно поднялся на ноги, оказываясь с ней лицом к лицу. Он больше не улыбался. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его глазах разгорался тот самый опасный, темный огонь. — Ну ты и падонок, Блэквуд! — выплонула она ему в лицо. — Я думала, ты хоть немного благодарен! А ты просто используешь меня как бесплатную аптечку, чтобы сдать властям?! Дэймон моргнул. А затем его плечи затряслись. Он запрокинул голову и расхохотался. Это был не веселый смех — это был громкий, истерический, почти безумный хохот человека, который чудом выжил и теперь не может поверить в абсурдность происходящего. Кира смотрела на него, тяжело дыша, её щеки горели от гнева и холода. — Ты... — он с трудом выдавил сквозь смех, вытирая выступившие слезы тыльной стороной ладони. — Ты действительно думаешь, что я собираюсь сдать Инквизиции? После того, как они убили мой отряд? Смех резко оборвался. Он шагнул к ней вплотную, заставив её инстинктивно отступить на шаг. Его лицо стало серьезным, почти мрачным. — Морриган, — сказал он тихо, и от его тона у Кире по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с утренней прохладой. — Если бы я хотел попасть в казематы Инквизиции, я бы просто лег обратно на тот стол в лазарете. Они бы дали мне чистую пижаму и казенный ужин. Он ткнул пальцем в её разбитую, распухшую лодыжку. — А теперь заткнись и дай мне посмотреть на твою ногу. Если ты её подвернула всерьез, нам придется искать Слепого еще сутки. Я не потащу тебя на закорках через половину королевства, даже если ты будешь умолять меня об этом на коленях. Кира открыла рот, чтобы выдать очередную порцию возмущения, но слова застряли в горле. Она просто стояла, хлопая ресницами, и смотрела, как он, игнорируя её протесты,

снова опускается на корточки и бесцеремонно хватает её за пятку, поднимая ногу на уровень своих глаз.— Снимай носок, — буркнул он. — И в следующий раз, когда захочешь на меня наорать, убедись, что у тебя есть на это силы. А то выглядишь жалко. Кира вырвала ногу из его рук, села на ближайший валун и, демонстративно отвернувшись, стянула мокрый, грязный носок.— Я не выгляжу жалко, — пробормотала она, стараясь не смотреть, как его ладони — снова горячие, источающие зеленоватое свечение целительной магии — начинают медленно кружить над её лодыжкой. — Я выгляжу как человек, который связался с самым невыносимым ублюдком в истории Аркаса.— Это всё еще комплимент, кадет, — глухо отозвался Дэймон, полностью поглощенный лечением. — Закрой глаза и не дергайся. У нас очень мало времени до того, как комендант Плато обнаружит, что мы собираемся угнать его личного дракона.

Дэймон убрал руку и медленно поднялся, отряхивая ладони от несуществующей пыли. Зеленое свечение целительной магии угасло, оставив после себя лишь запах озона и жженого сахара. Кира осторожно, с опаской опустила ногу на траву. Сначала она коснулась земли только пальцами, ожидая вспышки боли. Но её не было. Она перенесла вес на пятку, затем на носок. Голеностоп сгибался свободно, без малейшего сопротивления. Боль ушла так же внезапно, как и появилась, оставив после себя лишь легкий, фантомный зуд и уродливый лилово-желтый синяк, расплывающийся по коже. Она подняла взгляд на Дэймона. Он стоял, возвышаясь над ней, и смотрел в сторону темнеющих впереди скал, где скрывался вход в драконьи пещеры. В утреннем свете его профиль казался высеченным из гранита.— Спасибо, — тихо, почти неуверенно буркнула Кира, отводя взгляд. Слово прозвучало слишком громко в утренней тишине. Дэймон медленно повернул голову. На его губах играла едва заметная, понимающая усмешка — та самая, которая обычно бесила её больше всего.— Не за что, кадет. В следующий раз смотри под ноги, а не пялься на мой поцелуй. Это сэкономит нам время. Кира почувствовала, как щеки снова обожгло румянцем, и мысленно прокляла свою светлую кожу. Она открыла было рот, чтобы огрызнуться, но Дэймон уже отвернулся. Он поправил перевязь с её сумкой на своем плече — нести вещи он взвалил на себя, видя, как она хромот, — и перехватил поудобнее свой тяжелый плащ.— Ну всё, — его голос снова стал командным, не терпящим возражений. — Теперь пошли до дракона. Время не ждет. Он двинулся вперед широким, размашистым шагом, направляясь к узкой расщелине в скалах, которая служила входом в старые пещеры. Кира на мгновение замешкалась, всё еще прислушиваясь к ощущениям в ноге, которая теперь была абсолютно здоровой. — Эй! — окликнула она, догоняя его и приноравливаясь к его темпу. — Я же сказала спасибо! Можно подумать, ты каждый день лечишь кадетов, которых сам же и довел до истерики! — Только тех, кто вламывается в мой лазарет посреди ночи, — бросил он через плечо, не сбавляя шага. — Иди ровнее, Морриган. Нога в порядке, хватит изображать утку. У нас есть минут десять, пока старый комендант Плато не решит обойти стойла лично. Если он застанет нас у загона Слепого, объяснять, что мы просто пришли поздороваться, будет некогда. Кира закатила глаза, но всё же ускорила шаг, стараясь ступать твердо. Она убрала за ухо выбившуюся прядь волос и плотнее запахнула плащ. Впереди, за камнями, начиналась территория, куда не заходили даже патрули. Земля старых драконов. И они шли прямо в пасть к зверю, чтобы украсть одного из них.

Вход в пещеру сиял в скале черной, неровной дырой, похожей на выбитый зуб. Оттуда тянуло застарелым запахом серы, звериной шерсти и чего-то кислого, металлического. Дэймон остановился у самого порога, вглядываясь в абсолютный мрак. Кира поежилась и шагнула вплотную к нему, прячась в тени его широкого плаща. Они вошли внутрь. Под ногами захрустел гравий и старые кости. Дэймон щелкнул пальцами, и на его ладони вспыхнул тусклый огонек, выхватывая из темноты уходящие ввысь своды и влажные, поросшие мхом стены. Они шли вдоль левой стены, стараясь ступать по краю, где камни были суше. Каждый звук — шорох их одежды, стук подошв — казался здесь пушечным выстрелом, способным разбудить весь драконий выводок.— Сюда, — одними губами прошептала Кира, указывая на широкий проход

в дальнем конце зала, откуда доносилось низкое, утробное ворчание. — За поворотом начнутся загоны для списанных. Дэймон молча кивнул, перехватив её сумку поудобнее, чтобы пряжки не звякнули. Он двигался с пугающей грацией хищника, полностью сливаясь с тенями. — И как ты хотела украсть Слепого Ярость из пещеры? — едва слышно спросил Дэймон, когда они замерли у поворота, вслушиваясь в дыхание зверей. Его голос в тесном пространстве прозвучал низко и раскатисто. — Если здесь его охраняют. Кира посмотрела на него. В тусклом свете его глаза казались двумя озерами жидкой тьмы. Она чуть заметно пожала плечами, стараясь не морщиться от того, как гулко бьется её собственное сердце. — У меня есть одна идея. Дэймон медленно повернул голову. Он смотрел на неё долго, молча, и в его взгляде проскользнуло что-то похожее на искреннее, почти паническое удивление. За последние сутки он привык, что она знает местность, знает травы и умеет лечить. Но кража дракона из-под носа у гарнизона — это была его, командирская, территория. — Что? — выдохнул он чуть громче, чем следовало. Он тут же осекся, когда из темноты соседнего тоннеля донеслось недовольное, сонное шипение, и продолжил тише: — Что ты задумала, Морриган? Кира дождалась, пока шипение затихнет, и наклонилась к самому его уху. Её губы почти касались его кожи, а волосы упали ему на плечо. — Помнишь, — прошептала она, — я говорила, что ходила здесь на прошлой неделе? Я не просто изучала карту. Я... познакомилась со Слепым. Дэймон замер, вглядываясь в её лицо. — Познакомилась? — переспросил он. — С боевым драконом, который размером с дом и плюется плазмой? Как, Морриган? Угостила его пирожком? — Почти, — Кира позволила себе короткую, хищную ухмылку. — У него катаракта на обоих глазах, но обоняние и слух в порядке. Я приходила сюда трижды. Приносила ему мясо, которое оставалось после занятий по разделке туш. И натерла свой плащ его любимыми соляными камнями из старой кормушки. Она выпрямилась и ткнула пальцем в свой форменный плащ, который всё ещё был на ней. — Он учует мой запах. Если я подойду к краю его загона, он решит, что пришла служанка с обедом. Он не станет рычать. Он просто подойдет поближе. Дэймон долго смотрел на неё. На его лице отразилась целая гамма эмоций: сначала шок, затем — неохотное, зарождающееся уважение, и, наконец, привычная ядовитая усмешка. — Ты сумасшедшая, — констатировал он с каким-то мрачным восхищением. — Самая безумная, везучая идиотка, которую я когда-либо видел. — Идеи получше есть? — так же шепотом огрызнулась она. — Нет, — он качнул головой. — План безумный, но это единственный наш шанс. Держись за моей спиной. И если твой «друг» решит всё-таки закусить тобой, кричи громче. Я хочу успеть отскочить. Кира фыркнула и молча кивнула. Дэймон сделал шаг из-за угла, гася магический огонь на ладони и погружая их в почти полную темноту, где ориентироваться можно было только по запаху и теплу.

Кира сделала шаг вперед, выходя из-за широкой спины Дэймона в полумрак загона. Она остановилась в пяти шагах от огромной головы зверя, стараясь не делать резких движений. Слепой Ярость лежал, свернувшись кольцом вокруг груды старых костей. Его чешуя, когда-то бывшая цвета вороненой стали, теперь потускнела и пошла сетью мелких трещин, как высохшая земля. Он был огромен — даже лежа, он возвышался над ней, как крепостная башня. Белесые, подернутые мутной пленкой глаза смотрели в никуда, но Кира знала: он её прекрасно слышит. Дракон лениво поднял голову. Его ноздри, размером с блюдце, затрепетали. Он втянул воздух. Запах. Соль. Железо. И что-то неуловимо знакомое, теплое, из тех времен, когда огонь в небе был обычным делом. Кира медленно опустилась на одно колено, чтобы казаться меньше, и заговорила. Её голос был тихим, певучим, предназначенным только для его слуха. — Привет, мой старый друг. Я знаю, что ты меня не видишь. Но я знаю, что ты здесь. Слепой Ярость склонил голову набок. Из его ноздрей вырвалось маленькое, густое облачко сизого дыма — знак интереса, а не угрозы. И в тот же миг в голове Киры раздался голос. Он не звучал в ушах — он рождался прямо в сознании. Это был низкий, вибрирующий бас, похожий на гул землетрясения, но в нем не было злобы. Только вековая усталость. — Здравствуй, маленькая тень. Ты пахнешь так же, как и тогда. Что ты хочешь, чтобы я сделал? Кира позволила себе облегченно

выдохнуть. Она протянула руку и коснулась шершавой, теплой чешуи на его морде. — Мне нужно, чтобы ты помог мне, — прошептала она вслух, продолжая гладить его. Она достала из сумки Дэймона завернутый в ткань кусок сырой, кровоточащей оленины — остатки их ужина в лесу — и бросила его перед носом дракона. Слепой Ярость не стал есть сразу. Он сначала втянул запах мяса, а затем подтолкнул его носом ближе к Кире, словно предлагая ей разделить трапезу. — Нет, это тебе, — улыбнулась она. — Мой товарищ... ему нужно добраться до Плато. Очень быстро. И очень тихо. Дракон наконец взял мясо одним движением гигантских челюстей. Прожевав, он снова выдохнул дым, на этот раз с нотками озона. — Ради тебя, маленькая тень... Я помогу ему. Забрасывать на спину слепого старика — сомнительная честь, но я помню твой вкус. Кира благодарно прижалась лбом к его чешуе, но в этот момент Слепой Ярость внезапно замер. Его ноздри снова дрогнули, на этот раз агрессивно, втягивая воздух за спиной Киры. Он принюхивался к запаху Дэймона. Ментальная связь в голове Киры резко изменилась. Сонная леность исчезла, сменившись острым, звенящим напряжением. — Так это твой друг... — голос дракона в её голове стал острым, как лезвие. — Тот, кто исчез. Командир. Я чую его пепел. Огонь, который выжег сам себя. Кира резко обернулась. Дэймон стоял в тени у входа в загон, скрестив руки на груди. Он не пытался прятаться, просто наблюдал. Слепой Ярость медленно, с кряхтением поднялся на все четыре лапы. Земля под ногами едва заметно дрогнула. Белесые глаза дракона, не видящие света, были теперь направлены точно на Дэймона. Он склонил свою огромную голову в низком, почтительном поклоне, от которого Кире заложило уши. Но как он выжил? — пророкотал дракон в голове Киры, и в этом вопросе звучало не просто любопытство, а леденящий ужас. — Я чую на нем дыхание Пустоты. Он не должен ходить.

Кира сама не знала, что произошло с отрядом «Пепельных клинков» полгода назад. В Академии ходили только слухи о предательстве и выжженной земле, но правду знал только стоящий за её спиной человек. И, кажется, этот дракон. Тяжелые шаги Дэймона эхом разнеслись по пещере. Он вышел из тени, остановившись рядом с Кирой, но не касаясь её. Слепой Ярость мгновенно повернул свою огромную голову на звук и запах. Белесые, невидящие глаза смотрели прямо на всадника, но Кира знала — дракон "видит" его насквозь, чувствует жар его проклятой крови и холод Пустоты, о которой он только что говорил. Кира сглотнула, переводя взгляд с морды дракона на напряженный профиль Дэймона. Нужно было заканчивать этот разговор, пока старый ящер не передумал или не решил, что его бывший командир — слишком опасный груз. — Ну так что? — спросила она вслух, снова обращаясь к дракону и стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты поможешь мне? Слепой Ярость долго молчал. Он медленно опустил свою гигантскую голову, почти касаясь носом земли, и втянул запах Дэймона еще раз. Затем он так же медленно поднял её, и из его ноздрей вырвался клуб густого, сизого дыма. Дракон медленно, с достоинством старого аристократа, кивнул массивной головой. — Я понесу его, маленькая тень, — пророкотал он в голове Киры. — Я помню его руку. Он был достойным командиром. Но я не служу бесплатно. Кира уже открыла рот, чтобы спросить, чего он хочет — еды, золота? — но дракон продолжил, и его ментальный голос стал жестким, как скрежет металла: — Он мне должен. Одну услугу. Когда придет время и я позову, он сделает то, что я попрошу. Без вопросов. Без отказа. Передай ему это. Кира обернулась к Дэймону. Она ожидала увидеть на его лице гнев или высокомерие, но тот лишь едва заметно наклонил голову. Старый командир понимал правила игры. Он смотрел прямо в белесые глаза дракона. — Я принимаю твои условия, — хрипло ответил Дэймон вслух. — Ты знаешь, где меня найти, когда понадобится. Слепой Ярость удовлетворенно фыркнул, выпустив струю горячего пара. — Хорошо, — пророкотал он, на этот раз, кажется, для них обоих. — Идите. Рассвет скоро сменится тревогой. Залезайте. Дракон тяжело опустился на брюхо, подогнув передние лапы и выгибая длинную шею, чтобы им было удобнее забраться. Его чешуя оказалась на удивление теплой, почти горячей, и пульсировала в такт медленному, глубокому дыханию. Кира посмотрела на Дэймона. Высота спины дракона была больше двух человеческих ростов. — После тебя, командир, —

тихо сказала она, отступая в сторону. — Только... постарайся не упасть, пока будешь меня подсаживать. Уголок губ Дэймона дернулся в усмешке. Он подошел к ней вплотную, игнорируя личное пространство, обхватил за талию сильными, горячими руками и легко, словно она весила не больше перышка, забросил на шею дракона. Кира судорожно вцепилась в роговые наросты, чувствуя, как вибрирует под ней древняя мощь. Через секунду он оказался рядом, тяжело перекинув ногу через основание шеи. — Держись крепче, Морриган, — прошептал он ей на ухо, его горячее дыхание коснулось её шеи. — И молись, чтобы Инквизиция не умеет летать. Слепой Ярость издал низкий, вибрирующий рык, от которого с потолка пещеры посыпалась каменная крошка, и начал медленно, а затем всё быстрее и быстрее разворачиваться в тесном загоне, направляясь к выходу в утреннее небо.

Слепой Ярость мощным толчком задних лап оттолкнулся от края скалы. Это не был плавный взлет. Это был выстрел. Огромное тело старого дракона, вопреки законам природы, рванулось вперед и вверх с ускорением снаряда. У Киры перехватило дыхание, желудок подскочил к горлу. Ветер ударил в лицо ледяным кулаком, вышибая слезы. Они пробили низкие, серые облака за считанные секунды, и мир внизу исчез, превратившись в бесконечное, кипящее море тумана. Кира закричала, но звук тут же унесло ветром. Она вцепилась в Дэймона так, что побелели костяшки пальцев, обвив его торс ногами и руками, вжимаясь спиной в его широкую, раскаленную грудь. Она чувствовала каждый его вдох, каждый удар его сердца, который, казалось, бился в унисон с ревом драконьих крыльев. Дэймон не пытался её успокоить. Он просто крепко обхватил её руками поверх своих, фиксируя их обоих на шее зверя, и наклонился к её уху, перекрывая гул ветра: — Держись за меня, а не за чешую. Если сорвешься, я не смогу тебя поймать. Когда они поднялись выше облаков, в ослепительную синеву рассвета, Слепой Ярость выровнялся, перейдя в горизонтальный полет. Кира немного отдышалась, судорожно глотая воздух, но хватку не ослабила. Она всё еще дрожала. — На Плато, — хрипло скомандовал Дэймон дракону. — Полным ходом. Слепой Ярость согласно рыкнул, но вместо того чтобы продолжить путь на север, к свободе, он заложил крутой вираж. Его огромное крыло заслонило солнце. — Что ты... — начала было Кира, но осеклась, увидев, как внизу, под ватным одеялом облаков, снова показалась темная полоса гор, а за ними — серая, неприступная громада Академии Аркас. Дэймон почувствовал, как она напряглась. — Что ты делаешь? — её голос сорвался на панический шепот. — Куда мы летим?! — В Аркас, — ровно ответил он, не оборачиваясь. Его дыхание было спокойным. — Я попрошу его вернуть тебя к твоему окну. Кира замерла. Холод, который она чувствовала от его ожогов, теперь казался ей ледяным панцирем, сковавшим всё её тело. Она поняла. Он не бежит. Он просто избавляется от свидетеля. Если она вернется в свою постель до пробуждения, никто не узнает, что она покидала казармы. Её не будут допрашивать. Её не потянут за собой на виселицу как соучастницу. Он всё спланировал. Даже её спасение было лишь частью его плана по собственному побегу. — Нет, — прошептала она. — Нет, Дэймон, не делай этого. Он почувствовал, как её хватка на его руках ослабла. Она попыталась отстраниться, но он держал её железной хваткой. — Прости, — его шепот на ухо был едва слышен за свистом ветра, но каждое слово било наотмашь. — Но так будет лучше. Для тебя. Я всё равно вернусь на нем в Аркас, когда всё закончится. Тебя просто найдут в кровати, и никто ничего не узнает. — Я не хочу обратно! — закричала она, пытаясь перекрыть ветер, и в её голосе зазвенели слезы. — Я помогала тебе! Я рисковала всем! Ты не можешь просто... — Я могу всё, Морриган, — отрезал он, и его голос снова стал голосом командира «Пепельных клинков» — холодным и беспощадным. — Это не обсуждается. Слепой Ярость начал снижаться по широкой дуге, заходя на западное крыло Академии. Кира уткнулась лбом ему в спину, зажмурившись. Ветер хлестал по лицу, но она больше не пыталась вырваться. Она почувствовала, как по щекам, смешиваясь с ветром, потекли горячие, горькие слезы. Она плакала не от страха высоты. Она плакала от того, насколько глупой и наивной была. Она думала, что поцелуй в пещере что-то значил. Она думала, что они — команда. А он просто использовал

её, чтобы спасти свою шкуру, и теперь вежливо выставлял за дверь, как ненужную служанку. Они влетели в зону влияния Академии. Внизу замелькали сторожевые башни. Кира вжалась в Дэймона, содрогаясь от беззвучных рыданий, и впервые за эти сутки почувствовала себя по-настоящему, смертельно одинокой.

Дракон опустился на крышу Северной башни с грацией, неожиданной для его размеров. Ящер сложил крылья, и черепица под их ногами жалобно заскрипела. Кира всё ещё дрожала, вжимаясь в Дэймона, не в силах разжать пальцы, сведенные судорогой. — Мы на месте, — его голос прозвучал над самым ухом. Он не был нежным, но в нем больше не было того ледяного металла. Скорее, глухая, деловитая усталость. Он мягко, но настойчиво разжал её руки на своей груди и талии, помогая ей соскользнуть со спины дракона на наклонную, скользкую крышу. Его ладони всё ещё были горячими, и Кира почувствовала укол разочарования, когда тепло исчезло. — Теперь иди, — Дэймон кивнул в сторону мансардного окна её казармы, расположенного чуть ниже по скату. — Только аккуратно. Черепица старая, она крошится. И не говори никому. Когда я прибуду в Академию Аркас, ты меня увидишь. Он не стал ждать ответа. Это был приказ, а не прощание. Дэймон одним плавным движением снова оказался на шее дракона. Слепой Ярость издал низкий, вибрирующий рык, от которого задрожали стекла в окнах башни, и мощным толчком сорвался с места, уходя в пике к северным воротам, в сторону Плато Ветров. Кира стояла на крыше, обхватив себя руками, и смотрела ему вслед. Фигура всадника и очертания старого дракона быстро уменьшались, растворяясь в утренней дымке, пока не превратились в едва различимую точку на горизонте. Она осталась одна. На высоте птичьего полета. Снаружи — холодный ветер. Внутри — ледяная пустота. Паника накатила удушливой волной. Что, если кто-то из дежурных магов видел их на подлете? Что, если Нолан уже поднял тревогу? Её комната — первое место, куда придут с обыском. Кира встряхнулась, сбрасывая оцепенение. Нужно было двигаться. Она пригнулась, стараясь держаться конька крыши, чтобы её силуэт не был виден со двора. Черепица хрустела под мягкими подошвами туфель. Добравшись до края, она посмотрела вниз. До окна было около трех метров, а плющ, который она считала надежной опорой, выглядел слишком тонким и мокрым от росы. — Давай, Морриган, — прошептала она сама себе. — Ты же не хочешь встретить рассвет в кабинете ректора. Она перекинула ноги через край, нащупывая опору. Плющ больно впился в ладони, срывая кожу, но выдержал. Кира повисла на руках, раскачалась и мягко спрыгнула на узкий каменный подоконник. Рама поддалась с тихим, благодарным щелчком — она никогда не забывала смазывать петли. Кира бесшумно скользнула в свою комнату. Внутри было темно, душно и пахло пылью и лавандой — запахом безопасности, который сейчас казался чужим. Она тут же метнулась к двери, припала ухом к щели. В коридоре кадетов стояла мертвая тишина. Только где-то далеко, в другом крыле, гулко пробил колокол — смена караула. Она закрыла окно, задвинула тяжелые шторы и на цыпочках прокралась к своей кровати. Скинув грязную, пропахшую дымом и драконом одежду прямо на пол, она юркнула под тонкое шерстяное одеяло, свернувшись в клубок. Её всё ещё трясло. Но теперь это был не холод высоты. Кира лежала, глядя в темноту широко открытыми глазами, и прислушивалась к каждому шороху за стеной. Она ждала. Ждала тяжелого стука в дверь. Ждала голоса дежурного офицера: — Кадет Морриган, на выход. Ждала, когда за ней придут из Инквизиции. Она только что помогла сбежать государственному преступнику. И самое страшное было не в том, что её могли казнить. Самое страшное было в том, что Дэймон Блэквуд, ради которого она всё это сделала, выбросил её, как только она перестала быть полезной.

Кира лежала в кровати, уставившись в потолок. Сон не шел. Солнечный луч, пробившийся сквозь щель в шторах, медленно полз по стене, освещая пылинки в воздухе. Её мысли снова и снова возвращались в темный, узкий тоннель. К каменной стене, пахнущей сыростью. К внезапному теплу его губ. К тому, как его рука жестко, но уверенно держала её затылок, не давая отстраниться. Она помнила вкус пепла и озона. Помнила, как бешено колотилось её

сердце, когда она поняла, что патруль проходит всего в паре метров от них. И сейчас, в безопасности своей комнаты, под защитой каменных стен Аркаса, она хотела этого снова. Хотела увидеть его. Обнять. Услышать его ядовитый голос. Это было безумием, но желание было сильнее страха. Деймон... — мысленно прошептала она, закрывая глаза. Тук-тук-тук. Звук был резким, громким, как выстрел в утренней тишине. Кира подскочила на кровати так, словно её ударило током. Сердце рухнуло в пятки. — За мной. Они пришли. Нолан сдал. Инквизиция здесь. Она судорожно пыталась вспомнить, успела ли спрятать в сумку остатки «Слез феникса». Пальцы дрожали. — Кто? — голос сорвался на хриплый писк. — Эй, соня, ты там долго спать будешь? — раздался из-за двери знакомый, звонкий голос. — Подъем был полчаса назад! Вэнса удар хватит, если ты снова опоздаешь на гербологию. Кира осела на пол, хватая ртом воздух. Это была Мила. Просто Мила. Она с трудом поднялась, ноги всё еще подкашивались от пережитого ужаса. Подошла к двери, распахнула её. — Привет, Мила, — Кира попыталась выдавить улыбку, но губы едва слушались. — Я... я только проснулась. И не могла уснуть. Плохо спала. Мила, её соседка по этажу и единственная подруга в Академии, окинула её внимательным взглядом. Она заметила и бледность Кире, и то, как дрожат её руки, но списала это на недосып. — Выглядишь так, будто тебя всю ночь пытали на допросе, а не учили лечить подорожник, — хмыкнула Мила, проходя в комнату и бросая сумку на свою кровать. — Хотя, учитывая новости, неудивительно. Кира замерла с сапогом в руке. — Какие новости? — спросила она слишком ровным голосом. — Ты что, правда ничего не слышала? — Мила округлила глаза. — Сегодня я слышала краем уха, что ты нашла Дэймона Блэквуда. Того, который пропал полгода назад. И то, что он сбежал из лазарета. Кира медленно опустилась на край своей кровати. В ушах зазвенело. *«Они уже знают. Утро только началось, а стены уже шепчут».* Она заставила себя усмехнуться, играя роль возмущенной праведницы. — Ну, то, что я нашла — это правда. А то, что сбежал — это плохо. Вот идиот. Я же говорила Нолану, что его нельзя оставлять без присмотра с такими ожогами. Теперь весь гарнизон на ушах. Мила пожала плечами, доставая учебник. — Говорят, его видели на драконе. Будто бы он вылетел из-под Северной башни. Представляешь? Целый боевой дракон. Если его поймают, его же казнят как предателя. Кира смотрела на подругу, кивала, отвечала что-то про устав и дисциплину, но не слышала ни слова. Внутри всё оборвалось. Они ищут его. Уже объявили его предателем. А я... я помогла ему уйти. Мила, закончив переодеваться, махнула ей рукой: — Ладно, я в столовую. Если пропустишь Вэнса, он заставит тебя пересаживать мандрагоры голыми руками. Удачи. Дверь закрылась. Кира осталась одна. Она сидела на кровати, сжимая в руках холодный сапог, и смотрела в стену. — Деймон, — прошептала она в пустоту комнаты. — Что мы с тобой наделали.

Девушка сидела на кровати еще несколько минут после ухода Милы, пока звон колокола, созывающего на завтрак, не заставил её вздрогнуть. Паника — плохой советчик. Она заставила себя дышать. Если она будет вести себя как обычно, никто ничего не заподозрит. Она просто кадетка, которая плохо спала. Она встала. Движения были механическими, отточенными годами муштры. Кожаная форма: плотные штаны, защищающие от ожогов и порезов, туника. Волосы: она расчесала их жесткой щеткой, заплела тугую, тяжелую косу, перекинув её через плечо. Ни один волосок не выбился. Сапоги: она натянула высокие, до колена, сапоги на шнуровке, тщательно пряча узлы. Она посмотрела на себя в небольшое зеркало над умывальником. На неё смотрела Кира Морриган — идеальный кадет. Если не заглядывать в глаза, где плескался холодный ужас. Кира открыла дверь и вышла в коридор. Она шла по каменным плитам в сторону лестницы, ведущей на первый этаж, к столовой. Старалась держать спину прямо, шаг — ровным. Она кивала встречным кадетам, здоровалась с преподавателями. Никто не смотрел на неё с подозрением. Пока. Она уже взялась за массивное бронзовое кольцо двери, ведущей на лестничную площадку, когда путь ей преградила высокая тень. — Кадет Морриган. Кира замерла. Нолан. Магистр целительства стоял, скрестив руки на груди. На нем не было привычного заляпанного кровью фатка — только строгая черная мантия. Выглядел он так,

будто не спал всю ночь, и его терпение подошло к концу. Он не смотрел на неё гневно. Он смотрел изучающе, и от этого холодного профессионального интереса Кире стало страшнее, чем от крика. — Магистр, — она постаралась, чтобы голос звучал ровно. — Я как раз шла на завтрак. — Вы его пропустите, — отрезал Нолан. — Нам нужно поговорить. Сейчас. Он взял её за локоть. Хватка была железной. — Но столовая... — В мой кабинет мы не пойдем, — он мотнул головой в сторону лестницы. — Слишком много ушей. Сюда. Он буквально втолкнул её в первую попавшуюся открытую дверь. Это оказался пустой кабинет гербологии — пахло землей, перегноем и формалином. Нолан вошел следом и закрыл дверь на ключ. Щелчок замка в тишине прозвучал как удар гильотины. — Где вы были всю ночь? — спросил он без предисловий, присев на край преподавательского стола. Он не повышал голос, но каждое слово било наотмашь. Кира остолбенела. Она вжалась спиной в дверь, чувствуя, как по позвоночнику течет холодный пот. — В своей кровати, — ляпнула она первое, что пришло в голову. Слишком быстро. Слишком испуганно. Брови Нолана сошлись на переносице. — Не лгите мне. Я чувствую магию льда на ваших руках. Глубокое обморожение. Такое бывает, когда отдаешь слишком много сил на заморозку реки. Или когда держишь кого-то, кто горит изнутри. Он подался вперед. Его глаза были темными и безжалостными. — А теперь главный вопрос. Как Блэквуд сбежал? Кира открыла рот, но из горла не вырвалось ни звука. Воздуха не хватало. Она смотрела на Нолана и видела не целителя. Она видела дознавателя. Он знал про реку. Он знал про ожоги. Он сложил два и два. Она не знала, что сказать. Сказать правду — значит подписать себе приговор как соучастнице побега. Солгать — значит выставить себя дураком, которая не уследила за пациентом, что всё равно приведет к трибуналу за халатность. Она стояла, прижимая руки к груди, и просто смотрела на него, не в силах выдать ни слова. Её идеальный кадетский фасад рассыпался в прах. Нолан всё так же сидел на столе, терпеливо ожидая ответа, и тишина в кабинете с запахом земли становилась невыносимой.

Кира судорожно сглотнула. В горле пересохло так, что каждый вдох давался с болью. Запах земли и удобрений в гербологическом кабинете внезапно стал удушливым. Нолан сидел на столе, расслабленно положив руки на колени, но его взгляд был прикован к ней, словно гарпун. — Если будешь его покрывать, кадет Морриган, — голос магистра был тихим, почти ласковым, и от этого звучал еще страшнее, — то пойдешь соучастницей. Укрывательство государственного преступника, пособничество в побеге, кража боевого артефакта... Инквизиция будет рада с тобой побеседовать. У них в подвалах очень холодно. Идеально для твоего ледяного дара. Он сделал паузу, давая словам впитаться. Кира почувствовала, как ноги становятся ватными. Инквизиция. Каменные мешки. пытки. Они вытянут из неё всё, и тогда Дэймона найдут в течение суток. Нолан чуть наклонил голову, изучая её лицо. — Я еще раз повторюсь: где Блэквуд? — он подался вперед, упираясь ладонями в стол. — Скажи мне, где он. Куда он направился. Если ты скажешь, я не скажу, что ты в этом замешана. Я зафиксирую в отчете, что ты потеряла сознание от магического истощения еще до его побега. Ты просто проснешься утром в лазарете и пойдешь на свой завтрак. Никакого трибунала. Никакой Инквизиции. Всё просто. Это было идеальное предложение. Слишком идеальное. Всего одно слово — «Плато» — и всё закончится. Она вернется к гербологии, к Вэнсу и его мандрагорам. Она будет жить. Кира смотрела на него. Она видела лазейку. Видела выход. Но перед глазами стояло лицо Дэймона в пещере. Его тяжелое дыхание. То, как он нес её на руках, когда она подвернула ногу. И холодный, расчетливый поцелуй у стены, который всё равно почему-то жег губы. Она не могла. Это было бы предательством не только его, но и чего-то внутри неё самой. — Я... я не знаю, — выдавила она. Голос был чужим, хриплым. — Он... он просто оттолкнул меня и побегал. Я упала. Я ударилась головой. Я очнулась уже в своей кровати. Нолан долго смотрел на неё. В кабинете стояла такая тишина, что было слышно, как капает вода из лейки в дальнем углу. Он видел ложь. Он видел её прямо сейчас, сочащуюся из каждой поры её кожи. Магистр целительства медленно выдохнул и выпрямился. В его глазах мелькнуло что-то похожее на разо-

чарование.— Жаль, — тихо произнес он. — Очень жаль, Кира. Я хотел верить, что ты умнее. Он встал со стола, подошел к двери и повернул ключ, возвращая её в реальность щелчком металла.— Раз так, — сказал он, открывая дверь и жестом приглашая её выйти, — завтрак отменяется. За мной. К ректору. И советую молиться, чтобы у него было хорошее настроение. Оно ему сегодня понадобится.

Кира шла по коридору вслед за Ноланом. Её ноги двигались сами по себе, механически переступая через плиты пола. Слева — стена. Справа — высокие арочные окна, за которыми раскинулся внутренний двор Академии. Солнечный свет казался ей сейчас неуместно ярким, почти оскорбительным. Студенты спешили на занятия, смеялись, неся под мышкой свитки. Для них этот день был обычным. Для неё — последним. Она не знала, что делать. Ректор Аркаса — это не Нолан. Это политик. Если Нолан давил на страх перед Инквизицией, то ректор будет давить на её преданность Академии. У них есть её подпись в журнале лазарета. У них есть свидетель — она сама, которая привела Дэймона. Отрицать факт — значит выставить себя сумасшедшей. Признать — значит подписать себе приговор. — Думай, Морриган, думай! — билась в голове паническая мысль, пока они спускались по главной лестнице в административный корпус. В голове было пусто. Никакого плана. Никакой лазейки. Она была просто кадетом, попавшим в жернова государственной машины. Её мысли перескочили на Дэймона. — Когда он вернется? Он же сказал, что вернется на драконе. Он обещал. Он не мог просто бросить меня здесь, зная, что меня схватят. Эта мысль была похожа на тонкую соломинку, за которую хватается утопающий. Она цеплялась за неё с отчаянной, иррациональной надеждой. — Быстрее, кадет, — сухо бросил Нолан, не оборачиваясь. — Ректор не любит ждать. Кира вздрогнула и ускорила шаг. Но её взгляд снова метнулся к окнам. Каждый раз, когда они проходили мимо застекленного проема, она невольно поворачивала голову, всматриваясь в серое небо над горами. Она искала черную точку. Очертания крылатого ящера. Любое движение, которое не было бы полетом обычной птицы.* «Ну же, Дэймон. Сейчас. Вылети из-за туч. Спикируй во двор. Пусть все видят. Пусть они боятся. Скажи им, что я здесь ни при чем. Что я просто стояла рядом. Я здесь ни при чем... — Она почти видела это. Как он приземляется на плац, как спрыгивает на землю — целый, здоровый, в своей черной форме «Пепельных клинков». Как идет прямо к кабинету ректора, распахивает дверь и говорит своим низким, пробирающим до мурашек голосом: — Я здесь, рядом. Не трогайте её. Они остановились перед массивными дверями из мореного дуба. Секретарь ректора, сухая женщина в очках, подняла на них взгляд. — Магистр Нолан? Ректор ждет. Нолан положил тяжелую руку на плечо Кире, разворачивая её лицом к двери. — Иди, — сказал он ей тихо, почти сочувственно. — И молись, чтобы он поверил в твою амнезию. Кира сделала шаг к двери. Её рука легла на холодную медную ручку. Она обернулась через плечо, бросив последний, затравленный взгляд в окно коридора. Небо было чистым и пустым. Ни дракона. Ни всадника. Только холодный осенний ветер гнал по двору опавшие листья. Надежда, за которую она так цеплялась, с сухим треском сломалась. Она осталась одна. Кира опустила голову, чтобы Нолан не видел навернувшихся на глаза слез, и толкнула тяжелую дверь в кабинет ректора.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь унять дрожь в коленях, и перешагнула порог. — Разрешите войти? — голос прозвучал слишком тихо, и она прочистила горло. — Кадет Морриган по вашему приказанию. Кабинет ректора Элиаса был огромным, отделанным темным дубом и пахнувшим старой кожей и полиролью. Свет сюда проникал скупно, через тяжелые шторы, создавая атмосферу скорее допросной, чем учебного заведения. За массивным столом, больше похожим на саркофаг, сидел сам Элиас — человек с лицом, похожим на высохшее яблоко, и глазами, в которых не отражалось ничего, кроме устава. — Присаживайтесь, кадет, — ректор указал узловатым пальцем на жесткий стул для посетителей, стоящий точно по центру ковра. Нолан остался стоять у двери, скрестив руки на груди, — безмолвный свидетель обвинения. Кира села на самый край стула, выпрямив спину так, что заныли лопатки. Она сложила

руки на коленях, чтобы ректор не видел, как белеют костяшки пальцев. — Итак, Морриган, — Элиас сложил пальцы домиком и посмотрел на неё поверх них. — Магистр Нолан доложил мне весьма... тревожные сведения. О вашем ночном визите в лазарет. И о последующем исчезновении Дэймона Блэквуда. Начнем с простого. Где вы были между двумя и четырьмя часами ночи? Кира открыла рот. Она должна была сказать про амнезию. Про удар головой. Но слова застряли в горле. Смотреть в эти пустые глаза было невозможно. Она опустила взгляд на узор ковра. — Я... я была в лазарете, господин ректор. Я принесла остатки мазей. Я... я заснула там. — Заснули? — переспросил Нолан от двери. — В кресле в коридоре? В то время как ваш пациент выломал замок и испарился? — Я не слышала... — пролепетала Кира. — Я очень устала... — Куда он направился, кадет? — перебил её ректор. Его голос был лишен эмоций, и это пугало больше всего. — Блэквуд — боевой маг высшего ранга. Он не просто сбежал, он забрал с собой информацию. Если вы что-то знаете, сейчас самое время это озвучить. Чистосердечное признание смягчит вашу участь. Кира почувствовала, как к горлу подступает истерика. Они загнали её в угол. Она не могла сдать Дэймона, но и не могла защитить себя. Она зажмурилась, чувствуя, как по щеке ползет предательская слеза. «Деймон... где же ты...» — мысленно взмолилась она. И вдруг в её голове, разрывая пелену паники, раздался голос. Он не был похож на человеческий — это был низкий, вибрирующий рокот, похожий на землетрясение, но в нем чувствовалась неожиданная, почти материнская забота. — Не бойся, птенец. Я помогу тебе. Кира резко распахнула глаза. Она дернулась на стуле, оглядываясь. Нолан и ректор ничего не слышали. Голос звучал прямо внутри её черепа, заполняя собой всё пространство. — Это я. Нокс. Слушай меня внимательно. У тебя в кармане плаща — флакон с успокоительным. То самое, что Нолан давал тебе от ожогов. Вылей половину в его чайник. Он стоит слева от тебя, на столике. Пей свой чай. Выгляди спокойной». *Кира замерла. Её взгляд метнулся к столу ректора. Действительно, там стоял серебряный чайничек на подставке, от которого шел пар. Элиас как раз потянулся к нему, чтобы налить себе воды. — Кадет Морриган, я жду ответа, — поторопил ректор, берясь за ручку чайника. Кира медленно, стараясь не делать резких движений, сунула руку в карман своего плаща. Пальцы нащупали холодное стекло. Флакон. — Я... я не знаю, где он, — прошептала она, глядя на ректора. Она действовала на чистом автопилоте, подчиняясь воле дракона. — Он... он оттолкнул меня. Её рука дрогнула. Она незаметно свинтив крышку, наклонила флакон над своей чашкой — нет, над чайником. Темная, пахнущая мятой и валерианой жидкость капнула внутрь. Две капли. Три. Половина. — Оттолкнул? — Элиас нахмурился, наливая кипяток в чашки. — Почему? — Он сказал... он сказал, что если я буду мешать, он меня сожжет, — выпалила Кира первое, что пришло в голову, не отрывая глаз от чайника. — Я испугалась. Я убежала. Ректор подал ей чашку с чаем. Нокс в её голове тихо, удовлетворенно зарычал. — Умница. А теперь пей. Медленно. И молись своим ледяным богам, чтобы этот старый ящер ничего не заподозрил. Кира дрожащими пальцами приняла чашку. Горячий фарфор обжег ладони. Она поднесла её к губам, стараясь скрыть нервную улыбку, которая сама собой появилась на лице от облегчения. Внутри её разума, сквозь ментальную связь, она чувствовала колоссальную, древнюю мощь Нокс, которая сейчас была сосредоточена на одной задаче — вытащить своего кадета из этой клетки. — Допейте, Морриган, — кивнул ректор, делая глоток из своей чашки. — И расскажите мне всё с самого начала. С того момента, как вы решили, что ночью в лазарете — самое место для кадета. Кира сделала глоток. Чай был горьковатым. Она посмотрела прямо в глаза ректору. — С самого начала, господин ректор, — твердо сказала она. — Всё началось с «Слез феникса» в Железном лесу. Нокс в её голове довольно фыркнул. — Вот так. Дай ему правду. Но только ту часть, которую мы ему позволим увидеть.

Кира сделала еще один глоток чая. Жидкость теплом разлилась по желудку, но ясность в голове была не её собственной. Это был холодный, древний разум Нокс, который сейчас сидел в её черепе, как в кресле пилота, управляя её словами. — ...и тогда я поняла, что он не собирается меня убивать, — ровным, почти монотонным голосом продолжала она. — Он про-

сто хотел уйти. Он сказал, что Инквизиция убила его отряд, и он не вернется. Я не стала его останавливать, потому что... — она сделала паузу, подбирая слово, которое вложил в её разум дракон, — ...потому что лезть под руку боевому магу, находящемуся в состоянии аффекта, противоречит протоколу безопасности кадета. Нолан у двери едва слышно скрипнул зубами. Это была идеальная, выверенная ложь. Ложь, котораяставляла Киру не предательницей, а дисциплинированным солдатом, соблюдающим устав даже под угрозой смерти. Но он знал, что она не такая. Он видел её панику. Он чувствовал запах страха в том кабинете гербологии. Сейчас перед ним сидела кукла с заученным текстом. Вдруг дверь кабинета без стука распахнулась. Нолан резко обернулся, инстинктивно кладя руку на пояс, где обычно висел кинжал. На пороге стоял секретарь ректора, бледный как полотно. — Прошу прощения, господин Ректор. Срочное донесение из лазарета. Элиас медленно моргнул, словно просыпаясь, и кивнул. — Входите. Секретарь поспешно подошел к столу и положил перед ректором пергамент. Элиас пробежал его глазами. Его лицо, до этого выражавшее лишь сухой интерес следователя, не изменилось ни на йоту. — Благодарите, вы свободны, — сказал он секретарю. Когда дверь закрылась, ректор поднял взгляд на Нолана. Его глаза были абсолютно, пугающе пустыми. — Продолжайте, кадет Морриган, — произнес Элиас всё тем же ровным, лишенным эмоций голосом. — Что было дальше? Нолан шагнул в комнату. Он смотрел не на Киру. Он смотрел на Элиаса. Магистр целительства подошел к столу ректора, игнорируя правила приличия. Он положил ладонь на столешницу, закрывая глаза и концентрируясь. Его магия — тонкая, почти невидимая нить диагностического плетения — потянулась к разуму ректора. Он искал следы ментального воздействия. Ищущие чары. Иллюзии. Ничего. Разум ректора Элиаса был... чист. Слишком чист. В нем не было ни паники, ни гнева, ни даже обычного раздражения от прерванного допроса. Это была гладкая, спокойная, пустая заводь. Элиас не был под заклятием контроля — он просто *согласился*. Он был абсолютно, неестественно умиротворен тем, что слышит. Для него история Киры звучала как логичный, единственно верный отчет о дежурстве. — Элиас, — тихо, но твердо сказал Нолан, убирая руку от стола. — Она лжет. Ректор перевел на него взгляд. В его глазах не было раздражения на дерзость подчиненного. Только вежливое недоумение. — Магистр Нолан, — всё так же спокойно ответил он. — Кадет дает показания. Не мешайте следствию. Сядьте. Нолан остался стоять. Он смотрел на Киру. Она сидела всё в той же позе, держа чашку двумя руками, и смотрела прямо перед собой. Её глаза не бегали. Она не нервничала. Она выглядела как человек, который только что принял сильнейшее успокоительное. Но Нолан знал: она не пила зелье. Зелье сейчас плескалось в чайнике Элиаса. — Сядьте, Нолан, — повторил ректор, и в его голосе впервые прорезался металл. — Или я буду вынужден расценить это как помеху правосудию. Нолан медленно опустился на свободный стул. Он проиграл. Прямо сейчас, в этом кабинете, он был единственным, кто видел правду, но власть была на стороне того, чей разум сейчас мягко, но непреклонно убаюкивала Нокс. Кира же, повинаясь беззвучному приказу в голове, продолжила: — Дальше... дальше я пошла в свою комнату. Я очень устала, господин Ректор. Я не знала, что он улетел на драконе, пока мне не сказала Мила утром. Элиас медленно кивнул, делая пометку в пергаменте. — Благодарю за сотрудничество, кадет. Вы поступили согласно уставу. Можете быть свободны. Ожидайте в коридоре. Кира встала, аккуратно поставила пустую чашку на стол, кивнула ректору, бросила короткий, ничего не понимающий взгляд на Нолана и вышла. В кабинете повисла тяжелая тишина. Элиас отложил пергамент и сцепил пальцы в замок. — А теперь, Нолан, — сказал он, и его голос снова стал голосом ректора, а не загипнотизированного чиновника. — Объясните мне, почему вы врываетесь ко мне с обвинениями в адрес кадета, которая только что подтвердила свою непричастность. И почему от вашего присутствия у меня второй час раскалывается голова.

Кира закрыла за собой тяжелую дубовую дверь кабинета ректора и прислонилась к ней спиной с обратной стороны. Из-за толстого дерева доносился приглушенный, но всё еще властный голос Элиаса, который теперь требовал объяснений у Нолана. Кира не стала задержи-

ваться, чтобы дослушать. Она медленно сползла по двери на пол, обхватила колени руками и впервые за это утро позволила себе улыбку. Широкую, дрожащую, абсолютно счастливую улыбку. В её разуме, теплом и бархатным одеялом, разлилось присутствие Нокс. «Умница, маленькая тень, — пророкотал дракон. Его ментальный голос вибрировал от удовольствия. — А ты боялась. Не забывай, что я всегда на твоей стороне». Кира прижала ладонь к груди, где под форменной туникой всё еще бешено колотилось сердце. — Спасибо, — прошептала она в пустоту коридора. — Ты действительно мне помог. Я твоя должница. Нокс в её голове тихо, раскатисто рассмеялся. «Твой долг, птенец, — ответил он, и в его тоне послышалась серьезность. — Мы будем вместе до конца. Защищать друг друга. А остальное не важно». Это обещание древней, несокрушимой силы заставило Киру почувствовать себя в безопасности впервые с того момента, как она вошла в пещеру. Но эта безопасность была хрупкой. Она поднялась на ноги и медленно пошла по коридору в сторону лестницы, ведущей к выходу из административного корпуса. Мысли снова вернулись к нему. «Как думаешь... — мысленно обратилась она к дракону, боясь произнести имя вслух, пока стены академии давят на неё. — Как думаешь, он вернется в Аркас? Или... он просто обманул меня, чтобы я помогла ему сбежать?» Нокс ответил не сразу. Она почувствовала, как его ментальное присутствие становится тяжелее, задумчивее. Он вздохнул — физически, где-то высоко в небе, и этот вздох эхом прошел по её сознанию. «Вернется твой Блэквуд, — уверенно пророкотал дракон. — Ты сама увидишь его первой». Кира остановилась посреди коридора. Радость горячей волной ударила в голову. Он не бросил её. Он действительно собирался вернуться. Но следом пришла ледяная волна тревоги. Одно дело — сбежать. Другое — вернуться в пасть зверя, который только что пытался тебя сожрать. «Но его же... его накажут, — её мысль стала панической. — Ректор, Инквизиция... Его казнят за измену!» Нокс почувствовал её страх мгновенно. Его присутствие в голове стало жестким, как сталь. «Я же сказал — не бойся, — отрезал он. — Я даже могу сказать тебе кое-что одно. Когда он прилетит сюда, его не накажут». Кира нахмурилась, спускаясь по лестнице. Как дракон может быть так уверен? «Вернут его статус командира, — добавил Нокс, и в его голосе прозвучала нотка древней, политической мудрости. — Всё это... побег, лазарет... будет объявлено частью его задания. Глубоким внедрением. Он вернется героем, а не преступником». Кира чуть не споткнулась на ступеньке. Она застыла на лестничном пролете, вцепившись в перила. — Героем? — выдохнула она вслух. — Ты уверен? Что они... что вы... что всё это подстроено? «Я уверен, маленькая тень, — подтвердил дракон. Его тон не терпел возражений. — А теперь иди. Тебя ждет Вэнс и его мандрагоры. И не вздумай плакать, твои глаза всё еще красные». Связь оборвалась так же внезапно, как и началась. Тепло в затылке исчезло, оставив после себя лишь легкую звенящую пустоту и абсолютную, непоколебимую уверенность в словах ящера. Кира вытерла выступившие от облегчения слезы тыльной стороной ладони. Она глубоко вдохнула, пытаясь унять дрожь. Герой. Она поправила сбившийся воротник формы и пошла вниз. Если Нокс сказал, что Дэймон вернется командиром, значит, так и будет. А пока... пока ей нужно было просто пережить этот день и не сойти с ума от ожидания.

Дверь кабинета ректора распахнулась. Нолан вышел, чеканя шаг. Его лицо было бледным от ярости, а руки сжаты в кулаки так, что побелели костяшки. Он не посмотрел на Киру, которая всё еще стояла у стены, но его голос, холодный как сталь скальпеля, раздался в пустом коридоре: — Мы не закончили, кадет Морриган. Жду тебя в моем кабинете в лазарете. Сразу после занятий. И молись, чтобы у меня под рукой не оказалось сильного слабительного. Я тебя *проучу*. Он развернулся и стремительно зашагал прочь, не дожидаясь ответа. Кира лишь молча кивнула, глядя ему вслед. Угроза была серьезной — Нолан был из тех целителей, чье «проучу» включало в себя неделю чистки выгребных ям голыми руками или клизму из ледяной воды. Но сейчас, после защиты Нокс, гнев магистра вызывал у неё лишь усталую досаду. Она развернулась и пошла к лестнице. Ноги всё еще подкашивались, но теперь уже от пережитого адреналина. Спускаясь по каменным ступеням, она старалась дышать ровно. «Главное

— дойти до гербария, и не упасть». Она была уже на площадке между этажами, когда врезалась во что-то твердое. — Эй, полегче! — раздался веселый, чуть насмешливый голос. — Если ты так спешишь на завтрак, могла бы просто сказать, я бы поделился булочкой. Кира отшатнулась, машинально принимая боевую стойку, и тут же расслабилась. Перед ней стоял Роланд. Он был на курс старше, широкоплечий, с вечно растрепанными русыми волосами и россыпью веснушек на носу. Его мундир был расстегнут на верхнюю пуговицу, а на щеке красовалось пятно от чернил — вечный знак студента, который дописывал конспект за минуту до пары. — Роланд? — выдохнула Кира, чувствуя, как напряжение последних часов начинает отпускать. — Ты меня напугал. Роланд усмехнулся, оглядывая её с ног до головы. Его улыбка была открытой и теплой — полная противоположность хищной усмешке Дэймона или ледяному спокойствию Нолана. — Ты выглядишь так, будто всю ночь отбивалась от виверн в канализации, — он прищурился, заметив её бледность и неестественно прямую спину. — И почему ты в форме? Сегодня же выходной у гербологов, Вэнс уехал на симпозиум. Я думал, ты спишь до обеда. Они знали друг друга с пеленок. Их родители служили в одном гарнизоне, и всё детство Кира и Роланд провели, влипая в неприятности: воровали яблоки в садах префектов, строили крепости в старых штольнях и пытались оседлать дворцовых кошек. Он был единственным человеком в Академии, рядом с которым ей не нужно было играть роль «правильного кадета». — Я... я ходила к ректору, — Кира попыталась придать голосу беспечность, но он всё равно дрогнул. — По поводу успеваемости. Роланд фыркнул. — По поводу успеваемости? Кир, от тебя пахнет валерианой и страхом. И Нолан только что пронесся мимо меня по коридору, как ошпаренный, бормоча что-то про «наглых кадетов». Выкладывай. Что ты опять натворила? Он оперся плечом о перила, скрестив руки на груди. Его взгляд был полон дружеского участия, но Кира знала: он не отстанет. Она посмотрела в его честные, смеющиеся глаза и поняла, что не может сказать ему правду. Он не поймет. Он нормальный. Он не знает, каково это — целовать Огненного всадника в темной пещере или слышать голоса драконов в голове. — Роланд, я... я просто не выпалась, — она попыталась обойти его, но он мягко перехватил её за локоть. — Кир, — его голос стал серьезным. — Мы слишком давно друг друга знаем. Ты белая как стенка. Если это из-за того, что ты опять залила зельем мантию декана, я помогу тебе её чистить. Только скажи. Кира посмотрела на его руку на своем локте. Теплую, надежную. И впервые за утро почувствовала укол настоящей, горькой тоски. Она стояла на лестнице Академии, окруженная камнем и привычной жизнью, в то время как её разум всё еще был там, в горах, с драконом, который обещал, что её враг вернется героем. И она не могла рассказать об этом единственному другу. — Всё в порядке, Роланд, — она мягко высвободила руку. — Правда. Просто... сходи за меня на завтрак? Возьми мне булочку с корицей. Я... мне нужно зайти в библиотеку. Срочно. Она не стала ждать его ответа. Сбежала по оставшимся ступеням, оставив его одного на площадке с удивленным выражением лица. Кира знала, что обидела его, но сейчас у неё не было сил притворяться нормальной. Ей нужно было добраться до своей комнаты, закрыть дверь и просто дождаться, когда на горизонте появится черная точка.

Тяжелая дубовая дверь библиотеки захлопнулась за ней, отсекая шум студенческого гвалта. Кира прислонилась спиной к косяку, закрыла глаза и сделала глубокий, дрожащий вдох. Пахло старой бумагой, пылью и воском — запахами безопасности. Но безопасности она не чувствовала. Она медленно сползла по двери на пол, обхватив колени руками. Роланд остался где-то там, в столовой, с недоеденной булочкой и кучей вопросов в глазах. Она подвела его. Но извиняться или объяснять не было сил. Сейчас существовал только один человек — или, вернее, одно чудовище, — которое занимало все её мысли. Дэймон. Кира уткнулась лбом в колени. "Как он там" - Мысль была навязчивой, болезненной. Она закрыла глаза, пытаясь отгородиться от запаха книг и представить холодный ветер плато. Долетел ли он хорошо? Она помнила, как тяжело он опирался на её плечо в тоннеле. Помнила жар его тела, который, казалось, плавил её собственную кожу даже сквозь одежду. Слепой Ярость — дракон старый и своенравный.

Что, если его старое сердце не выдержало такого рывка после долгой спячки в пещере? Что, если они рухнули где-то в ущелье, и теперь Дэймон лежит со сломанными ногами, а Инквизиция уже накрывает их сетью? Нет, Нокс бы знала. Нокс сказала бы мне, — тут же оборвала она себя, пытаясь ухватиться за эту мысль как за спасательный круг. Дракон обещал, что они связаны. Но обещание — это просто слова." Что у него там сейчас происходит? Она представила себе Плато Ветров. Открытое всем ветрам каменистое пространство, где нет ни единого укрытия. Дэймон, который едва стоит на ногах. Слепой Ярость, который должен приземлиться и не быть замеченным патрулями. Её пальцы впились в ткань брюк. "Он же пошел прямо в пасть зверю. Он вернулся к своим драконам, к своим... бывшим подчиненным. Они же увидят, что он изменился. Что от него пахнет Пустотой. Что он... что он плакал там, в пещере, когда говорил об отряде. Кира поежилась, хотя в библиотеке было тепло. Она вспомнила его лицо в темноте — изможденное, с горящими безумием глазами. Он был страшен. Он был опасен. И она хотела быть рядом с ним. Прямо сейчас. Она хотела влететь на Плато на спине Нокс, встать перед этим гарнизоном и сказать: «Он со мной. Тронешь его — пожалеешь». Она хотела перевязывать его ожоги, варить ему горькие отвары, которые он будет ненавидеть, и слушать его ядовитые замечания. — Морриган? Голос над ухом заставил её подскочить. Кира резко открыла глаза. Над ней стоял старший библиотекарь, хмурый старик в очках с цепочкой. — Если вы пришли спать, то в казармах это делать сподручнее. Либо берите книгу, либо покиньте помещение. — Простите, господин, — Кира вскочила на ноги, пряча пылающее лицо. — Я... я просто задумалась. Она схватила с ближайшей полки первый попавшийся фолиант — «Токсичные споры северных болот» — и, прижимая его к груди как щит, почти бегом бросилась вглубь стеллажей, подальше от любопытных глаз. Найдя самый темный и дальний угол, она снова сползла на пол, зажав уши руками. "Пожалуйста, долети. Пожалуйста, не сорвись. Только выживи". Она сидела в тишине библиотеки, окруженная знаниями о мире, и чувствовала себя бесконечно, чудовищно одинокой. Время тянулось как смола. Каждый удар сердца отсчитывал секунды, которые он проводит там, в опасности. И она ничего, абсолютно ничего не могла сделать, кроме как ждать.

Слова в книге расплывались перед глазами. Кира в третий раз прочитала одну и ту же строчку о свойствах бледной поганки, но смысл так и не дошел до сознания. Она была одна в дальнем углу библиотеки. Снаружи давно начался учебный день, и гул коридоров сменился тишиной. Время тянулось невыносимо медленно. Каждая минута казалась вечностью. Терпение лопнуло. Она со злостью захлопнула тяжелый фолиант. Пыль взметнулась в лучах света. — Да сколько можно! — прошипела она в пустоту. Обида, страх, злость на Дэймона, злость на себя и на весь этот проклятый мир — всё, что она так долго сдерживала, прорвалось плотной. Кира уткнулась лбом в холодный дуб столешницы. Плечи затряслись в беззвучных рыданиях. Она пыталась отвлечься, пыталась думать о гербологии, о Миле, о чем угодно, кроме черных глаз и вкуса пепла на губах. Но это было бесполезно. Он был там. Один. Раненый. И, возможно, умирающий, пока она сидит здесь, прячась в пыли. — А-а-аргх! — крик вырвался сам собой, хриплый и отчаянный. Она с размаху ударила кулаком по тяжелой дубовой крышке стола. Боль в костяшках обожгла руку, но не принесла облегчения. Звук удара глухим эхом разнесся по пустому залу. Тишина. Кира тяжело дышала, прижимая к груди ушибленную руку. Она подняла голову, вытирая злые слезы тыльной стороной ладони, и замерла. — Надо же, какие люди. И одна. Голос раздался из-за соседнего стеллажа. Низкий, тягучий, полный яда. Кира медленно обернулась. Сердце, только что рвавшееся от тоски по Дэймону, мгновенно заледенело от страха другого рода. Из прохода между полками вышел Марик Войс. Высокий, широкоплечий, сын какого-то министерского чиновника. Он был из тех, кто считал, что положение родителей дает ему право топтать других. Он ненавидел Киру с первого курса — за её успехи в алхимии, за её северное происхождение и за то, что она ни разу не заплакала от его издевательств. Сейчас, видя её растрепанной, с красными глазами и сбитыми костяшками,

он выглядел как кот, перед которым поставили миску со сливками.— Что тебе нужно, Войс? — Кира заставила себя встать. Ноги были ватными, но она выпрямилась во весь рост, стараясь не показывать дрожи. Она обошла стол, создавая между ними преграду, и схватила со столешницы «Токсичные споры», делая вид, что просто выбирала книгу. — Да и какое тебе дело, что я здесь одна?Марик медленно обошел её стол. Он не торопился. Он наслаждался моментом. — Брось, Морриган, — он оперся бедром о край её стола, нависая над ней. — Мы же друзья. Я просто пришел проверить, всё ли в порядке с нашей лучшей ученицей. Слышал, тебя утром вызывали к ректору. А потом видели, как Нолан тащил тебя в лазарет. Он принялся, театрально сморщив нос.— И от тебя пахнет валерианой. Сильно нервничаешь? Совесть, может, замучила?Кира крепче сжала книгу. Её взгляд метнулся к выходу. До него было слишком далеко. — Не твоё дело, — отрезала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Уйди. У меня занятия.— О, я не задержу, — Марик улыбнулся, показывая слишком ровные зубы. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию. — Просто интересно, что же такое могла натворить тихоня Морриган, что её ищет вся администрация? Может, ты что-то украла? Или... кого-то покрывала?Он сделал еще один шаг. Теперь их разделяло всего полметра. Он намеренно вторгся в её личное пространство, заставляя вжиматься в книжный шкаф.Кира почувствовала, как по спине пробежал холодный пот. Она не могла использовать магию — это сразу заметят. Она не могла закричать — это будет признанием слабости. Она посмотрела в его наглые глаза и поняла, что сейчас ненавидит его так же сильно, как пять минут назад скучала по Дэймону.— Я сказала, уйди, Войс, — процедила она, выставляя книгу перед собой, словно щит. — Пока я не попросила библиотекаря выставить тебя за нарушение тишины.Марик лишь рассмеялся. Он протянул руку и медленно, издевательски медленно, взял с полки книгу прямо у неё над головой, преграждая путь к отступлению.— А то что? Ударить меня? Как только что ударила стол? Бедная девочка совсем расклеилась. Тебе нужно, чтобы кто-то сильный тебя защитил. Например... я.Он наклонился к её лицу. Его дыхание пахло мятой и высокомерием. Кира вжалась в книжный шкаф так, что корешки книг впились ей в спину. Она была в ловушке.

Кира замерла, вжавшись в книжный шкаф. Запах мяты и дешевого одеколona Марика вызывал тошноту. Она дернулась в сторону, пытаясь проскользнуть мимо него, но он был слишком крупным, блокируя проход.— Я сказал, не смей, — прошипела она, пытаясь оттолкнуть его руку, которой он опирался о полку над её головой.В ответ Марик лишь рассмеялся. Это был тихий, мерзкий смешок человека, уверенного в своей безнаказанности. — А то что? Пожалуешься ректору? — он наклонился ниже, его лицо оказалось в опасной близости от её. — Или, может, тебе просто не хватает мужской руки? Говорят, ты вчера ночью бегала по кампусу...Он резко сократил оставшееся расстояние. Кира не успела ни отстраниться, ни закричать. Он грубо, почти жестоко впился в её губы. Это был не поцелуй, а утверждение власти — мокрое, требовательное, отвратительное. Инстинкт сработал быстрее мысли. Кира с силой, на которую только была способна, ударила его коленом в пах. Марик хрюкнул от неожиданности и боли, отшатнувшись назад. Она тут же размахнулась и вцепилась в его запястье, хлесткую пощечину открытой ладонью. Звук удара эхом разнесся по тихой библиотеке.— Не смей ко мне подходить, урод, — выдохнула она, тяжело дыша, её щека горела. — Пожалеешь.Марик прижал ладонь к горячей щеке. Его глаза, секунду назад маслянистые, налились холодной яростью. Он снова шагнул к ней, сжимая кулаки.— А ты ещё та горячая штучка, — процеди он, и его голос стал опасным. — Может, надо поласкать тебя вот так, чтобы ты поняла свое место? Он снова бросился на неё, пытаясь схватить за руки. Кира начала вырываться, пинаться, пытаясь дотянуться до шокового жезла на поясе, но его вес придавил её к полкам. Она чувствовала, как трещит ткань её формы. — Отпусти её. Немедленно.Голос прозвучал не громко, но в нем было столько ледяной стали, что даже Кира замерла. Дверь библиотеки, которую они не слышали из-за возни, была открыта. На пороге стоял Роланд. Его лицо, обычно веселое и открытое, сейчас было белым от ярости. Он не стал кричать или звать библиотекаря.

Он просто пошел вперед. Марик, услышав голос, отпустил Киру и обернулся, всё еще тяжело дыша и держась за промежность. — Роланд? Это не то, что ты... Он не договорил. Роланд подошел к нему вплотную, не говоря ни слова. Он просто схватил Марика за шиворот дорогого мундира и, используя инерцию и вес собственного тела, с силой швырнул его спиной в ближайший стеллаж. Посыпались тяжелые фолианты по некромантии. Марик врезался в дерево спиной, и стеллаж опасно накренился. Прежде чем сын чиновника успел вдохнуть, Роланд ударил. Коротко, без замаха, точно в солнечное сплетение. Марик сложился пополам, хватая ртом воздух и выпучив глаза. Роланд не дал ему упасть. Он снова сгреб его за грудки, приподнял над полом и швырнул в соседний ряд полок. Раздался грохот падающей древесины и хруст рвущейся ткани. Всё произошло за пять секунд. Роланд подошел к всё еще хрипящему Марику, который пытался встать на четвереньки, и присел на корточки рядом с ним. Он не бил его ногами — это было бы грязно. Он просто наклонился к самому его уху, так, чтобы Кира, стоявшая в шоке у стены, едва могла расслышать шепот. — Если я еще раз увижу тебя рядом с ней... — голос Роланда был тихим, ровным и абсолютно мертвым. — Если ты подойдешь к Морриган хоть на метр... очутишься у Нолана в лазарете. И я лично прослежу, чтобы он лечил тебя самыми болезненными методами. Понял меня? Марик судорожно кивнул, не в силах выдать ни слова. Роланд выпрямился. Он брезгливо отряхнул руки, словно коснулся чего-то грязного, и только потом повернулся к Кире. Его ярость мгновенно сменилась тревогой. Он быстро подошел к ней, осматривая с ног до головы. — Кир? Он... он тебе ничего не сделал? Ты цела? Кира стояла, прислонившись к спасительной полке, и смотрела на него. Её всё еще трясло от отвращения и адреналина. Она перевела взгляд с поверженного Марика на лицо Роланда — взъерошенное, с горящими глазами, но абсолютно решительное. Она не выдержала. Сделала шаг и уткнулась лбом ему в плечо, крепко вцепившись в его куртку. — Роланд... — выдохнула она, и голос сорвался. — Спасибо. Он не стал её утешать или гладить по голове. Он просто обнял её одной рукой, крепко прижал к себе, продолжая смотреть на Марика тяжелым взглядом, и тихо сказал: — Всё хорошо. Он больше не подойдет. Никогда.

Марик медленно поднялся на ноги, всё еще держась за живот. Его мундир был порван, на щеке наливался багровым цветом след от пощечины, а в глазах плескалась бессильная злоба. Он понимал, что проиграл этот раунд вчистую, и это унижало его больше, чем физическая боль. Он смерил Киру тяжелым взглядом, в котором читалось обещание долгой мести. Затем он развернулся, не сказав Роланду ни слова — признавая, что этот противник ему не по зубам, — и, пошатываясь, пошел к выходу. У самой двери он остановился. Не оборачиваясь, бросил через плечо: — Ещё увидимся, Морриган. Дверь библиотеки захлопнулась за ним с тихим стуком, который в наступившей тишине прозвучал как выстрел. Кира вздрогнула, словно её облили ледяной водой. Ноги подкосились. Вся ярость, которая держала её на ногах минуту назад, испарилась, оставив после себя лишь пустоту и дрожь. Роланд тут же оказался рядом. Он не стал тратить время на слова. Просто взял её за руку — крепко, уверенно, переплетая пальцы со своими. Его ладонь была теплой и сухой. — Пойдем, — тихо сказал он. — Ко мне. Здесь слишком пыльно. Он повел её к выходу, не отпуская руки. Кира шла за ним как во сне, механически переставляя ноги. Только когда дверь библиотеки осталась позади, а они оказались в гулком коридоре, где их шаги эхом отдавались от каменных стен, она почувствовала, что может дышать. Он завел её в свою комнату — небольшую, но уютную, в отличие от стерильных казарм кадетов. Здесь пахло старой кожей, табаком и чем-то неуловимо мужским. Роланд усадил её в единственное глубокое кресло, а сам остался стоять, прислонившись к столу и скрестив руки на груди. Он всё еще выглядел как хищник, охраняющий свою территорию. — Что он от тебя хотел? — спросил Роланд, когда молчание стало невыносимым. Его голос снова стал обычным, но в нем всё еще звенела сталь. Кира подтянула колени к груди, обхватывая их руками. Она смотрела на свои сапоги, не в силах поднять на него глаза от стыда и пережитого страха. — То же, что и всегда, — голос звучал глухо. — Он ненавидит меня. С первого курса.

Я... я тогда обошла его в алхимии на экзамене, а его отец — большая шишка в Министерстве. Марик решил, что я смухлевала. С тех пор он... он всё хочет меня уничтожить. Унизить. Сделать так, чтобы меня вышвырнули из Академии. Она подняла на него взгляд. В глазах стояли слезы — те самые, которые она не проронила перед Марином. — Я так устала, Роланд. Я просто хотела, чтобы меня оставили в покое. Слеза сорвалась и покатилась по щеке. За ней вторая. Она пыталась сдержать их, закусив губу, но плотина прорвалась. Кира уткнулась лицом в колени и разрыдалась — тихо, беззвучно, содрогаясь всем телом. Это была реакция на всё: на побег Дэймона, на допрос у ректора, на страх перед Инквизицией и на грязные руки Марика на её плечах. Роланд молча подошел к креслу. Он не стал говорить «не плачь» или «всё будет хорошо». Он просто сел на корточки перед ней, взял её лицо в свои ладони — большие, теплые, с мозолями от тренировок — и заставил посмотреть на себя. — Не бойся, — сказал он твердо, глядя ей прямо в глаза. Его взгляд был абсолютно серьезным, без тени обычной насмешки. — Пока я здесь, он тебя не тронет. Никто не тронет. Кира вцепилась в его предплечья, ища опору. Она уткнулась лбом ему в плечо, позволяя себе просто выплакаться в его куртку, вдыхая запах безопасности. И в этот момент, в кольцо его рук, она поверила ему. Марик Войс был страшной, но понятной угрозой. А Роланд был её другом. И этого сейчас было достаточно.

Роланд всё еще держал её лицо в своих ладонях. Его большие пальцы осторожно стирали слезы с её щек. Кира смотрела на него сквозь влажную пелену — на его нахмуренные брови, на то, как он сосредоточенно, почти сурово пытался забрать себе её боль. Его взгляд опустился с её глаз на губы. Он задержался там на долю секунды. Затем он снова посмотрел ей в глаза, словно спрашивая разрешения. Кира затаила дыхание. Она видела, как он медленно, очень медленно наклоняется к ней. Его лицо становилось всё ближе. Тепло его дыхания коснулось её кожи. Это было бы так просто. Просто закрыть глаза. Просто позволить ему забрать остатки этого ужасного утра. Роланд был здесь, он был настоящим, он был безопасным. Он пах домом, а не пеплом и опасностью. Но в тот момент, когда его губы почти коснулись её, Кира увидела перед собой не веснушчатое лицо друга детства. Она увидела темную тень, горящие белым огнем глаза и почувствовала вкус пепла на языке. Роланд прижался к её губам. Поцелуй был мягким, осторожным, спрашивающим. Реакция Кира была мгновенной и инстинктивной. Она уперлась ладонями ему в грудь с такой силой, что он, не ожидавший сопротивления, отшатнулся назад и едва не потерял равновесие, схватившись за край стола. Они смотрели друг на друга. В глазах Роланда промелькнуло сначала удивление, а затем — резкая, режущая боль и обида. Он убрал руки от её лица, словно обжегся. — Прости, — выдохнула Кира. Голос был хриплым от слез и внезапной паники. Она вскочила с кресла, поправляя сбившийся воротник формы, лишь бы чем-то занять дрожащие руки. — Мне... мне надо идти. У меня лекция. Я опаздываю. Это была ложь. До лекции был еще час. Но она не могла здесь оставаться. Воздух в комнате внезапно стал густым и тяжелым, как перед грозой. — Кира... — начал он, но она не дала ему договорить.

Она метнулась к двери, схватившись за ручку. — Спасибо тебе, — бросила она через плечо, не оборачиваясь. Голос дрожал, но в нем была искренняя, звенящая благодарность. — Правда. Спасибо. За всё. Она рывком распахнула дверь и выскочила в коридор, не дожидаясь ответа. Роланд остался стоять посреди комнаты. Он слышал только грохот захлопнувшейся двери и свои собственные мысли. Он медленно провел пальцами по своим губам, которые всё ещё покалывало от её поцелуя. Он всё понял. Дело было не в Марике. И не в её нервном срыве. Дело было в том, что когда он поцеловал её, она отталкивала не его. Она отталкивала пустоту на его месте. Она целовала кого-то другого. Тяжело вздохнув, Роланд подошел к столу, взял с края забытый конспект и с силой швырнул его в стену. — Чтоб тебя, Морриган, — процедил он в пустоту. — Во что же ты опять вляпалась?

Коридоры Академии плыли перед глазами. Кира неслась по ним, не разбирая дороги, расталкивая зазевавшихся первокурсников. Слезы снова застилали взгляд, но теперь это были не слезы страха или обиды на Марика. Это была горькая, ядовитая смесь вины, тоски и бессии-

лия. Она завернула за угол в восточное крыло, где коридоры были уже и тише. Глаза выхватили глубокую каменную нишу — место, где раньше стояла статуя какого-то полководца, а теперь была лишь тень и холод. Кира нырнула туда, прижалась спиной к ледяному камню и сползла на пол. Всё навалилось разом. Руки Марика на плечах. Холодный, расчетливый поцелуй Дэймона в пещере. Растерянное, обиженное лицо Роланда. И пустота. Огромная, звенящая пустота там, где должен был быть он. Ей нужно было выплеснуть это. Легкие горели. Она сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не закричать. Но плотину прорвало. — ДЭЙМОН!!! Крик вырвался из неё, дикий, животный, полный такой боли, что эхо заметалось под высокими сводами Академии. Она звала его так, словно он стоял за поворотом, словно он мог услышать её через горы и лиги, сквозь камень и магию. Она кричала на всю Академию Аркас. Где-то вдалеке хлопнула дверь. Послышались шаги. Кира зажала рот ладонью, задыхаясь и давясь рыданиями. Она сидела в темноте ниши, пытаясь стать невидимой, стать камнем, раствориться в тенях. Марик Войс отошел от лазарета всего на пару сотен метров, когда тишину коридора разорвал этот вопль. Он остановился. Прислушался. Крик был женским, полным агонии. И он был ему знаком. Слишком знаком. Злость на Роланда и жжение на щеке отошли на второй план. В Марике проснулся охотничий инстинкт. Он тихо, бесшумно, как его учили на факультативах по выслеживанию, пошел на звук. Он дошел до восточного крыла. Ниша. Он заглянул за угол, сжав кулаки в предвкушении. Там было пусто. Только холодные камни и соринка, танцующая в луче света. Кира уже успела убежать, испугавшись собственного крика. Марик медленно вышел из-за угла. На его лице играла жестокая, триумфальная усмешка. Он провел пальцем по своей горящей щеке, а затем коснулся губ, словно всё еще чувствуя вкус её паники. Он посмотрел на пустую нишу, затем на каменный пол, где еще таял след от её ботинка. — Теперь понятно, по ком ты так сохнешь, Морриган, — тихо прошептал он в тишину коридора. Он достал из кармана форменный платок и аккуратно промокнул разбитую губу. Дэймон Блэквуд. Пропавший без вести. Предатель. Человек, которого боится сам Нолан. Марик усмехнулся. Теперь у него был рычаг. Теперь у него был ключ к её уничтожению. Не нужно её бить или унижать — нужно просто сдать её соучастничество. Связь с Блэквудом — это не исключение из Академии. Это трибунал. Он развернулся и пошел в сторону административного корпуса. У него появилось очень важное дело. Нужно было написать письмо. Отцу.

Крик ударил по стенам столовой, заставив замереть десятки вилок над тарелками. Звук был таким пронзительным, полным такого чистого отчаяния, что пробил толстые каменные стены обеденного зала и достиг самых дальних столов. Разговоры оборвались на полуслове. Преподаватели, сидевшие за преподавательским столом, перестали есть и переглянулись. Кадеты замерли, сжимая в руках ложки с овсяной кашей. — Это... это женский голос, — прошептал кто-то за соседним столом. — Звучит так, будто кого-то режут, — ответил другой, бледнея. — Тихо вы! — шикнула староста курса, но в её голосе не было обычной строгости, только страх. Шепот покатился по рядам, как лесной пожар. Имя никто не называл, но все чувствовали — случилось что-то из ряда вон выходящее. Что-то, что не вписывается в рутину утренней поверки и гербологии. Мила сидела за их обычным столом у окна. Она только что поднесла ко рту булочку с корицей, которую взяла для Кира, когда звук вонзился ей прямо в грудь. Она знала этот голос. Она знала эту боль. Рука Милы дрогнула. Булочка упала на тарелку. Она не слышала испуганных шепотков соседей. Она слышала только этот крик. «Кира». Мила медленно встала из-за стола. Она двигалась механически, словно кукла. Оставила поднос с нетроннутой едой. Развернулась и пошла к выходу из столовой, расталкивая столпившихся в дверях кадетов. Она шла против течения, её лицо было бледным и сосредоточенным. Она не пошла на лекцию. Она не пошла в библиотеку искать подругу. Она пошла в единственное место, где Кира могла бы попытаться спрятаться. В их комнату. Мила взлетела по лестнице, перепрыгивая через две ступени. Её шаги гулко отдавались в тишине жилого крыла. Она добежала до их двери, даже не запыхавшись — адреналин гнал её вперед. Дверь была приоткрыта. — Кира? —

позвала она тихо, толкая створку. В комнате было темно — тяжелые шторы задвинуты, пропускающая лишь тонкую серую полоску света. Пахло озоном и... лекарствами? Кира лежала на своей кровати, лицом в подушку. Всё её тело содрогалось в беззвучных рыданиях. Плечи ходили ходуном, а пальцы так вцепились в одеяло, что побелели костяшки. Мила на мгновение замерла на пороге, боясь вдохнуть. Она видела Киру разной: злой, уставшей, язвительной. Но такой — сломленной, уничтоженной — она не видела её никогда. Мила беззвучно подошла к кровати. Она не стала её трогать или гладить. Она просто села на край матраса, взяла ледяную руку подруги в свои теплые ладони и стала ждать, пока утихнет буря.

Кира продолжала содрогаться, вжимаясь лицом в подушку, пока дыхание не начало превращаться в хрипы. Мила всё так же держала её руку, не говоря ни слова, просто давая этому шторму пройти. Наконец, Кира резко села на кровати. Она подтянула колени к груди, обхватила их руками и уставилась в стену невидящим взглядом. Её лицо было мокрым от слёз, а глаза — красными и пустыми. — Мне так плохо, Мила, — прошептала она, и голос её сорвался. Она потянулась к подруге и крепко обняла её, вцепившись в форменную куртку, словно та была единственным плотом в бушующем море. — Я не могу есть. Я не могу даже уснуть. Я просто лежу и думаю... Что с ним? Где он? Долетел ли он? Ранен ли он снова? Я не знаю, что с ним происходит, и от этого... от этого разрывается голова. Мила обняла её в ответ, крепко, подругески, давая опору. Она гладила Киру по спине, по растрепанной косе, молча принимая на себя всю тяжесть её тайны. Она не спрашивала, кто этот «он». Она просто знала, что это не Роланд. Когда Кира немного отстранилась, вытирая нос рукавом, Мила тяжело вздохнула. Она посмотрела на подругу, на её измученное лицо и поняла, что жалеть её сейчас нельзя. Жалость её утопит. — Так, — Мила хлопнула себя по коленям и деловито поправила манжеты. — Хватит изображать из себя героиню трагичной баллады. У тебя лицо такое, будто ты лично похоронила весь Орден Пепла. Кира шмыгнула носом, непонимающе глядя на неё. — Вставай, — скомандовала Мила, спрыгивая с кровати. — Мы идем в столовую. Ты не ела со вчерашнего дня, а Вэнс, если узнает, что его лучшая ученица пропустила завтрак из-за какого-то парня, заставит тебя пересаживать мандрагоры в полнолуние. Я не хочу помогать тебе копать. — Я не хочу есть, — вяло попыталась возразить Кира. — А тебя никто не спрашивает, — Мила уже открывала шкаф, доставая чистую форму. — Умывайся. Живо. Кира нехотя поплелась к умывальнику. Холодная вода немного привела её в чувство. Когда она вернулась, Мила уже сидела на её кровати, болтая ногами. — А теперь слушай меня, — сказала Мила, когда Кира села рядом. — Я знаю, как выгнать из твоей головы этих черных драконов. Помнишь первый день, когда мы сюда приехали? Кира замерла с полотенцем в руках. Вопрос был таким... обычным. — Нам было по двенадцать, — продолжила Мила, и её глаза заблестели от смеха. — Мы же тогда ненавидели друг друга. Ты стояла такая важная, в новенькой форме, а я случайно наступила на подол твоего платья, и мы покатались с лестницы прямо под ноги декану. Уголки губ Киры дрогнули. — Ты облила меня чернилами, — тихо напомнила она. — Ты назвала мою косу крысиным хвостом! — парировала Мила. — А потом, на гербологии, когда ты увидела тот огромный, злой мухомор, ты закричала так, что у профессора Вэнса парик дыбом встал. Ты спряталась за меня и шептала, что он хочет тебя съесть. Кира фыркнула. А потом тихо, неуверенно хихикнула. — Он правда был похож на злой мозг, — признала она. — Вот! — Мила торжествующе ткнула её пальцем в плечо. — Вот она, моя Кира. А то сидит тут, страдает. Думаешь, твой Блэков... этот твой парень хотел бы видеть тебя такой? Скулящей в подушку? Да он бы предпочел, чтобы ты ему голову оторвала, чем вот это вот всё. Кира посмотрела на подругу. В её взгляде всё еще была боль, но сквозь неё пробился знакомый, упрямый огонек. Она представила Дэймона — язвительного, холодного, с его вечной усмешкой. Представила, как бы он скривился, увидев её слезы. — Он бы сказал, что я сентиментальная дура, — тихо сказала Кира. — Именно! — просияла Мила. — А теперь надевай сапоги. Мы идем заедать твой стресс булочками с корицей. И если ты не съешь хотя бы две, я расскажу Роланду, что ты

тайно влюблена в профессора по зельеварению. Кира не удержалась и рассмеялась — громко, искренне, впервые за это утро. Она толкнула Милу в плечо, хватая свои сапоги. — Ты ужасный друг, Мила Войс. — Знаю, — ухмыльнулась та, открывая дверь. — Но кто-то же должен спасать тебя от самой себя. Пошли, «сентиментальная дура». Булочки сами себя не съедят.

Смех, вызванный подколом Милы, словно сдернул с плеч Киры невидимый груз. Боль в груди не ушла, но она перестала быть острой, превратившись в глухой, ноющий фон. — Ладно, твоя взяла, — Кира вытерла последние следы слез и решительно направилась к шкафу. — Но если Вэнс спросит, почему у меня глаза красные, я скажу, что это аллергия на твои духи. — Валяй, — фыркнула Мила, доставая свою сумку. — Только учти, они пахнут лавандой, а от неё у тебя сыпь. Так что версия так себе. Кира быстро сменила испачканную утренним приключением форму на чистую. Движения стали привычными, механическими. Шнуровка сапог, заколка для волос, форменный плащ. Когда она застегнула последнюю пуговицу, она почувствовала себя чуть более защищенной. Броня кадета Академии снова была на месте. — Готова? — Мила уже стояла у двери, нетерпеливо постукивая носком туфли. — Идем, — кивнула Кира. — Иначе ты съешь все булочки по дороге. Они вышли в коридор. Вечерний гул Академии — звук сотен голосов, шарканье ног и хлопанье дверей — подействовал на Киру успокаивающе. Это был мир, где всё шло по правилам. Где колокол звонил вовремя, а еда в столовой была одинаково пресной для всех. Они спустились на этаж столовой. В воздухе уже витал густой запах тушеного мяса, капустного рагу и свежей выпечки. У раздаточных столов выстроилась очередь из кадетов. Гомон стоял такой, что приходилось повышать голос. Кира и Мила встали в конец очереди, взяв по подносу. — Так что будем делать на гербологии завтра? — спросила Мила, накладывая себе пюре. — Если Вэнс начнет спрашивать про болотную плесень, я свалю всё на тебя. — Ты её и так не отличишь от тины, — тихо ответила Кира, стараясь говорить так, чтобы их слышали только они двое. Они снова погрузились в свой привычный мир подколов и общих секретов. — Тише вы, стратеги, — раздался сзади насмешливый, чуть ленивый голос. — Шепчетесь между собой и без меня. Это как-то невежливо. Кира и Мила одновременно обернулись. Позади них, прислонившись к столбу и скрестив руки на груди, стоял Макс Ривелл. Высокий, с вечно взъерошенными темными волосами и улыбкой от уха до уха. Он был их третьим мушкетером с первого дня, мастером по проказам и экспертом по обходу правил. — Макс! — выдохнула Мила, ткнув его локтем в бок. — Явился. Мы уж думали, тебя опять поймали на чердаке с запретным кристаллом. — Почти, — ухмыльнулся Макс, потирая бок. — Совещание у старост. Декан решил прочитать нам лекцию о «ценности командной работы». Я чуть не уснул стоя. Еле сбежал. Кира, которая до этого момента просто смотрела на друга, чувствуя, как тяжесть в груди окончательно растворяется в тепле этой встречи, тоже улыбнулась. — Привет, Макс, — она кивнула ему. — На твоём месте я бы притворилась больной. У тебя вид человека, которого пытали статистикой. Макс театрально прижал руку к сердцу. — Кира Морриган, ты разбиваешь мне сердце своей жестокостью. Я пришел сюда за утешением и едой, а получаю критику. Они все трое рассмеялись. Очередь чуть продвинулась, и они сделали шаг вперед. В этот момент, стоя между Милой, которая бодро ругала Макса за опоздание, и самим Максом, который уже строил планы, как стащить лишний десерт, Кира почувствовала себя почти нормально. У неё всё еще была тайна, которая могла стоять ей головы. Где-то далеко Дэймон летел навстречу опасности. Но прямо здесь, прямо сейчас, у неё были друзья. И этого было достаточно, чтобы пережить этот ужин.

Они подхватили свои подносы — Мила нагроутила их так, что тарелки опасно накренились, — и двинулись вглубь обеденного зала. Макс, как обычно, шел рядом, без умолку рассказывая какую-то байку про то, как декан застал его в теплице с кактусом, который, по словам профессора, «не должен был цвести». Кира слушала его вполуха, механически кивая. Смех друзей согревал её, но внутри всё еще зияла пустота, которую не могли заполнить ни шутки Макса, ни запах свежей выпечки. Она шла, глядя прямо перед собой, высоко подняв

подбородок — идеальная кадетская выправка. Они заняли свой любимый стол в самом дальнем углу зала. Отсюда открывался вид на широкое окно-бойницу, за которым уже сгущались синие сумерки, и можно было контролировать вход в столовую, не поворачивая головы. Макс с грохотом поставил свой поднос, плюхнулся на скамью напротив Киры и тут же потянулся к её булочке с корицей. — Руки прочь, Ривелл, — Кира шлепнула его по пальцам десертной ложкой, но без особого энтузиазма. Макс отдернул руку, театрально дуя на пальцы, но его улыбка вдруг померкла. Он перестал жевать и внимательно, слишком внимательно посмотрел на Киру. Мила, уже с набитым ртом, что-то промычала, указывая на рагу, но Макс её проигнорировал. Он подался вперед, упираясь локтями в стол, и прищурился. — Эй, — его голос стал тише, серьезнее, потеряв всю свою обычную клоунскую интонацию. — Ты плакала. Кира замерла с поднятой кружкой чая. Она медленно опустила её на стол, стараясь не звякнуть. Её сердце пропустило удар. Она думала, что умылась достаточно тщательно. — С чего ты взял? — она попыталась выдать свою самую язвительную усмешку, но знала, что она выглядит жалко. — Пыль в библиотеке. Старые книги. Макс склонил голову набок. Он был лучшим следопытом в их компании и знал ложь Киры лучше, чем она сама. — Пыль в библиотеке не делает веки такими опухшими, Морриган. И не оставляет вот это, — он чуть наклонился и, прежде чем она успела отстраниться, аккуратно коснулся подушечкой большого пальца края её нижнего века. — Размазанную тушь. Вернее, её отсутствие. Кира инстинктивно дернулась назад, вжимаясь в спинку скамьи. Его прикосновение было не интимным, а цепким, как у врача. — Что случилось? — его голос стал еще тише, почти требовательно. Он смотрел ей прямо в глаза, и этот взгляд был тяжелее, чем выговор ректора. — Кто-то обидел? Мила, наконец проглотив кусок, тоже повернулась к Кире. Веселье на её лице сменилось тревогой. Она перевела взгляд с подбитого глаза Марика (о котором она знала) на лицо подруги. Кира посмотрела на Милу, потом на Макса. На их открытые, честные, обеспокоенные лица. Лгать им было физически больно. Они были её семьей. Но сказать правду — значит втянуть их в это. Подставить под удар Инквизиции. Макс был слишком умен, а Мила слишком предана. Если они узнают про Дэймона, они попытаются помочь, и тогда... — Это... Марик, — выдавила она. Это была полуправда, самая безопасная ложь из всех. — Мы столкнулись в библиотеке. Он... он полез ко мне. Роланд его просто выкинул. Мила гневно сжала вилку. — Этот урод. Я же говорила, что он не уgomонится. Макс же не поверил ни единому слову. Он видел Киру в драке, видел её после наказания. Сейчас в её глазах был не страх перед задирой. Там был ужас. Ужас перед чем-то огромным и неизбежным. — Марик — идиот, но он не заставляет тебя трястись так, будто ты увидела призрака, — Макс прищурился еще сильнее. — Кир, я знаю тебя десять лет. — Что на самом деле, случилось? Кира открыла рот, чтобы соврать что-то еще, но поняла, что не может. Слова застряли в горле. Она просто смотрела на него, и в её глазах плескалось такое отчаяние, что Макс осекся. Его гнев на Марика мгновенно сменился холодным пониманием: дело не в Марике. Дело в чем-то гораздо хуже. — Понятно, — тихо сказал Макс. Он откинулся на спинку скамьи и скрестил руки на груди, становясь неожиданно серьезным и взрослым. — Ясно. Мы не будем об этом говорить здесь. Ешь давай. Булочка стынет. Он больше не задавал вопросов. Но Кира видела: он всё понял. И теперь он будет смотреть в оба.

Кира медленно кивнула, всё еще не в силах поднять на него взгляд. Она взяла ложку и начала бездумно перемешивать рагу, хотя есть всё еще не могла. Напряжение в столовой вдруг стало физически ощутимым — ей казалось, что все эти кадеты вокруг слышат, как колотится её сердце. Макс больше не улыбался. Он доел свою булочку, вытер руки и подался вперед через стол, упираясь локтями в дерево. Он приблизился к ней так, что их лица оказались в тени, отбрасываемой его корпусом, отсекая лишние уши. — Слушай меня внимательно, Морриган, — его голос стал низким, лишенным обычной насмешки. Это был голос старшего, голос командира. — Я не знаю, что на самом деле произошло в той библиотеке и почему у тебя такой вид, будто ты только что похоронила всю свою семью. И сейчас я не буду спрашивать. Кира наконец

подняла на него глаза. В его взгляде не было ни жалости, ни праздного любопытства. Только холодная, тяжелая решимость.— Но я вижу одно, — продолжил он, и его голос опустился до шепота, который слышала только она. — Ты сейчас не в себе. Ты рассеянна. А в коридорах, когда здесь маячит Марик Войс, рассеянность — это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Он чуть прищурился, и в его глазах блеснул опасный огонек.— Поэтому слушай приказ. С этого момента ты больше не ходишь по Академии одна. Вообще. В туалет, в библиотеку, на гербологию — везде. Ты либо со мной, либо с Милой. Если нас нет в поле зрения, ты сидишь в казарме и вышиваешь крестиком. Поняла? Мила, слушавшая это с набитым ртом, активно закивала, чуть не подавившись. Кира хотела возмутиться. Она — кадет четвертого года, а не беспомощная первокурсница. Она сама может за себя постоять. Но слова застряли в горле. Она посмотрела на лицо Макса и поняла: он не шутит. Он действительно напуган. И этот страх за неё трогал её гораздо больше, чем любая угроза Марика.— Макс, я...— Никаких «но», — отрезал он, но уголки его губ едва заметно дрогнули, возвращая привычную ухмылку. — Это не обсуждается. Я назначаю себя твоим личным, круглосуточным телохранителем. Будешь сопротивляться — привяжу к себе веревкой прямо посреди столовой. Мне плевать, что подумают старосты. Он откинулся назад, снова становясь расслабленным, и потянулся за её булочкой с корицей, которую она так и не тронула.— А теперь ешь. Приказы командира не обсуждаются, кадет. Особенно если командир собирается съесть твой десерт, пока ты тут раскисаешь. Кира смотрела на него несколько секунд, а потом из её груди вырвался тихий, дрожащий смешок. Это было так похоже на Макса — превратить угрозу Инквизиции и её личный конец света в абсурдную сцену с веревкой и кражей булочки.— Только попробуй, Ривелл, — пробормотала она, но впервые за утро уголки её губ по-настоящему, пусть и слабо, поползли вверх. — И я скормлю тебя мандрагорам Вэнса.— Слышала бы это госпожа главный лекарь, — хмыкнул Макс, откусывая её булочку. — Она бы дала тебе диплом целителя за такую изобретательность. Мила закатила глаза, но тоже улыбнулась. Тяжелая атмосфера за столом начала рассеиваться, как утренний туман. У Киры всё ещё болела душа, но теперь она знала: спина у неё прикрыта. И пока Макс рядом, Марик Войс будет последней из её проблем.

Разговор за столом начал понемногу возвращаться в привычное русло. Макс, успешно стащивший половину булочки Киры, уже травил байку про то, как профессор Вэнс перепутал сонный отвар с бодрящим. Кира даже смогла выдавить улыбку, чувствуя, как тяжелая хватка паники наконец-то ослабевает. Именно в этот момент тяжелые дубовые двери столовой с грохотом распахнулись. Разговоры оборвались мгновенно. Вошел ректор Элиас. Он выглядел еще более уставшим и мрачным, чем утром. Его взгляд скользил по залу, не задерживаясь ни на ком, пока он шел к преподавательскому столу.— Внимание, кадеты, — голос Элиаса, усиленный магией, прокатился по залу, заставив всех встать. — С завтрашнего дня в расписание Академии вносятся изменения. В связи с... производственной необходимостью... к нам поступает новый инструктор по спецподготовке. Встать. Кадеты послушно вытянулись по стойке смирно. Кира, Мила и Макс тоже вскочили, автоматически расправляя плечи. Элиас отступил в сторону, указывая на вход.— Знакомьтесь. Гаррик Фирц. В столовую вошел мужчина. Кира почувствовала, как ложка выскальзывает из её внезапно онемевших пальцев. Мужчина был... пугающе знаком. Высокий, широкоплечий, с той же хищной грацией, которая была только у одного человека, которого она знала. Темные, взъерошенные волосы падали на лоб. Смуглая кожа туго обтягивала скулы. И когда он на секунду распахнул форменный плащ, Кира увидела на его предплечье сложный узор — не татуировку рода, а личный шифр боевого мага. Он был похож на Дэймона так, как один клинок похож на другой, вышедший из той же кузни. Но если Дэймон был огнем, то от этого мужчины веяло могильным холодом и закаленной сталью. Гаррик Фирц прошелся вдоль замершего строя кадетов. Его взгляд был тяжелым, сканирующим, словно рентген. Он смотрел не на форму и не на выправку. Он смотрел в лица, в глаза, словно оценивая их души. Большинство кадетов опускали взгляд под этим давлением. Он про-

шел мимо Милы. Мимо Макса, который инстинктивно подобрался, готовый к драке. Его взгляд остановился на Кире. Время словно замедлилось. Он смотрел ей прямо в глаза. В его взгляде не было узнавания, не было тепла. Было лишь холодное, оценивающее любопытство хищника, изучающего новую жертву. И затем он подмигнул ей. Быстро, почти неувидимо. Левый уголок его рта дернулся вверх. Для всех остальных это выглядело как приветствие. Но Кира, стоявшая в первом ряду, увидела в этом жесте что-то темное, интимное и угрожающее. Это было не подмигивание друга. Это был знак: «Я знаю твой секрет». Кира замерла. Кровь отхлынула от её лица. Она не могла вдохнуть. Ей казалось, что она сейчас рухнет на пол. Гаррик отвел взгляд и прошел к преподавательскому столу. — Достаточно церемоний, — его голос был грубым, как скрежет металла по камню. В нем не было ни капли академической вежливости Элиаса. — Ректор, я осмотрел помещение. Завтра в шесть утра. Построение на плацу. Он обвел тяжелым взглядом притихший зал. — И если кто-то опоздает хотя бы на секунду... — он сделал паузу, обводя кадетов глазами, — отправлю на тренировочный зал. Лично со мной. В спарринге. До потери сознания. В столовой повисла мертвая тишина. Элиас выглядел так, будто хотел что-то возразить, но лишь поджал губы. Гаррик Фирц не был обычным преподавателем. Он был оружием, которое Академия зачем-то привела в свои стены. Мужчина развернулся и, не сказав больше ни слова, вышел из зала. Грохот закрывшихся дверей эхом отразился от каменных стен. Кадеты стояли неподвижно еще несколько секунд. А затем зал взорвался испуганным, приглушенным шепотом. Макс посмотрел на Киру. Её лицо было белым как мел, а пальцы так сильно сжимали край стола, что побелели. — Кир? — тихо позвал он. — Ты его знаешь? Кира медленно покачала головой, не в силах произнести ни слова. Она не знала этого Гаррика Фирца. Но её дракон, Нокс, в её голове внезапно зарычал. И этот рык был полон чистой, незамутненной ярости.

Шепот в столовой нарастал, как прибой, но Кира его не слышала. Она смотрела на закрытую дверь, за которой исчез Гаррик Фирц, и чувствовала, как ледяной холод сковывает позвоночник. Макс тронул её за плечо. — Эй. Кира. Ответь. Ты его знаешь? Ты сейчас выглядишь так, будто увидела саму Смерть. Кира вздрогнула, словно очнувшись от транса. Она перевела взгляд на встревоженное лицо Макса, затем на Милу, которая кусала губу, глядя на подругу. — Мне... мне нужно в уборную, — прохрипела она, отодвигая стул. Ноги были ватными. Она вышла из столовой, не дожидаясь друзей. Ей нужен был воздух. Ей нужно было пространство, где нет людей. Она добежала до пустого коридора у Северной башни, прижалась лбом к холодному стеклу окна и сделала судорожный вдох. «Нокс», — мысленно позвала она, вкладывая в этот зов всю свою панику. — «Нокс, ты слышишь меня?» В ответ в затылке мгновенно потяжелело. Ментальная связь установилась почти болезненно резко. «Что это было, Кир? — про- рокотал дракон. Его голос вибрировал от сдерживаемой ярости. — Этот запах... запах пепла и старой крови. Он был там».* — Ты его знаешь? — выдохнула Кира вслух, глядя на свое отражение в темном стекле. — Что это за человек, Нокс? Почему ты так зарычал? *«Да, знаю, — голос дракона стал низким, вибрирующим от ненависти. — Это из отряда Элиты. "Пепельные клинки".» Кира замерла. Пальцы, которыми она держалась за подоконник, онемели. — Что? — прошептала она, хотя дракон прекрасно слышал её мысли. — Что ты сказал? «Он носил их метку, — подтвердил Нокс. — Я чувствую клеймо командира. Он был одним из них». Кира почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она сползла по стене на холодный каменный пол, обхватив голову руками. «Пепельные клинки» мертвы. Так сказал Дэймон. Так сказал Слепой Ярость. Дэймон — единственный выживший. — Но... почему ты решил, что это именно он? — её мысль путалась. — Там же были десятки всадников. Прошло полгода. Ты не можешь знать всех в лицо, ты же не видел... «Я не видел. Я почувствовал, — отрезал Нокс, и его ментальный тон не терпел возражений. — У каждого дракона и всадника есть свой "вкус" магии. Я чую его пепел. Он пахнет так же, как Блэквуд. Как Пустота. Он был с ним. Он — часть этого».* Кира зажмурилась. Это было невозможно. Если Гаррик Фирц — один из «Пепельных клинков», и он

здесь, в Академии, живой и здоровый, в то время как Дэймон считается предателем... — Нокс, — её мысль стала панической. — Если он жив, значит... значит, Дэймон лгал мне? Никакой ловушки не было? Он просто... «Будь осторожнее с ним, Кир, — голос дракона оборвал её панику, став неожиданно тяжелым и серьезным. — Я не знаю, враг он или союзник. Но он знает правду. И он знает, что ты связана со Слепым». Кира вжалась спиной в холодную стену. Холод камня отрезвлял. — Что мне делать? «Ничего. Жди. И не смотри ему в глаза дважды, — пророкотал Нокс. — Я рядом». Связь оборвалась так же резко, как и началась. Тяжесть в затылке исчезла, оставив после себя звенящую пустоту и абсолютный, леденящий ужас. Кира сидела на полу в темном коридоре, обхватив колени, и смотрела в одну точку. Гаррик Фирц. Он не просто новый инструктор. Он — призрак из прошлого Дэймона. И он только что подмигнул ей, давая понять, что игра началась.

Макс проводил Киру взглядом, пока её спина не скрылась в дверях столовой. Он нахмурился, отодвинул тарелку с недоеденным рагу и встал. — Ты куда? — спросила Мила, запивая обед компотом. — В уборную. Она же туда пошла, — бросил Макс через плечо, уже направляясь к выходу. Он вышел в коридор, быстро прошел мимо дверей в уборную для кадетов. Там было тихо. Он прошел дальше, к лестнице на Северную башню. В конце коридора, у высокого окна, он увидел темный силуэт, сидящий на полу. Макс замер. Он знал Киру с детства. Он знал, как она двигается, когда злится, как — когда устала, и как — когда ей больно. Сейчас она сидела, обхватив колени, и это была поза абсолютной, глухой защиты. «Что-то не то с Кирой, — пронеслось у него в голове. — Это не Марик. Марик её злит, она огрызается. Сейчас она... прячется». Он бесшумно подошел ближе, но она его не услышала. Её глаза были стеклянными, она смотрела в окно, но вряд ли видела сгущающиеся сумерки. Макс тихо вздохнул и вернулся в столовую. Мила уже закончила есть и теперь нервно теребила салфетку, поглядывая на дверь. — Ну где она? — спросила она, как только Макс сел обратно. — Я пойду к ней. Она же там уже полчаса сидит, наверное, плачет. Макс потер переносицу, пытаясь сформулировать мысль. Он посмотрел на Милу. Она была его лучшим другом, но сейчас он видел, что она тоже растеряна. — Мила, — Макс подался вперед через стол, понижая голос до шепота. Его обычное шутливое лицо исчезло, сменившись серьезным, почти жестким выражением. — Посмотри на меня. Мила подняла на него встревоженные глаза. — Скажи мне, что происходит с Кирой, — его голос стал требовательным. — Я знаю, что это не из-за Войса. Она бы врезала ему и пошла дальше. Но она белая как стенка уже с самого утра. Сначала этот крик в коридоре... потом этот вид, будто она привидение увидела. Что с ней случилось за эти сутки? Что вы двое скрываете? Мила открыла рот, чтобы привычно отшутиться или сказать «ничего», но слова застряли в горле. Она посмотрела в глаза Макса. Он не злился. Он был в панике. Она перевела взгляд на свою тарелку. Как рассказать ему? Как сказать: «Привет, наш лучший друг, возможно, помогает сбежавшему государственному преступнику, которого завтра сделают героем, а сегодня к нам в Академию пришел его, возможно, мертвый сослуживец, который подмигивает Кире, и у неё в голове живет говорящий дракон? — Я... я не могу, Макс, — прошептала она, и в её голосе прозвучало отчаяние. — Я бы хотела. Но это не моя тайна. Если бы она хотела, чтобы ты знал, она бы сама сказала. Макс откинулся на спинку скамьи и провел рукой по волосам, уставившись в потолок. — То есть вы вляпались во что-то настолько паршивое, что даже мне нельзя знать? — в его голосе прорезалась старая, знакомая обида. — Кири и Мила против всего мира? Отлично. — Это не так! — Мила схватила его за руку. — Макс, просто... пообещай мне. Пообещай, что будешь рядом с ней. Не отходи ни на шаг. Особенно завтра. Особенно если этот... Фирц... начнет к ней лезть. Макс посмотрел на её умоляющее лицо, затем на свои руки. Он хотел знать правду. Он ненавидел секреты. Но он видел страх в глазах Милы. Это был не просто страх за подругу. Это был страх перед чем-то огромным. — Я и так не собирался, — буркнул он, выдергивая руку и вставая. — Кто-то же должен следить, чтобы она не упала в обморок на построении. Он развернулся и быстрым шагом пошел к выходу, направляясь к

Северной башне, где всё еще сидела Кира. Мила осталась одна, глядя ему вслед с тяжелым сердцем. Она сделала единственное, что могла — передала его под охрану самого упрямого человека, которого знала.

Мила проводила взглядом широкую спину Макса, пока он не скрылся за поворотом коридора. В столовой стало шумно — кадеты, оправившись от шока, начали обсуждать нового инструктора. Кто-то уже заключал пари, сколько новичков Фирц выведет из строя в первый же день. Мила не слышала их. Она медленно допивала остывший чай, машинально водя ложкой по дну чашки. Мысли в голове были тяжелыми и вязкими. Гаррик Фирц. Она видела его всего минуту, но этого хватило. От него веяло такой же опасной, подавляющей силой, как от Дэймона, но если Дэймон был хаотичным пожаром, то Фирц был ледяным лезвием гильотины. Предсказуемым и неотвратимым. «Завтра построение, — думала она, глядя в никуда. — Он будет смотреть на всех нас. На неё». Мила сжала кулак под столом. Она ненавидела это чувство — беспомощность. Когда твоя лучшая подруга тает на глазах, а ты не можешь даже спросить «почему», потому что она просто не ответит. — Нет, — тихо, но твердо сказала Мила сама себе, глядя на свое отражение в ложке. — Ничего, подруга. Мы прорвемся. Мыждемся твоего Блэкуда. При мысли о Дэймоне в её груди шевельнулась ревность — горькая, едкая. Кира смотрела сквозь всех, думая только о нем. Но сейчас это было неважно. — И я тебя одну не оставлю, пока его нет, — закончила Мила, бросая на стол пару монет за чай. Она встала, поправила ремень сумки и решительно направилась к выходу. Если Макс взял на себя роль телохранителя, она возьмет на себя роль якоря. Кто-то должен держать Киру в реальности, пока та снова не улетела мыслями в свои пепельные пустоши. Макс нашел Киру там же, где и ожидал — в нише у окна Северной башни. Она всё так же сидела на полу, обхватив колени. Она даже не пошевелилась, когда он подошел и сел рядом, прислонившись к холодному камню. Он ничего не говорил, просто достал из кармана яблоко, протер его о рукав и молча протянул ей. Кира вздрогнула, словно просыпаясь. Она взяла яблоко дрожащими пальцами, но есть не стала, просто сжимая его в ладонях. Они сидели в тишине, нарушаемой лишь гулом ветра за высокими окнами башни. Макс смотрел на профиль Киры. Он видел, как она борется с собой — её челюсть была плотно сжата, но плечи всё еще дрожали. Тяжелые шаги в коридоре заставили обоих поднять головы. В арке башни появилась Мила. Она остановилась, увидев их — сгорбленного Макса и застывшую Киру. В её взгляде мелькнула боль, но она тут же спрятала её за привычной, немного нервной улыбкой. — Яблоко воруете без меня? — бодро спросила она, подходя и садясь на пол с другой стороны от Киры, нарушая симметрию одиночества. — А мне оставили? Кира наконец моргнула. Она перевела взгляд с Макса на Милу, и в её глазах, всё еще красных и опухших, на секунду проскользнуло что-то похожее на облегчение. Она не была одна. — Оно немытое, — хрипло сказала Кира, протягивая яблоко Миле. — Я переживу, — Мила взяла фрукт, но положила его на пол между ними. — Сидим, значит. Провожаем закат. Отличный план на вечер. Макс хмыкнул, но ничего не сказал. Он просто чуть подвинулся, давая Миле больше места, и снова уставился в окно. Трое кадетов Академии Аркас сидели в темноте старой башни, плечом к плечу. Внешне они выглядели как обычно — уставшие студенты. Но между ними сейчас выросла невидимая стена. Они знали, что завтрашний день изменит всё. И они собирались встречать его вместе.

Глава 3. Два до

Рассвет в Академии Аркас всегда начинался с боли в ушах. Колокола на Северной башне ударили так яростно, словно пытались расколоть само небо. Кира стояла в строю, ежась от утреннего холода. Сон, в котором она снова бежала по Железному лесу, всё ещё лип к коже. Она чувствовала на себе взгляд Макса слева и тепло Милы справа. Их присутствие было единственным, что не давало ей снова провалиться в панику после вчерашнего появления Фирца. Сам инструктор стоял на ступенях главного входа, возвышаясь над строем. Солнце било ему в спину, оставляя его лицо в тени, и от этого его фигура казалась ещё более монументальной и пугающей. Он не ходил вдоль строя, как другие преподаватели. Он просто стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на них сверху вниз. — Внимание, кадеты, — его голос, усиленный магией, прокатился по плацу, заставив даже самых сонных вытянуться по струнке. — Сегодня ваша задача — проверка меткости стрелка. Стандартный полигон. Движущиеся мишени. Дистанция — пятьдесят метров. Вы должны попасть в цель. Всем понятно? Строй вяло, но утвердительно загудел. — Тогда вперед. По одному. Первая выходит... — он обвел взглядом толпу, и Кира внутренне сжалась, — Морриган. Кира на деревянных ногах вышла из строя. Она взяла предложенный дежурным лук. Дровесина была гладкой и холодной. Она вышла на позицию, чувствуя, как пятьдесят пар глаз сверлят ей спину. Мишени — деревянные срубы, раскачивающиеся на веревках — пришли в движение. Они двигались хаотично, имитируя уклоняющегося противника. Кира подняла лук, вкладывая стрелу. Она зажмурилась на секунду, отгоняя образ Гаррика Фирца, стоящего над душой. Она знала этот принцип: "не думай о дыхании, просто дыши". Она закрыла левый глаз, фокусируясь на кончике стрелы. — Время, кадет Морриган, — раздался прямо за её спиной грубый, скрежещущий голос. — Не медли. Иначе не попадешь. Фирц стоял прямо за её плечом. От него пахло сталью и морозом. Его присутствие сбивало прицел, заставляло сердце пропускать удары. Кира вздрогнула. Палец дернулся. "Тванг". Стрела ушла слишком высоко и влево, вонзившись в деревянный бортик ограждения с глухим стуком. Промех. За спиной раздался тихий, презрительный хмык. — Долго думаешь, — констатировал Фирц. — Дрожишь. Давай еще раз. Стрелу. Кира скрипнула зубами от злости. На него. На себя. На этот мир. Она резко выдернула вторую стрелу из колчана. На этот раз она не стала закрывать глаз. Она вперила взгляд в раскачивающуюся мишень, представляя, что это голова Марика Войса. Натянула тетиву до самого уха. Выдох. Палец разжался. Стрела со свистом рассекла воздух и с глухим, удовлетворительным *чвак* вошла точно в центр деревянного сруба. — Да! — вырвалось у неё. — Получилось! Она развернулась, сияя, и тут же попала в объятия. Мила прыгала на месте, вереща от восторга, а Макс крепко хлопнул её по плечу так, что чуть не выбил дух. — Я же говорил, ты просто замерзла! — проорал он ей в ухо. Кира смеялась, обнимая их обоих. На секунду, в тепле их тел, утренний кошмар отступил. Следующим из строя вышел Макс. Он не стал церемониться. Выхватил лук, вскинул его с пугающей скоростью. Выстрел. Второй. Третий. Три стрелы торчали в центре мишени ещё до того, как остальные кадеты успели осознать, что он начал стрелять. — Готово, — бросил он, передавая лук следующему, и с абсолютно скучающим видом вернулся в строй. — Эффективно, — хмыкнул Фирц, впервые подав голос в сторону Макса. Затем настала очередь Милы. Она вышла, лучезарно улыбаясь. Она не была сильна в физическом бою, но упорство компенсировало ей недостаток таланта. Она долго целилась, высунув кончик языка от усердия. Выстрел. Мимо. Мила зашипела от досады. Второй выстрел. Стрела впиалась в край мишени, отскочив. — Ну же, давай! — прошептала Кира. Третий выстрел. Тонкий свист. Прямое попадание в "десятку". — Да! Я попала! Я попала! — Мила подпрыгнула, бросила лук на землю и, поддавшись порыву, кинулась к инструктору, который стоял на ступенях. Гаррик Фирц, "Лед из отряда Элиты", человек, которого боялась даже Инквизиция, оказался в объ-

ятиях восторженной Милы. Она буквально повисла у него на шее, обхватив руками. — Ой, простите! — опомнилась она через секунду, резко отскакивая и краснея до корней волос. — Я просто... я очень рада! Вы такой высокий! На плацу воцарилась мертвая тишина. Десятки кадетов смотрели на это, открыв рты. Фирц стоял неподвижно. Его лицо, обычно напоминающее маску, не дрогнуло. Он посмотрел на Милу сверху вниз. Казалось, он сейчас испепелит её на месте за нарушение субординации. Но затем он медленно, очень медленно моргнул. И уголок его жесткого рта едва заметно дернулся вверх. — В строй, кадет, — сказал он чуть хрипло, отворачиваясь. Мила, пунцовая, но счастливая, на подкашивающихся ногах вернулась к друзьям. Макс смотрел на неё с ужасом, а Кира зажимала рот рукой, чтобы не рассмеяться в голос. — Ты... ты обняла его, — выдохнул Макс, когда Мила встала рядом. — Он очень теплый! — тут же начала оправдываться Мила, всё ещё сияя. — И он не отстранился сразу! И... ой, кажется, я его покраснеть заставила! Кира всё-таки не выдержала и тихо захихикала, опираясь на плечо Макса. Впервые за эти жуткие сутки она почувствовала, что всё будет хорошо. Пока они втроем, они справятся даже с призраками из отряда Элиты.

Гаррик Фирц сложил руки за спиной, снова принимая позу монументального безразличия. Его взгляд скользил по полигону, оценивая следующих кадетов. Кто-то мазал, кто-то попадал. Обычная рутина. Но его взгляд... возвращался. Каждый раз, когда инструктор переводил глаза на движущиеся мишени, его голова едва заметно поворачивалась на пару градусов левее. Туда, где стояла Мила. Она всё ещё не отошла от своего подвига, нервно теребя косу и стреляя глазами в сторону ступеней, явно проверяя, смотрит ли он на неё. А он смотрел. Кира, всё ещё посмеиваясь, толкнула Макса локтем в бок, кивая в сторону инструктора. — Макс, — прошептала она, стараясь не шевелить губами. — Посмотри на нашего новенького. Макс, который только что лениво наблюдал за полетами стрел, перевел взгляд на возвышение. Он проследил за направлением глаз Фирца и едва заметно фыркнул. — Похоже, наш ледяной истукан всё-таки оттаивает, — прошептал он Кире на ухо, едва сдерживая ухмылку. — И кажется, он не оторвет взгляд от Милы, даже если у него за спиной взорвется алхимическая лаборатория. Кира прикрыла рот рукой, плечи её затряслись от беззвучного смеха. Это было настолько абсурдно, что казалось сном. Гаррик Фирц, кошмар всей Академии, человек, от которого шарахались даже магистры, стоял истуканом только ради того, чтобы краем глаза видеть веснушчатое лицо Милы. — Она его доконает, — хихикнула Кира. — Еще пара таких объятий, и он начнет ей цветы на подоконник подбрасывать. — Или отправит чистить выгребные ямы в одиночку, — добавил Макс, но в его голосе не было тревоги. — Хотя... нет. Он же тогда её не увидит. Дилемма. Они продолжали перешептываться, комментируя каждое движение инструктора. Вот он чуть нахмурился, когда какой-то кадет уронил лук. Кира тут же прошептала: «О нет, он расстроился, что Мила это увидела». Вот он едва заметно кивнул, когда другой попал в цель. Макс прокомментировал: «Одобряет. Хочет впечатлить». Мила, стоявшая чуть впереди, кажется, чувствовала это внимание. Она выпрямилась ещё сильнее, хотя казалось, куда уж больше, и старалась делать вид, что сосредоточена на стрельбе соседа. Но её уши горели так ярко, что, казалось, могли освещать полигон в сумерках. — Она сейчас споткнется, — предсказала Кира, наблюдая, как Мила, стреляя глазами в сторону Фирца, чуть не наступила на ногу впереди стоящему кадету. — Ставлю золотой, что к концу дня он вызовет её на «сверхурочную тренировку», — парировал Макс. — Я в деле, — тут же согласилась Кира. — Только давай не будем ей говорить, а то она лопнет от гордости. Они снова рассмеялись, на этот раз чуть громче. Смех помогал. Он смывал липкий страх вчерашнего дня. Рядом с Максом, подшучивая над нелепой влюбленностью Милы, Кира чувствовала себя почти в безопасности. Почти нормальным кадетом. Гаррик Фирц, стоя на своих ступенях, медленно перевел взгляд с Милы на источник шума. Его холодные глаза встретились с глазами Киры на одно мгновение. Смех застрял у неё в горле. Он не нахмурился. Он просто смотрел. Секунду. Две. А затем уголок его рта снова дернулся в той едва заметной усмешке, и он отвел взгляд, возвращаясь к

наблюдению за полигоном. Кира поежилась. — Кажется, он нас слышал, — тихо сказала она Макс. — Тем лучше, — ухмыльнулся тот. — Пусть знает, что его «Пепельный» авторитет не мешает нам шутить. Но Кира видела: Фирц всё слышал. И то, что он не разозлился, пугало её даже больше, чем его гнев. Это значило, что он играет по правилам, которых она не знает.

Мила, всё еще розовощекая и счастливая от своего меткого выстрела, наконец повернулась к друзьям. Она заметила, как Кира и Макс, отвернувшись к полигону, содрогаются в беззвучных конвульсиях. Их плечи тряслись, а лица были искажены борьбой между смехом и попытками сохранить серьезное выражение кадетов на построении. — Эй, — Мила ткнула Макса локтем в бок, воспользовавшись тем, что инструктор смотрел в другую сторону. — О чем вы там перешептываетесь? У вас лица такие, будто вы только что украли мантию ректора. Со мной поделитесь. Макс попытался сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться, но только фыркнул, закашлявшись. Кира, вытирая выступившие от смеха слезы, повернулась к подруге. Её глаза всё еще искрились весельем. Она наклонилась к самому уху Милы, чтобы их не услышали стоящие рядом кадеты, и прошептала так заговорщически, словно выдавала государственную тайну: — Мы говорим о том, что наш господин Фирц, кажется, окончательно и бесповоротно растаял от твоего объятия. Мила моргнула. Раз. Второй. Её мозг обрабатывал информацию. — Растаял? — переспросила она шепотом, всё еще не понимая. — Мила, — не выдержал Макс, всё еще давясь смехом. — Он. Стоит. На ступенях. Уже десять минут. Он должен следить, как эти бездари мажут мимо мишеней. А он... он смотрит. На. Тебя. Кира для убедительности округлила глаза и добавила: — Каждый раз, когда он делает вид, что проверяет стрелка, его голова поворачивается в твою сторону. Я думала, у него шея скрипит. Он буквально не может оторвать от тебя взгляд. Секунда тишины. А затем лицо Милы преобразилось. Румянец смущения сменился цветом спелой вишни — на этот раз от чистой, незамутненной гордости. Её глаза стали размером с блюдца, а губы растянулись в широченную, победную улыбку. — Я... я знала! — выдохнула она, едва не подпрыгивая на месте. — Я же говорила, он теплый! Ой, то есть... стой. Он же ледяной! Ледяной истукан! Но он смотрел? Правда смотрел? — Как сова на мышь, — подтвердил Макс, наконец успокоившись. — Пугающе и неотрывно. — И он не убил меня, когда я его обняла! — Мила прижала руки к горящим щекам. — И он чуть-чуть улыбнулся! Кира, ты видела? У него ямочка на щеке! — Ямочка? — Кира и Макс переглянулись, и новая волна смеха подкатила к горлу. — Мила, у него лицо как из камня высеченное, там не может быть ямочек! — Есть! — зашипела Мила, защищая честь своего внезапного кумира. — Маленькая, но есть! Когда он скривил рот... вот так... Она попыталась изобразить мимику Фирца, выпятив челюсть и сурово сведя брови. Со стороны это выглядело так комично, что Кира и Макс снова согнулись пополам, едва сдерживая хохот, чтобы не привлечь внимание инструктора. — О боги, — простонала Кира, хватаясь за живот. — Если он услышит, он заставит нас троих отжиматься до ночи. На одной руке. — Пусть только попробует, — фыркнула Мила, но тут же снова расплылась в улыбке, глядя на ступени. — Я попаду в любую мишень, если он будет на меня смотреть. Она встала ровнее, расправила плечи и послала в сторону инструктора самую ослепительную улыбку из своего арсенала, совершенно не смущаясь того, что он её сейчас не видит. Кира смотрела на подругу и чувствовала, как тяжесть в груди немного отпускает. Пока Мила способна превратить пугающего убийцу из отряда Элиты в объект девичьих грез, всё не так уж и плохо.

Войс послала в сторону ступеней свою самую ослепительную улыбку, совершенно не смущаясь того, что инструктор её сейчас не видит. Кира и Макс, всё еще давясь смехом, покачали головами. На секунду, в лучах утреннего солнца, Академия снова стала просто школой, а кадеты — просто студентами. Тишину полигона разорвал резкий, сухой щелчок пальцев. Звук был не громким, но он обладал какой-то магической остротой. Он прорезал гул разговоров, смех и свист стрел, заставив каждого из сотни кадетов замереть и обернуться. Гаррик Фирц, всё это время стоявший неподвижной статуей, сделал шаг вперед, спускаясь с возвышения.

Его тяжелые сапоги гулко ударили о каменные плиты. Он прошел мимо замерших стрелков, не глядя на них, его взгляд был холодным и пустым. — Я удивлен, — его голос, усиленный магией, на этот раз не гремел. Он был низким, почти интимным, и от этого казался еще более пугающим. Он доносился словно отовсюду сразу. — На сегодня достаточно. По строю прокатился облегченный, но тихий вздох. Кадеты начали переглядываться, кто-то уже начал опускать луки. — Все свободны, — продолжил Фирц, остановившись в центре плаца. Он обвел строй тяжелым взглядом, от которого кадеты инстинктивно вжимали головы в плечи. А затем его глаза остановились на троице у края. На Кире, которая всё еще пыталась стереть с уголка губ остатки смеха. На Максе, который скрестил руки на груди, пытаясь вернуть себе скучающий вид. На Миле, чья победная улыбка всё еще сияла. Взгляд инструктора стал тяжелым, как свинец. — А останутся трое, — произнес он, и каждое слово падало как камень. — Макс Ривелл. Кира Морриган. Мила Войс. Ко мне. В центр. Слова ударили как плетью. Смех умер мгновенно, не успев родиться. Улыбка Милы застыла на лице, превратившись в восковую маску. Кира почувствовала, как кровь отхлынула от лица, а в затылке снова зазвенел холодный, предупреждающий голос Нокса: *«Будь осторожнее»*. Макс, который секунду назад шутил про отжимания, медленно опустил руки. Его плечи напряглись, он стал похож на натянутую струну, готовую к бою. Они переглянулись. В глазах друг друга они увидели одну и ту же мысль, одну и ту же мрачную констатацию факта. — Вот мы и досмеялись, — беззвучно, одними губами прошептал Макс, глядя на Киру. Трое кадетов вышли из строя. Их шаги гулким эхом отдавались в абсолютной тишине плаца. Остальные студенты, уже собравшиеся уходить, замерли, глядя на них с сочувствием и страхом. Идти против Фирца в первый же день — это не тренировка. Это публичная казнь. Они встали перед инструктором, выстроившись в линию. Гаррик Фирц смотрел на них сверху вниз еще несколько долгих, тягучих секунд. Он не двигался. Он просто позволял страху заполнить их целиком. — Ривелл, — наконец произнес он, не отрывая глаз от Макса. — Твоя скорость впечатляет. Но ты не смотришь. Ты стреляешь в дерево, а не в цель. Он перевел взгляд на Милу. Она инстинктивно втянула голову в плечи. — Войс. Твоя меткость... случайна. Твоя дисциплина — нулевая. Обнимать инструктора на плацу — это не отвага. Это идиотизм. Мила покраснела, но теперь это был цвет стыда, а не гордости. Наконец, он посмотрел на Киру. Его глаза впились в неё, и она почувствовала, как этот взгляд проникает под кожу. Он знал. Он знал, что она видела его насквозь. — Морриган, — его голос стал еще тише. — Ты... интересная. Ты дрожишь, но попадаешь. Ты смеешься, когда хочется бежать. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию. Теперь он возвышался над ними, как скала. — Вы трое... — он обвел их тяжелым взглядом. — Думаете, вы особенные. Думаете, у вас есть секреты. Он замолчал, и в этой тишине Кира услышала, как бешено колотится её собственное сердце. — Я здесь, — прорычал Фирц, и в его голосе впервые прорезался металл «Пепельных клинков», — чтобы выбить из вас эту дурь. Или убить вас в процессе. Разойдись. На десять кругов вокруг плаца. Бегом.

Команда «Бегом» сработала как удар хлыста. Макс, как самый физически подготовленный, сорвался с места первым, задавая высокий темп. Кира, чьи легкие всё еще горели от утреннего холода и паники, бежала след в след. Мила, которая больше привыкла к алхимическим лабораториям, чем к кроссам, пыталась сзади, пытаясь попадать в ритм их шагов. Они бежали по периметру огромного плаца. Холодный утренний воздух резал легкие, ноги в сапогах налились свинцом. — Вы и виноваты, — пропыхтела Мила на третьем круге, с трудом вытаскивая слова между вдохами. — Со своими... шутками... про ямочки... — Заткнись... и беги, — отрезал Макс, не сбавляя темпа. Его лицо покраснело, но дыхание оставалось ровным. — Если он нас убьет, я завещаю тебе свои сапоги. — Очень... щедро, — выдавила Кира. Она старалась не смотреть на ступени, где стоял инструктор, но её взгляд то и дело притягивало туда, как магнитом. Гаррик Фирц не двигался. Он сидел на верхней ступени главного входа, закинув ногу на ногу. Поза была обманчиво расслабленной. Он достал из внутреннего кармана

простую глиняную трубку — чуран — и кисет. Не спеша, с методичной медлительностью, он набил трубку табаком. Кира видела это, пробегая мимо. Вот он достал огниво. Вот высек искру. Вот затаился. Сизый, сладковатый дым колечками поднялся к утреннему небу. Он сидел и курил, наблюдая, как трое кадетов изматывают себя на плацу. Для него это было не наказание. Это был утренний ритуал. Они завершили пятый круг. В боку Киры начало колоть, а перед глазами поплыли темные пятна. Мила, пробежав шестой, начала откровенно отставать, её бег превратился в спотыкающийся ковыляющий шаг. Фирц медленно выдохнул дым, проследил за его растворением в воздухе и чуть подался вперед. Его голос не стал громче. Он просто возник в их головах — сухой, скрипучий и абсолютно лишенный сочувствия: — Я разве разрешал болтать при беге? Мила, которая в этот момент пыталась выдавить из себя оправдание, подавилась воздухом и сбилась с шага, едва не упав. Фирц затаился еще раз, его глаза сузились в две темные щели. — Ускоряемся. Это слово не было криком. Это был приказ, от которого ноги сами понеслись быстрее, игнорируя протестующие мышцы. Мила вскрикнула — то ли от страха, то ли от боли в лодыжке — и перешла на настоящий бег, догоняя Киру. Макс, выругавшись сквозь зубы, рванул вперед, увеличивая дистанцию, чтобы показать инструктору, что он справляется. Они пробежали еще два круга в абсолютной тишине, нарушаемой только тяжелым дыханием и гулким стуком сапог о камень. Фирц всё так же сидел. Он докурил трубку, выбил её о каменную ступень и убрал обратно в карман. Он встал, потянулся, разминая плечи, и шелкнул пальцами. Трое бегунов замерли на месте, как марионетки, у которых обрезают нитки, тяжело дыша и хватая ртом воздух. С их лиц лился пот, смешиваясь со слезами от ветра. — Размялись? — спокойно спросил Фирц, глядя на них сверху вниз. — Хорошо. Теперь шагом. Ко мне. Построение. Живо.

Они доковыляли до ступеней. Ноги гудели, легкие горели. Мила тяжело опиралась на плечо Киры, пытаясь отдышаться. Макс стоял прямо, но по его взмокнувшей шее и тяжелому дыханию было видно, что кросс дался ему нелегко. — Построение, — лениво бросил Фирц, делая очередную затяжку из всё еще дымящегося чурана. — В линию. Живо. Они встали. Кира и Мила по краям, Макс в центре. Идеальный, ровный строй измученных кадетов. Фирц сделал шаг вперед. Он не смотрел на них — он смотрел сквозь них. Он начал медленно ходить вдоль их шеренги, от Милы к Кире, от Киры к Максиму. Его шаги были тихими, но в утренней тишине плаца каждый удар подошвы о камень звучал как удар молотка по наковальне. Сизый дым тянулся за ним шлейфом. — Итак, — начал он, и его голос был лишен всяких эмоций, ровный и серый, как камень. — Раз вы так любите шутки шутить... Он остановился точно напротив Макса. Посмотрел на него сверху вниз. — ...Ривелл. Макс не моргнул. Он стоял по стойке смирно, глядя прямо перед собой. — Пятьдесят отжиманий. Один подход. Макс не стал тратить время на ответ. Он просто рухнул на плац. *Удар.* Ладони. Носки сапог. Тело — прямая линия. *Раз.* Его спина не прогнулась. Руки сгибались под идеальным углом. Он начал работать как машина: вниз-вверх, вниз-вверх. Тихий, ритмичный стук тела о камень. Фирц сделал затяжку, выпустил дым в сторону Макса и шагнул дальше. Остановился между Кирой и Милой. — А вы, дамы, раз вам так нравится считать... — он чуть повернул голову, и его холодный взгляд впился в Киру. — Кира Морриган. Кира вздрогнула, но удержала взгляд. — Сорок два подъема корпуса. Пресс. Он перевел взгляд на Милу, которая от страха вжала голову в плечи. — Мила Войс. Сорок два подъема. Синхронно. — Время пошло, — бросил Фирц, отходя на шаг назад и прислоняясь плечом к колонне. Он снова поднес трубку ко рту, наблюдая за ними с видом сытого кота, играющего с мышами. Кира и Мила рухнули на холодные плиты одновременно. — Ноги... согнуть... в коленях, — прохрипела Кира, хватая Милу за рукав. — Руки... за голову. Не тяни... шею. Они сцепили пальцы на затылках. — Раз, — выдохнула Кира, и они сели. Мышцы живота взвыли. — Два, — они легли обратно. Камень охлаждал спину. Сбоку, в такт их движениям, звучал мерный, тяжелый счет Макса: — ...Тридцать восемь... тридцать девять... сорок... Кира сфокусировалась на этом звуке. Это помогало не думать о том, что лег-

кие сейчас взорвутся, а мышцы живота горят огнем. Она считала про себя, стараясь попадать в ритм Макса. — ...Тридцать пять... тридцать шесть... Мила рядом уже не могла сдерживать стоны. На счете «двадцать» её движения стали рваными, она начала помогать себе руками, отталкиваясь от земли. — Мила, не халтурь, — просипела Кира, чувствуя, как пот заливает глаза. — Фирц же считает. — Он... садист, — выдохнула Мила, падая на спину на счете «двадцать пять». Фирц щелкнул пальцами. Звук был резким, как выстрел. — Я не разрешал отдыхать, Войс. Подъем. Остаток — с задержкой в верхней точке. Три секунды. Мила издала тихий, жалобный всхлип, но снова села. Кира видела, как дрожат её плечи. — ...Сорок девять... Пятьдесят, — голос Макса прозвучал на удивление ровно. Он резко оттолкнулся, встал, отряхнул ладони о штаны и снова встал по стойке смирно, глядя перед собой. Он даже не запыхался так сильно, как они. Кира и Мила, пошатываясь, сели на плац, обхватив колени. Сорок два. Они закончили. Мила просто рухнула на бок, тяжело дыша. Кира сидела, пытаясь унять тошноту. Фирц затушил чуран о каблук своего сапога, бросил его в карман и посмотрел на часы на башне. — Три минуты на восстановление, — всё так же ровно произнес он. — Бегом в столовую. Завтрак. Затем — медблок. У вас обоих, — он кивнул на девушек, — разбиты колени. Ривелл, у тебя содраны ладони. Он развернулся и пошел к главному входу, не оглядываясь. — И чтобы через пять минут на плацу вас не было. Свободны. Они остались одни посреди огромного, пустого пространства. Мила тихо заплакала — не от боли, а от унижения и усталости. Макс молча подошел к ней и помог встать, а затем протянул руку Кире. Она приняла её, поднимаясь на дрожащих ногах. Она посмотрела в спину уходящему Фирцу. "Я убью его, — подумала она, стирая грязной рукой пот со лба. — Не сейчас".

Они шли к лазарету молча. Мила всё еще всхлипывала, пытаясь стереть грязь и кровь с колен прямо на ходу, что только размазывало её по форме. Макс шагал рядом с каменным лицом, но Кира видела, как он то и дело сжимает и разжимает кулаки — его ладони, содранные о камень плаца, наверняка жгло огнем. Кира шла посередине. Её пресс горел так, будто она проглотила раскаленный уголь, а каждый вдох отдавался болью в ребрах. Но она почти не замечала этого. Её мысли были там, в кабинете ректора. Она помнила запах валерианы. Помнила пустой, ничего не выражающий взгляд Элиаса. И она помнила слова Нолана, сказанные ей в темноте гербологического кабинета: «Если будешь его покрывать, кадет Морриган, то пойдешь соучастницей». Она привела Дэймона в лазарет, и дала ему «Слезы феникса». Кира была там в ту ночь. Нокс мог обмануть разум ректора, но Нолан — магистр целительства. Он знает всё о зельях, о магии и о том, как пахнет страх. Он видел её руки. Он знает, что она умеет замораживать реки. Чем ближе они подходили к знакомому крыльцу лазарета, тем тяжелее становились ноги. Ей хотелось развернуться и бежать обратно на плац, к Фирцу. Там её ждала только боль в мышцах. Здесь её ждала клетка. — Может, не надо? — тихо прохрипела Мила, останавливаясь у ступеней. — Может, просто водой из колодца промоем? У меня есть мазь в комнате... — Нет, — отрезал Макс, хотя сам выглядел так, будто предпочел бы отрубить руки, чем войти внутрь. — Если мы не придем, он сам нас найдет. А тогда будет хуже. Идем. Кира кивнула, собирая остатки воли в кулак. Она толкнула тяжелую дубовую дверь. В нос ударил привычный запах антисептиков, трав и озона. В приемной было пусто и тихо. Нолан стоял у операционного стола, протирая инструменты куском чистой ткани. Он даже не обернулся на звук открывшейся двери. Но Кира знала — он почувствовал их присутствие еще до того, как они вошли. — Морриган, — его голос прозвучал ровно, без удивления. — Войс. Ривелл. Я смотрю, господин Фирц начал знакомство с Академией с традиционного «крещения огнем». Он положил инструмент на стол и медленно, очень медленно повернулся. Его взгляд прошелся по Макс (оценил ладони), по Миле (фыркнул при виде разбитых коленей), а затем остановился на Кире. Он смотрел ей прямо в глаза. Долго. Изучающе. Кира выдержала этот взгляд. Она стояла по стойке смирно, как на плацу, хотя всё её тело молило о пощаде. Она не моргнула. Она вспомнила, как стояла перед ректором. Как лгала. Как Нокс пел ей в голову, успока-

ивая. Нолан чуть прищурился. Он сделал шаг вперед. — Что у тебя с прессом? — спросил он тихо. — Сломанные ребра или просто надрыв? — Надрыв, магистр, — голос Киры прозвучал хрипло, но твердо. — Разрешите пройти на осмотр. Нолан молчал еще секунду. Он смотрел на неё так, словно видел не кадета, а открытую книгу, которую пытался прочесть. Он искал в ней трещины. Признаки того, что она сломлена. Признаки того, что она готова говорить. — Проходи, — наконец сказал он, отходя в сторону и указывая на кушетку. — Мила, Макс, ждите здесь. К вашему сведению, лазарет — это не место для ожидания. Это место для лечения. Если вы истекаете кровью, делайте это в коридоре, чтобы не пачкать пол. Кира прошла мимо него, чувствуя, как от его близости по коже пробегает мороз. Она легла на жесткую кушетку, стараясь не шипеть от боли, когда мышцы живота напряглись. Нолан подошел к шкафчику, звякнув стеклом. — Фирц всегда был радикален, — пробормотал он, доставая бинты и пахучую мазь. — Но эффективен. Он повернулся к ней. — Итак, кадет. Как прошел твой день? Кроме того, что тебя чуть не забили до смерти на глазах у всей Академии? Его тон был почти дружеским. И именно это пугало Киру больше всего. Она вспомнила его слова снова. «Я не скажу, что ты замешана». Она открыла рот, чтобы ответить про «тяжелую тренировку», но слова застряли в горле под его немигающим взглядом. Она пришла сюда за помощью, но чувствовала себя так, будто пришла на исповедь к палачу.

Нолан открыл банку с мазью. Резкий запах ментола и трав наполнил тесную смотровую. Он зачерпнул густую зеленоватую массу и начал медленно, почти нежно втирать её в разбитое, содранное колено Киры. Она зашипела сквозь зубы, вцепившись пальцами в край кушетки. Тишина затягивалась. Нолан работал молча, его лицо было сосредоточенным и мрачным. Кира чувствовала, как под его пальцами уходит жар и отек, но напряжение в комнате только росло. Она больше не могла выносить этот молчаливый суд. — Я сказала ректору в кабинете всё как есть, — внезапно произнесла она. Голос был хриплым, но в нем звенела сталь. — И я не солгала. Рука Нолана на мгновение замерла. Он поднял на неё глаза. В них не было удивления, только тяжелый, холодный анализ. — Что он поверил — это чудо, дарованное ему драконом в твоей голове, — ровно ответил Нолан, возвращаясь к бинту. — Но меня интересует не ректор, Морриган. Меня интересуешь ты. И то, что ты скрываешь. — Ты злишься не из-за того, что я что-то скрываю, — Кира смотрела ему прямо в глаза, не моргая, хотя от боли в колене хотелось кричать. — Ты злишься из-за того, что он сам убежал. Ты хотел, чтобы я сдала его тебе. Чтобы ты мог... «проучить» его. Контролировать ситуацию. А я тебе всё испортила. Нолан закончил с первым коленом. Он потянулся за вторым. Его движения стали чуть резче, чем требовалось. — Ты испортила всё тем, что вляпалась в государственную измену, кадет, — процедил он. — И если ты думаешь, что драконья магия защитит тебя от Инквизиции, ты фатально ошибаешься. Они не смотрят на то, *как* ты лжешь. Они смотрят на то, *что* ты скрываешь. Он резко оторвал кусок бинта. Звук прозвучал как выстрел. Кира не отступила. Она понимала, что он прав, но его тон, его позиция «я знаю лучше» выводили её из себя. Она только что пробежала десять кругов и сделала четыреста отжиманий по его милости, и она не собиралась извиняться за то, что спасла жизнь. — Я знаю, — тихо сказала она, когда он начал туго бинтовать второе колено. — Но я также знаю, что ты не донес. Значит, ты тоже соучастник, Нолан. Так что давай закончим этот фарс. Мы оба в одной лодке. Просто ты сидишь на веслах, а я черпаю воду. Нолан затянул последний узел так сильно, что у Киры перед глазами потемнело. Он встал, отряхивая руки. Он долго смотрел на неё сверху вниз. В его взгляде боролись гнев, раздражение и... что-то похожее на мрачное уважение. Он проиграл этот спор. Она загнала его в угол его же логикой. — Ладно, — наконец выдохнул он, признавая поражение в этой словесной дуэли. — Хватит. Он отвернулся к умывальнику, чтобы вымыть руки, давая себе секунду, чтобы успокоиться. — Кадет Морриган, — сказал он, не оборачиваясь, его голос снова стал ровным и официальным. — Свободна. Раны обработаны. Синяки пройдут через пару дней. Иди в казарму. И скажи тем двоим, — он кивнул в сторону двери, — что если они не перестанут капать кро-

вью на мой чистый пол, я заставлю их вылизывать его языком. Зови их. Кира, кряхтя, спустила ноги с кушетки. Боль в животе и ногах была почти невыносимой, но на душе почему-то стало легче. Она встала, оправила измятую, грязную форму и, прихрамывая, пошла к двери. — И, Морриган, — окликнул её Нолан, когда она уже взялась за ручку. Кира обернулась. — Если этот твой... Блэквуд... появится в радиусе ста миль от Академии, скажи ему, что лазарет — плохое место для повторных визитов. Я не буду его латать в следующий раз. Я его препарирую. Кира на секунду замерла, а затем уголки её губ дрогнули в слабой, едва заметной усмешке. — Поняла, магистр. Она вышла из смотровой. Нолан остался один, тяжело опираясь на край стола и глядя на закрытую дверь. Он ненавидел, когда кадеты оказывались умнее его. А Кира Морриган только что обыграла его вчистую.

Кира толкнула тяжелую дверь смотровой и вышла в приемную. Макс и Мила вскочили со скамьи, на которой сидели. Вид у них был не лучше, чем у неё: Макс прижимал к груди обмоченные тряпками ладони, а Мила стояла, скособочившись, стараясь не опираться на разбитые колени. — Ну что? — хрипло спросила Мила, глядя на уверенную (насколько это было возможно) походку Киры. — Он тебя отчислил? Или просто убил взглядом? — Хуже, — коротко бросила Кира, останавливаясь перед ними. — Сказал, что если мы продолжим пачкать его пол кровью, он заставит нас вылизывать его языком. Макс фыркнул, но тут же поморщился, когда содранная кожа на ладонях натянулась. — Оптимистично. А тебя саму? Пытал? — Бинтовал, — Кира чуть повела плечами, чувствуя, как ноет пресс. — И угрожал препарировать Дэймона, если тот появится. Так что наш ледяной друг всё ещё на нашей стороне, просто очень зол. Мила облегченно выдохнула, прижимая руку к груди. — Я уж думала, он сдаст нас Инквизиции вместе с тапочками. — Инквизиция подождет, — Кира кивнула на дверь смотровой. — Заходите. Он вас ждет. И постарайтесь не плакать, когда он начнет мазать ваши ссадки, а то он решит, что это дождь, и откроет окно. Макс тяжело вздохнул, всем своим видом показывая, как ему надоела эта боль, и первым шагнул в смотровую. — Магистр, — буркнул он, проходя мимо Киры. — Макс, — кивнула она в ответ, а затем повернулась к Миле. Мила выглядела совсем потерянной. Её была мелкая дрожь — отходняк после адреналинового шока от тренировки Фирца. — Давай, боевая подруга, — Кира мягко подтолкнула её к двери. — Твоя очередь получать дозу унижения и целебных мазей. — Он сказал, что у меня дисциплина нулевая, — пожаловалась Мила, шмыгая носом, но всё же делая шаг внутрь. — А у меня — что я интересная, — усмехнулась Кира. — Выбирай, что тебе больше нравится. Когда дверь за Милой закрылась, Кира осталась одна в пустой приемной. Она прислонилась спиной к холодной стене рядом с дверью. Ноги гудели. Ребра горели. Но впервые за это утро она почувствовала не страх, а глухую, тяжелую усталость, которая приходит после выполненного долга. Она сделала всё, что могла. Она выдержала Фирца. Она не сломалась перед Ноланом. Друзья живы. Она закрыла глаза, прислонив затылок к камню. Минут через пять дверь смотровой снова открылась. Вышел Макс — его ладони были замотаны чистыми белыми бинтами, и он выглядел так, будто готов прямо сейчас идти в бой. Следом выплыла Мила, которую Нолан буквально вытолкнул в спину, сунув в руки баночку с мазью. — Свободны, — донесся из-за двери голос Нолана. — И чтобы я вас до завтра не видел. — Есть, магистр, — вяло козырнул Макс. Они вышли в коридор. Кира оттолкнулась от стены, встречая их. Она посмотрела на Милу, на Макса, потом на свое собственное грязное, измятое отражение в темном стекле окна. — Ну что, герои плаца? — её голос всё ещё был хриплым, но в нем появились теплые нотки. — Ползти в казармы сами будете или возьмете меня в компанию? Я знаю короткий путь через прачечную, там нас никто не увидит. Мила, которая уже открыла рот, чтобы пожаловаться на Нолана, посмотрела на Киру и вдруг тихо рассмеялась. Смех был слабым, но искренним. — Только если ты понесешь меня на руках, Ривелл, — сказала она Макс. — Мои ноги официально объявлены мертвыми. — Я бы с радостью, Войс, — усмехнулся Макс, морщась от боли в ладонях. — Но боюсь, мои руки тоже. Кира покачала головой, глядя на них. Она медленно пошла к лестнице, ведущей в жилой

корпус, и бросила через плечо:— Ладно, раз так, я пойду впереди и буду расчищать дорогу. Ползком. Звание кадета обязывает. Они побрели по коридору, поддерживая друг друга. Они были грязными, избитыми и уставшими до предела. Но они были вместе. И это было главным.

Они шли по коридорам жилого корпуса медленно, не спеша. Каждый шаг отдавался болью в мышцах, которые Фирц, кажется, решил вытряхнуть из тела и собрать заново. Мила ковыляла между ними, опираясь на плечи Киры и Макса, как на живые костыли. Со стороны они выглядели как ветераны проигранной войны, возвращающиеся с поля боя. Мила первой нарушила тяжелое молчание, повисшее между ними. Она остановилась, тяжело дыша, и с отвращением посмотрела на свои грязные, перепачканные пылью плаща и кровью колени.— Так, — выдохнула она, упираясь руками в колени. — Я больше не могу. От меня пахнет, как от дохлой лошади, которую неделю тащили по Пустошам. У меня предложение. Макс и Кира остановились, с трудом поворачивая головы к ней. Мысли двигались так же медленно, как и ноги. — Может, сходим скупаться? — предложила Мила с надеждой в голосе. — А то мы грязные, потные... Я чувствую, как на мне кристаллизуется соль. И у меня всё еще воняет страхом того ледяного истукана. Хочу смыть это в горячей воде. Макс издал долгий, страдальческий вздох, потирая переносицу здоровой рукой. Его глаза были полузакрыты от усталости.— Мила, я бы с радостью. Всеми богами клянусь, я бы дошел. Но если я сейчас залезу в горячую воду, я там просто... умру. Или, что еще хуже, засну. А спать в общей купальне — это дурной тон. И верный способ проснуться с нарисованной на лбу жабой. Кира, которая до этого просто механически переставляла ноги, посмотрела на подругу. В её глазах не было желания спорить, только бесконечная усталость.— Я бы тоже пошла, — тихо сказала она. — Но мы же... оброты Ноланом. — Она машинально потерла забинтованное колено через ткань формы. — Если он увидит, что мы сразу после лазарета пошли плескаться, он решит, что мы симулянты. И придумает нам наказание похуже бега. Например, заставит учиться. Мила надула губы, готовясь к долгому уговариванию, но потом её лицо просветлело. Она хитро прищурилась и ткнула Киру локтем в бок.— Ой, да не парься ты, — она махнула рукой, чуть не потеряв равновесие. — У меня же есть всё. Она отпустила плечо Киры и, пошатываясь, полезла в свою сумку, которая висела у неё на плече. После недолгого копошения, сопровождаемого звоном склянок, она извлекла на свет два предмета: небольшую глиняную бутылочку с плотно притертой пробкой и аккуратный сверток из плотной ткани.— Вот, — она гордо протянула бутылочку Кире. — Такая же, как у Нолана. Успокоительный отвар. Пахнет, конечно, как носки тролля, но вырубает любую боль и подозрения. А это, — она развернула сверток, показывая идеально чистые, белоснежные бинты, — на случай, если мы кого-то встретим. Она посмотрела на их скептические лица и добавила последний, убойный аргумент:— Ну же! Представьте, как мы завалимся в купальни. Три героя плаца. Грязные, побитые, но... чистые. Это же лучший способ сказать Фирцу, что он нас не сломал. Кира посмотрела на Милу, потом на Макса. Макс смотрел на бутылочку в руках Милы с таким видом, будто это был сосуд со спасением. — Если я усну в воде, — медленно произнес Макс, — вы меня вытаскиваете. И бьете по щекам. Только не сильно, руки болят. — Если я усну, — эхом отозвалась Кира, чувствуя, как тепло от слов Милы начинает разливаться по телу, — просто накройте меня полотенцем. Мила победно улыбнулась.— Решено! — она тут же бодро (насколько это было возможно) развернулась в сторону лестницы, ведущей в подвал, где располагались купальни. — Пошлите. Я даже знаю, где сегодня дежурит старый Йонас. Он глухой, как пень, и спит после третьей смены. Мы проскользнем мимо него, как тени. Они посмотрели друг на друга. В их глазах читалось: «Это самая безумная идея в нашей жизни». Но горячая вода манила сильнее, чем страх перед Ноланом.— Ладно, — выдохнула Кира, делая первый шаг за подругой. — Но если нас отчислят, я скажу, что это была твоя идея, Мила.— Если нас отчислят, — буркнул Макс, ковыляя следом, — я скажу, что это была идея "моего" воспаленного воображения, потому что я уже умер на плацу. И хромая, поддерживая

друг друга, троица кадетов свернула в сторону подвала, оставляя за спиной ужасы плаца и направляясь к незаконному, но такому желанному теплу.

Старая купальня Академии встретила их благословенным теплом и густым паром. Пахло мокрым камнем, эвкалиптом и чем-то неуловимо древним. Разойдясь по разным дверям, они наконец-то смогли сбросить с себя грязные, окровавленные мундиры. Кира и Мила с тихими стонами облегчения погрузились в большой мраморный бассейн в женском отделении. Горячая вода мгновенно обняла избитое тело. Кира прислонилась спиной к гладкому бортику, опустив затылок на прохладный камень, и закрыла глаза. Мила, раскинув руки, просто лежала на поверхности, как морская звезда, изредка блаженно булькая. В мужском отделении Макс проделал то же самое. Он погрузился в воду по самый нос, и его вздох был похож на стон умирающего, попавшего в рай. — Как же хорошо, — прошептал он, и пар унес его слова. — Я бы остался здесь на ночь. Прямо здесь. Построил бы шалаш из полотенец. Время остановилось. Единственным звуком было журчание воды, падающей в бассейн из каменных масок на стенах. Боль в мышцах медленно отступала, сменяясь свинцовой тяжестью расслабления. Кира, однако, не спала. Тепло расслабило тело, но разум, лишенный физической боли, тут же заполнил образовавшуюся пустоту. Она открыла глаза. Её взгляд скользнул по запотевшим стенам, по клубам пара, и остановился на небольшом узком окне под самым потолком. За ним, в черном зимнем небе, висел молодой месяц — тонкий, острый серп, похожий на лезвие. Кира смотрела на этот холодный свет, и её тело внезапно окаменело. Пальцы, которыми она держалась за бортик, побелели. Деймон. Она снова видела его. Не того, кто был в пещере — изможденного и раненого. А того, кто стоял на ступенях Северной башни — высокий, опасный, с усмешкой на губах. Она чувствовала запах пепла. И рядом с ним, в тени, стоял другой. Смуглая кожа, взъерошенные волосы. Гаррик Фирц. Они были похожи. Как два клинка из одной стали. «Он знает, — пульсировала в голове паническая мысль. — Он знает про Нокса. Про Слепого. Он здесь не случайно». — Эй. Голос Макса вырвал её из омута. Кира вздрогнула так сильно, что расплескала воду. Она моргнула, возвращаясь в купальню, в пар, в запах эвкалипта. Макс в мужском отделении открыл один глаз. Он не мог её видеть, но, видимо, почувствовал изменение в атмосфере даже сквозь стену. — О чем задумалась? — его голос звучал сонно и лениво. — Только не говори, что скучаешь по отжиманиям. Кира заставила себя расслабить плечи. Она провела мокрой рукой по лицу, стирая несуществующую паутину. — А? — она постаралась, чтобы голос звучал ровно. — Да так... Она кивнула в сторону окна, на тонкий серп луны. — О завтрашнем дне, — быстро нашлась она. — О том, что нам придумает Фирц. Макс в соседнем зале фыркнул, выпуская пузыри. — Если он придумает что-то хуже того, что было утром, я официально объявляю Академию зоной военных действий и требую политического убежища в прачечной. Кира чуть улыбнулась, но улыбка не коснулась её глаз. Она снова посмотрела на месяц. «Ты где, Деймон? Пожалуйста, просто выживи». Она не могла сказать это друзьям. Не сейчас. Они наконец-то расслабились. И она не станет портить этот редкий момент покоя своим страхом. Но она знала. Завтра Фирц придет не для того, чтобы учить их стрелять. Он придет, чтобы проверить, как глубоко они могут копать. И он уже начал копать под неё.

Кира снова устала на тонкий серп месяца за окном. Пар в купальне становился всё гуще, размывая очертания комнаты и превращая её в туманное, призрачное пространство. Мила, которая до этого просто лежала на воде с закрытыми глазами, почувствовала, как изменилась температура воды рядом с подругой. Кира словно излучала холод, несмотря на кипяток бассейна. Мила перевернулась на живот и подплыла ближе, оперевшись локтями о бортик. Она долго смотрела на профиль Киры, на то, как пляшут тени на её лице. — Кир, — тихо позвала Мила, и её голос прозвучал непривычно серьезно, без обычной звонкости. — А если он... не вернется? Кира не сразу ответила. Она продолжала смотреть на луну, но её дыхание стало чуть глубже. Вопрос, который она гнала от себя весь день, прозвучал вслух. От кого-то другого — от Макса или Нолана — это прозвучало бы как обвинение. От Милы это зву-

чало как забота. Кира медленно выдохнула, и облачко пара скрыло её лицо на мгновение. — Я не знаю, Мила, — её голос был тихим, почти шепотом, который тут же растворился в шуме воды. — Правда не знаю. Она наконец повернула голову и посмотрела на подругу. В её глазах не было слез, только бесконечная, звенящая пустота. — Я просто... всё время о нем думаю. Каждую секунду. Что он ест? Тепло ли ему? Ранен ли он снова? Не попал ли в ловушку? — она горько усмехнулась, качая головой. — И больше ничего в голову не приходит. Пустота. Он тогда сказал, что вернется. На своем драконе. И улетел. Без ответа. Мила слушала, не перебивая. Она видела Киру разной: язвительной, злой, испуганной, сильной. Но такой — абсолютно обнаженной и потерянной — она видела её впервые. — Это тяжело, — просто сказала Мила, кладя свою мокрую, теплую руку поверх руки Киры, сжимающей бортик. — Ждать того, кто может быть мертв. — Он не мертв, — тут же, слишком резко ответила Кира, сжав руку Милы в ответ. — Я бы почувствовала. Нокс бы... — она осеклась, чуть не выдав их тайну, и закончила тише: — Я бы знала. Мила понимающе кивнула, не спрашивая, кто такой Нокс. Она просто приняла это как факт. — Ладно, — Мила мягко улыбнулась. — Если он не вернется, мы просто найдем его. Я, ты и Макс. Втроем. Мы же команда, помнишь? Мы и не из такого дерьма его вытаскивали. Кира посмотрела на их сцепленные руки, и уголок её губ дрогнул в слабой, благодарной улыбке. — Помню, — прошептала она. Они посидели так еще несколько минут в тишине. Вода медленно остывала. Кира бросила взгляд в сторону мужского отделения. Оттуда доносилось мерное, глубокое сопение, перекрывающее шум воды. Макс, откинув голову на бортик, спал. Его лицо было абсолютно расслабленным, впервые за этот жуткий день. Рот был чуть приоткрыт. — Тише, — прошептала Кира, кивнув в его сторону. — Смотри. Мила тихо прыснула, зажимая рот рукой, чтобы не рассмеяться в голос и не разбудить его. — Он выглядит так, будто завоевал эту ванну в честном бою и теперь охраняет её, — прошептала она в ответ. — Давай не будем будить победителя, — улыбнулась Кира. Они выбрались из воды так же тихо, как и вошли. Мила накинула на спящего Макса самое большое и пушистое полотенце, которое нашла на вешалке, укрыв его до подбородка. Кира набросила на себя халат, чувствуя, как боль в мышцах возвращается вместе с прохладой воздуха. Она посмотрела на спящего друга, затем на Милу. — Спасибо, — тихо сказала она. — За что? — удивилась Мила, вытирая волосы. — За то, что не спрашиваешь про драконов, — Кира слабо улыбнулась. — И за то, что ты здесь. Мила только подмигнула ей, и они на цыпочках вышли из купальни, оставив Макса досматривать сны о завоевании водных империй.

Эта сцена отлично работает на контрасте: изнеможение и покой в теплой комнате Киры противопоставляются холодному, тревожному полету Дэймона. Мы видим, что оба героя винят себя, находясь в сотнях миль друг от друга. Вот как эта сцена может выглядеть в тексте. ***Коридоры жилого корпуса казались бесконечными. Мраморный пол, такой холодный и твердый, вытягивал остатки тепла из их тел. Каждый шаг отдавался болью в мышцах, которые Мила и Кира даже не подозревали, что у них есть. Они шли, опираясь о стену, поддерживая друг друга, словно два старых, израненных солдата после проигранной битвы. Мила сдалась первой. Как только её дверь — третья по коридору — оказалась перед носом, она просто толкнула её внутрь. — Всё, — пробормотала она, падаясь стянуть с себя мокрый халат. — Я превращаюсь в подушку. И не будите меня до следующего года. Она рухнула на кровать прямо в халате, даже не дойдя до шкафа с пижамой. Подложив руку под щеку, она что-то сонно и неразборчиво пробормотала под нос — что-то среднее между проклятием в адрес Фирца и молитвой богам сна — и отключилась. Её дыхание стало глубоким и ровным почти мгновенно. Кира заглянула в комнату, улыбнувшись уголке губ. Она тихо подошла к кровати подруги и аккуратно, стараясь не шуметь, подоткнула сползающее одеяло. — Спокойной ночи, Мила, — прошептала она. Затем Кира вернулась к себе. Её комната казалась чужой и тихой. Она двигалась механически, как автомат: сбросила мокрый халат на стул, переделась в чистую, мягкую ночную рубашку. Подошла к зеркалу. На неё смотрело бледное лицо с темными кругами под глазами

и ссадиной на скуле — «поцелуем» от каменной плиты плаца. Она взяла с полки деревянный гребень. Медленно, прядь за прядью, она начала расчесывать спутанные волосы. Ритмичное скольжение зубьев по волосам успокаивало. *Раз... два... три...* Это помогало не думать. Не думать о ректоре. Не думать о Нолане. Не думать о Гаррике Фирце, который смотрел на неё так, словно уже знал, как она будет выглядеть на надгробии. Закончив, Кира легла в постель. Она натянула одеяло до самого носа, наслаждаясь сухим теплом и чистотой простыней. Она закрыла глаза, пытаясь провалиться в сон, хотя бы на несколько часов сбежать от реальности.

Далеко за горами, там, где ветер резал лицо как стекло, Деймон Блэквуд летел сквозь рассветную дымку. Слепой Ярость мощно взмахивал крыльями, неся своего всадника к Плато Ветров. Дэймон сидел в седле, вцепившись в поводья так, что побелели костяшки. Холодный воздух должен был бодрить, но вместо этого он лишь вымораживал вину, которая ледяным комом поселилась в его груди. «Я оставил её одну». Эта мысль была его сильнее встречного ветра. Он видел её лицо, когда она выходила из кабинета ректора. Видел её в коридоре, когда она кричала его имя. Он поцеловал её, чтобы напугать, чтобы оттолкнуть, чтобы она выжила... Но он не остался. Он улетел, оставив её одну в змеином гнезде Академии, где каждый — от ректора до дворника — теперь смотрел на неё как на прокаженную. «Если с ней что-то случится, это будет моя вина». — Быстрее, — прорычал он, пуская шпоры в бока старого дракона. — Жми к Плато. Слепой Ярость недовольно рыкнул, но ускорился. Они вышли на финишную прямую. Впереди, на фоне серого неба, показались острые скалы северной гряды. Там, на краю обрыва, где гуляли вечные ветра, их ждали. Слепой Ярость сделал широкий круг, заходя на посадку. Он покрутил массивной головой, его слепые, белесые глаза были прищурены от ветра. Он втянул ноздрями воздух, пахнувший озоном, камнем и... чужим драконом. Дэймон тоже почувствовал это. Внизу, на небольшой, продуваемой всеми ветрами площадке, стоял второй дракон. Огромный, угольно-черный, с костяными наростами на морде. Его звали Гром. Он стоял неподвижно, как изваяние, но его хвост нервно подергивался. Рядом с Громом, закутанный в тяжелый меховой плащ, стоял человек. Он ждал. Дэймон сжал челюсти. Игра началась. Командир прилетел за своим долгом.

Слепой Ярость тяжело опустился на камни, выбив из-под когтей сноп искр. Ветер на плато был ледяным, он пронизывал насквозь форменный плащ, который Дэймон так и не успел сменить. Дэймон соскользнул с седла на землю. Ноги, одеревеневшие после долгого полета, едва держали. Он сделал шаг, разминая плечи, и посмотрел на встречающего. Артур стоял неподвижно. Он не изменился за эти полгода — всё тот же тяжелый взгляд, всё та же привычка стоять, засунув руки глубоко в карманы плаща, словно ему постоянно холодно. Он был правой рукой Дэймона в «Пепельных клинках», его тенью и самым верным другом. Но сейчас в его глазах не было радости. Только выжженная пустота. Дэймон сделал шаг вперед, хрустя гравием. — Артур, — выдохнул он. Пар изо рта тут же унесло ветром. Артур медленно, нехотя оторвал взгляд от Слепого Ярости и посмотрел на Дэймона. Он осмотрел его с ног до головы — грязную форму, ссадины, ту самую пугающую худобу, которая появляется, когда человек живет на грани. — Ну привет, — голос Артура был хриплым, сорванным от ветра и, возможно, от крика. Он сделал паузу, словно подбирая слова, которые не хотел произносить. — Я не думал, что встречу тебя живым. Эти слова ударили Дэймона сильнее, чем кулак Фирца. «Живым». Не «вернувшимся». Не «героем». Просто — живым. Как будто они были на похоронах, и Артур констатировал факт, что покойник вдруг встал и пошел. — Как видишь, — хмыкнул Дэймон, пытаясь сохранить маску холодного безразличия, но голос предательски дрогнул. — Гаррик постарался. Вытащил меня из той дыры. Артур медленно кивнул. Он перевел взгляд на Слепого Ярость. Старый дракон стоял, понуро опустив голову, и тяжело дышал, выпуская клубы пара. — Слепой... — прошептал Артур. — Я думал, они забрали и его. Вместе с Громом. — Они забрали всё, — тихо сказал Дэймон. Его голос стал жестким. — Кроме нас двоих. Где остальные, Артур? Где база? Артур наконец оторвал взгляд от драконов. Он посмотрел прямо

в глаза Дэймону. — Базы больше нет, — отрезал он. — Как только ты... исчез, — он выделил это слово, — Фирц объявил, что отряд распушен. «Пепельные клинки» мертвы. Он сделал шаг к Дэймону, сокращая дистанцию. Ветер трепал его волосы. — Тебя объявили предателем, Дэймон. Сказали, что ты сдал координаты гнезда. Сказали, что «Слепая Ярость» сошел с ума и сжег своих, а ты сбежал, прихватив яйца. Дэймон почувствовал, как внутри всё заледенело. — Это ложь, — процедил он сквозь зубы. — Ты же знаешь, что это ложь. Там была ловушка. Теневые бойцы... — Я знаю, — кивнул Артур. — Я знаю, что ты не предатель. Но Совет Магов этого не знает. И Инквизиция — тем более. Он ткнул пальцем в грудь Дэймону. Жест был не агрессивным, а тяжелым, констатирующим. — Твоего дракона держат в пещере под усиленной охраной. Он воет уже полгода, Дэймон. Они не дают ему взлететь. Говорят, он опасен. А Фирц... — Артур горько усмехнулся, обнажая зубы. — Фирц теперь герой. Он привел Академию к «победе» над предателем. И теперь он будет учить таких, как Мила Войс, как убивать таких, как мы. Дэймон стоял, слушая вой ветра и тяжелое дыхание Слепого. Вся его надежда на то, что он вернется и всё исправит, рухнула в одно мгновение. Артур смотрел на него, ожидая реакции. Ждал приказа. Ждал плана. Но Дэймон просто закрыл глаза. «Кира, — пронеслось в его голове. — Я оставил её одну. А здесь у меня даже нет места, куда приземлиться». — Значит, — наконец открыл глаза Дэймон, и в них вспыхнул тот самый опасный, белый огонь, — мы заберем всё обратно. Артур долго смотрел на него. Затем он медленно кивнул, доставая из-под плаща тяжелый боевой кинжал. — Я никогда в тебе не сомневался, командир, — сказал он, протягивая рукоятку Дэймону. — Куда сначала? Освободим Грома или пойдем за яйцами? Дэймон взял кинжал. Холодная сталь привычно легла в ладонь. — Сначала, — он посмотрел в сторону Академии, скрытой за горизонтом, — мы сделаем так, чтобы Фирц пожалел, что вообще открыл глаза сегодня утром. А потом... — его голос стал тише, почти рычанием, — мы заберем то, что наше. Он развернулся к Слепому Ярости и похлопал его по чешуйчатой шее. — Старый друг, — прошептал он. — Прости. Я заставил тебя ждать слишком долго. Дракон опустил голову, ткнувшись тяжелым лбом в плечо Дэймона, и тихо, вибрирующе заурчал. Пепел и камень. Они снова были вместе. И они были в ярости. Этот момент — отличный поворот сюжета. Он меняет масштаб проблемы с «мести за прошлое» на «немедленную угрозу для Киры». Дэймон только что прилетел домой, но дом оказался в другой стороне.

Артур выглядел так, словно только что вернулся с долгой охоты в Диких землях. Его кожаный костюм, усиленный стальными пластинами, был покрыт царапинами и пылью. На поясе висели два коротких, острых клинка, за спиной — тяжелый арбалет, а на бедре — полторный меч. Он был готов к войне. Дэймон перевел взгляд со снаряжения друга на его лицо. Холодный ветер трепал волосы Артура, но тот стоял непоколебимо, как скала. — Подожди, — Дэймон поднял руку, прерывая поток информации. Его мозг, всё еще затуманенный полетом и яростью, пытался обработать услышанное. Он сделал шаг вперед, сокращая дистанцию, и схватил Артура за плечо. Хватка была железной. — Повтори, — голос Дэймона стал ниже, в нем прорезался металл, не предвещающий ничего хорошего. — Ты сказал... что Фирц... в Академии Аркас? Артур не стал вырываться. Он посмотрел на руку командира на своем плече, а затем снова в его глаза. — Да, — кивнул он, и в его голосе прозвучала глухая, тяжелая ненависть. — Он не просто там, Дэймон. Он — новый инструктор по спецподготовке. Элиас лично подписал приказ сегодня утром. Дэймон замер. Мир вокруг него сузился до одной точки. Шум ветра на плато исчез. Вой Слепого Ярости за спиной стал далеким эхом. В его ушах зазвучал голос Киры. «Я сказала ректору всё как есть...». «Он сказал, что если я буду его покрывать, то пойду соучастницей...». «Мы оброты Ноланом в лазарете...» — Он... он что сделал с ней? — голос Дэймона сорвался на хриплый шепот. Его пальцы на плече Артура сжались так, что кожаная куртка затрещала. — Артур, что он с ней сделал? Артур нахмурился, понимая, что упустил что-то важное. — С кем? С Кирой? Откуда ты... — Она там! — рявкнул Дэймон, встряхивая его. — Кадет Морриган! Она в Академии! Я оставил её там сегодня ночью! Он... он

видел её! Он знает! Лицо Артура мгновенно изменилось. Профессиональная суровость солдата сменилась паникой, смешанной с пониманием. — Дэймон... — начал он осторожно. — Спокойно. Я не знаю, кто это, но если Фирц её видел... — Он её тренировал! — перебил его Дэймон, его глаза начали наливаться белым огнем — тем самым огнем Пустоты, который пугал даже Слепого. — Сегодня утром. На плацу. Он заставил её... — он осекся, понимая, что сейчас просто сломается от ярости. Он отпустил плечо Артура и отвернулся, делая несколько шагов к краю обрыва. Он смотрел на горизонт, туда, где за сотни лиг лежала Академия. — Я прилетел мстить, — прошептал он, обращаясь скорее к ветру, чем к Артуру. — Я хотел сжечь его за то, что он сделал с нами. С отрядом. Он резко развернулся. Его лицо было бледным, но абсолютно спокойным. Белое пламя в глазах погасло, сменившись ледяной, смертоносной пустотой. — Я идиот, — констатировал он. — Пока я думал о мертвецах, он нашел живую. Артур, потирая помятое плечо, смотрел на своего командира. Он видел перед собой не того Дэймона, который полгода назад вел их в бой — дерзкого и горячего. Сейчас перед ним стоял Хищник. — Её там не было, когда я уходил, — быстро сказал Артур, пытаясь собрать мысли. — Я бы знал. Я бы почувствовал. Она новенькая? — Четвертый курс, — бросил Дэймон. — Лучшая в алхимии. И она... она важна. — Если Фирц поставил её в первый ряд на построении... — Артур нахмурился, сопоставляя факты. — Он не просто её тренировал. Он её метил. Показывал всем. Как добычу. Дэймон издал низкий, вибрирующий рык, от которого Слепой Ярость за его спиной припал к земле, прижимая уши. — Он её тронул? — спросил Дэймон тихо. — Физически. Он прикасался к ней? Артур покачал головой. — Нет. Только орал. И заставил бегать. Она... она выдержала. Она даже попала в мишень. Но он смотрел на неё, Дэймон. Так же, как смотрит волк на хромого оленя. Дэймон закрыл глаза. — Я оставил её одну, — прошептал он. — Ради этого. Ради пепла. Он открыл глаза и посмотрел на Артура. В них больше не было сомнений. — Артур, — его голос стал тихим, но резал как стекло. — Планы меняются. Мы не идем за яйцами. Мы не идем освобождать Грома. Он подошел к Слепому Ярости и одним движением оказался в седле. — Мы летим обратно, — прорычал он. — В Аркас. Прямо сейчас. И если этот ледяной ублюдок хоть пальцем... хоть "взглядом" её коснулся... я сожгу Академию дотла. Вместе с ним. Артур секунду смотрел на своего командира, на его напряженную спину, на руку, сжимающую поводья до побеления костяшек. Затем он молча кивнул, поправил арбалет за спиной и запрыгнул на спину своего дракона. — Гром! — крикнул он. — Домой! На полной скорости! Два дракона одновременно оттолкнулись от края плато, разворачиваясь на юг. Ветер ударил в лицо Дэймону, но он не чувствовал холода. Он понимал только одно: всепоглощающую, ослепляющую необходимость вернуться. Защитить. Сжечь. Кира ждала. А он опаздывал. Дэймон уже развернул Слепого в воздухе, направляя его прочь от родных скал, обратно на юг, когда в его голове раздался тяжелый, вибрирующий рокот. Это был не звук, а мысль, переданная через ментальную связь — старая, привычная, но сейчас полная недоумения. «Командир...» — ментальный голос Слепого был похож на скрежет камней в жерле вулкана. В нем слышалась вековая усталость. «Мы только что прилетели сюда. Я чувствую запах Грома. Он близко. За тем хребтом». Дэймон сильнее сжал коленями бока дракона, задавая темп. Встречный ветер резал глаза, но он не моргал. — Я знаю, — ответил он вслух, зная, что дракон услышит его и так. «Мы летели через ночь, — продолжил Слепой, его мысль окрасилась нотками обиды старого, мудрого зверя. * — Мои крылья стары для таких рывков. Мы должны были освободить Грома. Сломать их цепи. А теперь... мы разворачиваемся. Снова на юг. К запаху камня и людей». Дэймон закрыл глаза на секунду. Он чувствовал вину перед своим драконом. Слепой Ярость только что вырвался из плена, он хотел вернуться в свое логово, найти своего брата, а вместо этого его снова гонят в клетку врага. — Я знаю, старый друг, — прошептал Дэймон, и ветер подхватил его слова. — Я знаю, что ты устал. Он почувствовал, как ментальная связь дрогнула. Слепой не злился. Он просто не понимал. Для драконов логика была проста: дом — это безопасность, враг — это угроза. Воз-

вращаться к врагу — безумие. «Всадник, — мысль Слепого стала серьезнее, в ней появился стальной оттенок, присущий «Пепельным клинкам». — Гром — мой брат. Его боль — моя боль. Но та девочка... Кира. Я чувствую её запах на твоей коже. Я чувствую её страх. Она пахнет не так, как другие люди. Она пахнет... льдом, который готов сжечь». Дэймон вздрогнул. Дракон видел её насквозь лучше, чем он сам. — Она пахнет жизнью, — поправил его Дэймон. — А Фирц хочет эту жизнь забрать. «Я не чувствую Грома так остро, как чувствую её панику, — признал Слепой. — Твоя тревога... она жжет меня изнутри. Если мы не вернемся сейчас, ты сгоришь. А если сгоришь ты — некому будет спасать ни Грома, ни её». Дэймон открыл глаза. Впереди, за облаками, уже показались очертания Долины Горных Лучей. До Академии было еще далеко, но он уже видел этот проклятый шпиль Северной башни. — Мы спасем их всех, — твердо сказал Дэймон. — Но сначала я должен убедиться, что она дышит. «Тогда лети быстрее, — вздохнул Слепой Ярость, переходя в крутое пики, чтобы поймать попутный ветер. — Держись. Я чувствую впереди бурю. И это не погода». Дэймон лишь ниже пригнулся к шее дракона, становясь с ним единым целым — сгустком ярости и скорости, летящим на выручку той, кого он оставил одну. Ветер свистел в ушах, сливаясь в один непрерывный, давящий гул. Дэймон летел, пригнувшись к шее Слепого, превратившись в наконечник стрелы, летящей на юг. Каждая минута промедления казалась ему предательством. Он должен был быть там. Он должен был видеть её. Внезапно в его голове раздался не рык, а спокойная, тяжелая мысль, перекрывающая шум ветра: «Всадник. Останови панику. Ты тратишь силы на полет, когда я могу дать тебе знание». Дэймон удивленно моргнул, чуть ослабляя хватку на поводьях. Слепой Ярость почувствовал изменение в его теле и чуть замедлил мах крыльями, переходя в плавный полет. «Что ты имеешь в виду?» — мысленно спросил Дэймон, всё еще напряженный, как струна. «Ментальная связь, — пророкотал дракон. — Она не только для команд. Я связан с тобой. Ты связан с ней. Я чувствую твой страх за неё. Но я могу дотянуться дальше. Покажи мне её образ. Я найду её в твоих воспоминаниях и посмотрю сам». Дэймон замер. Он никогда не использовал связь так. Для него это было слишком... интимно. Смотреть через глаза дракона — это всё равно что позволить ему заглянуть в самую душу. — Ладно, — выдохнул он вслух. — Покажи мне. Только её. Убедись, что она жива и здорова. И что Фирц... что он не тронул её. Слепой Ярость не ответил словами. Огромная голова дракона, покрытая старыми шрамами, чуть опустилась. Веки с кожаными наростами медленно, тяжело сомкнулись, закрывая слепые бельма. Дэймон почувствовал, как мир вокруг него исчезает. Сначала была тьма. А затем — образ. Он увидел Киру. Она была в комнате. В их общей комнате в казарме. Света не было, только холодный, призрачный свет молодого месяца падал из окна, очерчивая её силуэт на кровати. Она лежала на боку, свернувшись клубком под тяжелым одеялом. Её форменная рубашка была смята, на скуле виднелась ссадина — след от падения на плацу. Но она дышала. Ровно, глубоко. Её рука свесилась с кровати, пальцы были расслаблены. Рядом, на соседней подушке, спала Мила, тихо посапывая, её рыжие волосы разметались по наволочке. Дэймон почувствовал, как невидимая рука, сжимавшая его внутренности в тиски, разжалась. Он видел её. Она была в безопасности. В тепле. Она спала. «Загляни глубже, — прошептал голос Слепого в его разуме. — Смотри её сны». Образ дрогнул, и Дэймон увидел то, что видела Кира. Ей снился он. Снился полет. Но это был не кошмар. Она летела на драконе, смеялась, и ветер не бил её, а ласкал. Она была свободна. Дэймон выдохнул так тяжело, будто не дышал всё это время. Он открыл свои глаза. Они всё еще были в небе, над скалами, но теперь он чувствовал не панику, а тяжелую, холодную решимость. — Хорошо, — хрипло сказал он, обращаясь то ли к дракону, то ли к спящей за сотни миль девушке. — Хорошо. Она спит. Она в порядке. Он выпрямился в седле. Его спина снова стала прямой, как у командира. — Тогда меняем план, — его голос стал жестким и четким. — Мы не летим в Аркас сломя голову. Я не полезу туда посреди ночи, как безумец. Она спит, у нас есть время. Слепой Ярость открыл белые глаза, и тьма в них сменилась пониманием. «Гром». — Сначала Гром, — кивнул Дэймон. — Осво-

бождаем твоего брата. Забираем то, что наше. А на рассвете... — он посмотрел на горизонт, где небо уже начинало сереть. — На рассвете мы вернемся в Аркас. И тогда Фирц узнает, что значит разбудить «Пепельных клинков». Слепой Ярость издал низкий, удовлетворенный рык. План был логичным. План был правильным. Дракон заложил вираж, направляясь к северному хребту, где томился в плену Гром. В сердце Дэймона больше не было паники. Только ледяное, звенящее предвкушение битвы. Они летели к северному хребту. Слепой Ярость, несмотря на возраст и усталость, мощно рассекал воздух, ведомый чутьем Дэймона. Дэймон чувствовал его. Это не было похоже на ментальный зов или четкую мысль. Это было похоже на фантомную боль. Глубоко в груди, там, где у всадника всегда «живет» связь с драконом, пульсировал отголосок ярости, боли и бесконечной, глухой тоски. Это был Гром. Его огонь был скован, его крылья связаны, и он сходил с ума в темноте пещеры. Дэймон закрыл глаза, позволяя этому чувству вести его. Слепой Ярость тоже почувствовал это — он издал низкий, вибрирующий рык солидарности и чуть изменил курс, забирая правее, к черной расщелине в скалах, которую не заметил бы обычный глаз. Когда они подлетели достаточно близко, когда каменная пасть пещеры поглотила их тень, Дэймон сосредоточился. Он отсек шум ветра и холод высоты. Он потянулся мысленно не к Слепому, который был частью его самого, а вовне — в ледяную темноту. «Ты меня слышишь, дружище?» — мысль Дэймона была не приказом, а прикосновением. Осторожным, теплым. — «Я здесь. Я прилетел за тобой». Он вложил в этот зов всё: образ неба, запах свободы, ощущение ветра под крыльями и, главное, — свое присутствие. «Я со Слепым Яростью. Мы здесь». Ответ пришел не словами. Из глубины пещеры, перекрывая вой сквозняка, раздался звук. Это был не рык хищника. Это был звук рвущейся стали. Громкий, хриплый, полный такой боли и бессильной ярости, что Слепой Ярость в воздухе вздрогнул. Дракон в пещере бился в свои цепи. Звяканье тяжелого мифрилового звена ударило по нервам Дэймона. Он услышал, как огромные когти скребут по камню, пытаясь найти опору, которой нет. И сквозь этот шум ярости пробился короткий, задавленный звук. Почти стон. «Дэймон...». Блэквуд открыл глаза. Они были полны холодного, белого огня. Он всё понял. Гром не мог говорить сложными фразами — магия подавителей в пещере блокировала ментальную связь почти полностью, оставляя только базовые эмоции. Но этого было достаточно. Этот рык. Этот звук цепи. Этот единственный, хриплый импульс его имени. Гром знал, что он здесь. Гром слышал его. И Гром всё еще был воином, который рвется в бой, несмотря на боль. — Держись, — прошептал Дэймон, хотя дракон не мог его услышать физически. — Я иду. Слепой Ярость приземлился на узкий карниз у входа в пещеру. Камень заскрипел под его весом. Дэймон соскочил на землю, вытаскивая из-за голенища тяжелый кинжал. — Я здесь, — повторил он уже вслух, глядя в чернильную темноту логова. — Теперь всё будет правильно. Ледяной ветер на плато ударил в лицо, как только Слепой Ярость сложил крылья. Камень под ногами был скользким от вечного инея. Дэймон на секунду прижался лбом к чешуйчатой шее старого дракона, чувствуя исходящий от него жар. «Будь здесь, — мысленный приказ был коротким и резким, без лишних эмоций. — Если услышишь крик или шум боя — жди приказа. Если увидишь, что я не вышел до рассвета — лети в Аркас. Найди Киру». Слепой Ярость не издал ни звука. Он лишь медленно наклонил свою огромную, слепую голову, коснувшись носа Дэймона в прощальном жесте. В этом прикосновении было всё: доверие, готовность умереть рядом и обещание исполнить приказ. Он остался на карнизе, превратившись в темную, неподвижную тень на фоне серого неба. Дэймон отстранился. Командир снова стал командиром. Он проверил крепления перевязи. Кинжалы на месте. Меч за спиной. Он глубоко вдохнул морозный воздух, насыщая кровь кислородом перед входом в тесноту. Пещера Грома зияла впереди черным провалом. Оттуда несло застарелой кровью, гарью и отчаянием. Дэймон чувствовал, как внутри, за магическими подавителями, бьется в истерике вторая половина его души. Он перехватил рукоять кинжала поудобнее. — Гром, — прошептал он в темноту. — Держись. Дэймон шагнул вперед, под каменные своды. Свет снаружи исчез, но для его глаз,

привыкших к полумраку и обостренных магией связи, пещера не была абсолютно черной. Он видел влажный блеск сталактитов, видел глубокие борозды на каменном полу — следы когтей Грома, когда тот пытался вырваться. Он побежал. Бежал бесшумно, по-кошачьи, используя тени. Коридор вился спиралью вниз. Чем ниже он спускался, тем жарче становилось — это чувствовался огонь Грома, запертый в тесном пространстве, пытающийся прожечь камень. Впереди показался тусклый, пульсирующий красный свет. Магические кандалы. Дэймон прижался к стене у самого поворота, замирая. Он слышал его. Тяжелое, хриплое дыхание. Ритмичный, сводящий с ума звон цепи. И низкое, непрерывное рычание, от которого вибрировали стены. Гром был там. И он был в бешенстве. Дэймон закрыл глаза на долю секунды, собирая волю в кулак. «Слепой, — бросил он короткую мысль своему дракону снаружи. — Прикрой выход. Если они бросят виверн — жги всё». Он выдохнул и шагнул из-за угла. Пещера была огромной. И в её центре, прикованный за шею и лапы к полу, висел Гром. Его чешуя, когда-то бывшая цветом грозовой тучи, потускнела и пошла трещинами от постоянного жара, который он не мог выпустить. Его глаза — два озера жидкого белого пламени — вспыхнули при виде Дэймона. Он рванулся с такой силой, что задрожал весь скальный массив. Цепи натянулись, издавая звук, похожий на стон умирающего зверя. Дэймон не стал тратить время на слова. Он просто вышел на свет и поднял руку, в которой блеснуло лезвие кинжала. — Я здесь, брат, — сказал он вслух. — Пора домой. И бросился к механизму, удерживающему замок на шее дракона. Дэймон подбежал к основанию каменной платформы, где, прикованный за шею, висел Гром. Механизм замка был сложным, выкованным из зачарованной стали. Дэймон достал кинжал, его пальцы уже коснулись замочной скважины, когда за спиной раздался сухой, шелкающий звук. — Стоять, Блэквуд. Из боковых тоннелей, словно змеи, выскользнули фигуры в серых мантиях — личная гвардия Фирца, боевые маги. Четверо. Они окружили его, перекрывая путь к Грому и выход. Дэймон не стал тратить время на ответ. Он развернулся. Он не стал ждать, пока они сплетут заклинания. Он был «Пепельным клинком». Он был быстрее. Первый маг не успел даже поднять руку — Дэймон оказался рядом. Короткий кинжал вошел под подбородок, пробивая челюсть. Второй начал плести огненный хлыст. Дэймон перехватил его за запястье, ломая кости, и всадил лезвие в глазницу. Но их было четверо. Третий ударил «Копьем льда». Дэймон не успел увернуться — ледяная игла прошила плечо. Боль взорвала нервы. И тогда он разозлился по-настоящему. Он не просто отбил следующее заклинание. Он рванул его на себя. Вся та боль, весь тот лед, который сковал его отряд полгода назад, вся ярость за Киру и за Грома — всё это вырвалось наружу. Его глаза вспыхнули ослепительно-белым, неистовым огнем. Он не контролировал это. Магия Пустоты и его собственный Огонь смешались в неконтролируемом выбросе. Волна чистого, белого пламени, не оранжевого, а цвета расплавленного солнца, ударила от него во все стороны. Маги не успели даже закричать. Они просто испарились. Одежда и плоть превратились в пепел за долю секунды, а каменный пол под ними пошел трещинами от жара. Дэймон стоял в центре пылающего круга, тяжело дыша. Его плечо больше не кровоточило — рана просто исчезла в огне. Плащ сторел по краям. Слепой Ярость, стоявший у входа, не двинулся с места, хотя жар от выброса опалил ему чешую. Он видел всё. Он видел, как его всадник, лидер, танцевал среди врагов, как молния. Как он перешел грань и просто сжег их. Но старый дракон лишь раз перевел взгляд на платформу. Его незрячие глаза были устремлены на Грома. «Мы здесь, брат, — пророкотал он в ментальном эфире, посылая волну спокойствия через камень. — Скоро ты будешь свободен». Дэймон тряхнул головой, пытаясь прийти в себя. Огонь в его глазах медленно угасал, сменяясь привычным серым цветом, но зрачки всё еще светились опасным красным отблеском. Он посмотрел вверх. Цепи. Мифриловые звенья толщиной с его руку светились вишневым от жара Грома. Дэймон поднял руку. Он не рубил их. Он просто "приказал" им. Он вложил всю свою волю, всю связь всадника в один импульс. «Сломайся». Раздался оглушительный треск, похожий на удар грома. Звенья, зачарованные держать драконов, лопнули, рассыпаясь в пыль. Гром тяжело рухнул на камен-

ный пол. Удар сотряс пещеру. Он попытался встать, но лапы подкосились — полгода в подвешенном состоянии атрофировали мышцы. Дэймон вздохнул, вытирая сажу с лица тыльной стороной ладони. Он убрал кинжал и подошел к голове брата. — Тише, — прошептал он, кладя руку на пылающую чешую. — Я здесь. Гром поднял свою огромную голову. Его белое пламя в глазах начало медленно затухать, сменяясь узнаванием. Он ткнулся носом в грудь Дэймона, издав тихий, вибрирующий звук — не рык, а стон облегчения. Дэймон похлопал его по шее. — Иди. Свежий воздух. Дракон, пошатываясь, сделал первый неуверенный шаг. Затем второй. Его хвост, способный сносить стены, волочился по полу. Он тяжело пошел к выходу из пещеры, а следом за ним, держась у его плеча, шел Дэймон. Лидер. Возвращающий свой отряд домой. Гром, тяжело ступая, вышел из темноты пещеры на серый свет плато. Морозный воздух ударил в его ноздри, и он глубоко вдохнул, расправляя грудь, впервые за полгода чувствуя себя настоящим живым. У входа, словно изваяние из обсидиана, стоял Слепой Ярость. Он не двигался, просто склонил голову, приветствуя брата. Гром увидел его. Его глаза, всё еще горящие остатками белого огня от ярости плена, встретились с незрячими белесыми глазами Слепого. Он издал низкий, вибрирующий рык. Это был не вызов. Это был звук узнавания. Звук того, что семья снова в сборе. Дэймон, стоявший рядом, опершись о меч, позволил себе слабую, измученную улыбку. Он смотрел на двух драконов — одного, источающего первобытную мощь, и второго, старого и мудрого. Они стояли рядом, и камни плато казались под их весом крошечными. Слепой Ярость ответил на рык тихим, рокоchущим урчанием. Он не видел глазами, но его разум коснулся разума Грома. «Ящер, — мысль была теплой, как угли в пепле. — Ящер, я рад, что ты дышишь». Гром в ответ лишь снова рыкнул, на этот раз тише, и ткнулся тяжелой головой в плечо Слепого. Контакт был неуклюжим, но полным братской любви. Тяжелые шаги за спиной заставили Дэймона обернуться. Из-за скального выступа вышел Артур. Он не бежал, но двигался быстро. Его кожаный костюм был покрыт инеем, а лицо — усталостью, но когда он увидел Грома, его глаза блеснули. Он подошел к Дэймону и, вместо формальностей, просто хлопнул его по здоровому плечу. — Наш друг наконец-то здесь с нами, — сказал Артур. В его голосе не было триумфа, только глубокое, мужское удовлетворение. Дэймон кивнул, глядя, как Гром неуверенно переминается с лапы на лапу, разминая затекшие суставы. — Он слаб, — произнес Дэймон. — Но он летит с нами. Гром, услышав свое имя и почувствовав, что говорят о нем, повернул свою огромную голову. Он посмотрел сначала на Артура, затем на Дэймона. Внезапно в головах всех троих — Дэймона, Артура и Слепого — прозвучал голос. Голос Грома был не похож на рокот Слепого. Он был моложе, острее, и в нем всё еще звенела боль от цепей, но поверх неё лежал холодный, кристальный интеллект тактика. «Слушайте меня, — мысль Грома была четкой, как удар меча. — Вы радуетесь свободе, но мы всё еще в ловушке. Плато — это не дом. Дом там, где Кира». Дэймон напрягся. Он посмотрел прямо в пылающие глаза дракона. — Мы летим в Аркас, — подтвердил он. — Но ночь только началась. Тебе нужно отдохнуть. «Нет, — отрезал Гром. Его мысль стала жестче. — Слушай внимательно. Мы не можем просто ворваться туда сейчас. Нас ждут. Фирц знает, что ты придешь за мной. Если мы полетим сейчас, нас собьют над горами. Мы летим завтра. На рассвете». Артур, для которого этот ментальный диалог звучал как тихий гул, нахмурился. — Рассвет? Почему? Нас же хватятся к утру. «Именно, — мысль Грома окрасилась мрачным удовлетворением. — На рассвете смена караула. На рассвете стража сонная и ленивая. На рассвете, когда первый луч солнца ударит в глаза дозорным на стенах Аркаса, мы упадем с неба. Как возмездие. Они будут смотреть на солнце и не увидят наших теней, пока не станет слишком поздно». Дэймон слушал этот план. План дракона. Жестокий, точный и пугающе эффективный. Он посмотрел на восток, где горизонт только начинал сереть. Рассвет. — Хорошо, — кивнул Дэймон, принимая волю своего дракона. — Мы спрячемся в ущелье. Ты прав, брат. Мы ударим, когда они меньше всего этого ждут. На рассвете. Гром удовлетворенно прикрыл глаза. Лидер снова принял его совет. Семья была в сборе. И у них был план. Сон слетел мгновенно, как от ведра ледяной воды. Кира

резко села на кровати, хватая ртом воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Рядом тихо, по-детски посапывала Мила, закутавшись в одеяло с головой. Ей снилось что-то спокойное. Кире же снился пепел и ветер. Снилось, что она летит — не на спине Нокс, а просто так, держась за руку Дэймона, пока его дракон рассекает облака. Это было так реально, что щеки всё еще помнили холод высоты. Она посмотрела в окно. Там была пустота. Черное небо и тонкий серп луны. Никого. Только холодный камень стен. — Дэймон, — прошептала она в темноту. — Где же ты? Слова повисли в тишине комнаты. Ожидание стало невыносимым. Ей нужно было почувствовать холодный воздух, нужно было стоять на земле, а не метаться в четырех стенах. Она знала, что это безумие. Комендантский час. Нолан в лазарете. Фирц, который, скорее всего, патрулирует стены. Но тело не слушалось доводов разума. Кира выскользнула из-под одеяла. Она не стала надевать сапоги — только мягкие туфли, чтобы не шуметь. Накинула на плечи тяжелый форменный плащ, скрывающий фигуру, и выскользнула за дверь. Коридоры были погружены в полумрак, разгоняемый лишь тусклыми ночными кристаллами. Она шла бесшумно, как тень, прислушиваясь к каждому шороху. Спустилась по лестнице, чувствуя, как холодный камень ступеней забирает тепло даже через подошву. Выход на улицу. Ночной воздух ударил в лицо, обжигая легкие. Кира подошла к краю каменного крыльца, подставляя лицо ветру. Она сделала глубокий, судорожный вдох, пытаясь смыть запах лазарета, пота и страха. — Дэймон, — снова выдохнула она в темноту. — Пожалуйста. — Тебе не говорили, что во время комендантского часа запрещается гулять? Голос раздался не из темноты — он прозвучал прямо за её спиной. Кира не слышала шагов. Не слышала, как открылась дверь. Он просто появился. Она резко развернулась, отскакивая назад, вжимаясь спиной в холодную каменную колонну. Гаррик Фирц стоял в двух шагах от неё. Лунный свет падал на его лицо, делая тени под глазами еще глубже, а шрамы — еще заметнее. Он был без плаща, в одной лишь темной тунике, и от его фигуры исходил тот самый могильный холод, который она помнила с плаца. Он не спешил. Он просто смотрел на неё, скрестив руки на груди. Затем он сделал шаг в сторону, обходя её по дуге, и прислонился плечом к стене рядом, сохраняя дистанцию. — Не бойся, — его голос был низким, лишенным привычной грубости. В нем звучала какая-то жуткая, пугающая вкрадчивость. — Я тебя не обижу. Так что расслабься. Кира судорожно втянула воздух. Его слова должны были успокоить, но прозвучали как угроза. Она продолжала вжиматься в колонну, пытаясь увеличить расстояние между ними. — Не приближайся ко мне, — выдавила она. Голос дрожал, и она ненавидела себя за это. Фирц остался на месте. Он не сделал ни одного движения к ней. Он просто смотрел. — Ты боишься меня, — констатировал он. Это не был вопрос. — Но ты не боилась того, кто убил свой отряд. Ты обнимала его дракона. Он оттолкнулся от стены и сделал полшага назад, словно давая ей больше пространства. — Ты ничего не знаешь, — продолжил он, глядя на луну. — Ты думаешь, он — жертва? Думаешь, он сбежал, потому что его предали? Фирц медленно повернул голову и посмотрел на Киру. Его глаза в темноте казались абсолютно черными. — Я был там, — тихо сказал он. — В тот день. В той пещере. Я был в отряде Элиты. Я знаю, что случилось на самом деле. Кира замерла. Её страх перед инструктором внезапно сменился ледяным ужасом понимания. Он не просто похож на Дэймона. Он — оттуда. — Ты хочешь знать правду, кадет Морриган? — спросил он, и в его голосе впервые проскользнула нотка чего-то похожего на горечь. — Хочешь знать, почему твой герой на самом деле пуст внутри? Спроси меня. Я расскажу.

Слова повисли в морозном воздухе. «Я был в отряде Элиты». Кира почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Мир сузился до этой каменной площадки, этого человека и ледящего осознания: он не просто похож на Дэймона. Он — призрак из того же ада. Она не знала, чему верить. Дэймон плакал у неё на руках, рассказывая о теневых бойцах, выпивших жизнь из его людей. А теперь этот... ледяной истукан стоит здесь и говорит, что знает «правду». Она смотрела мимо него, в темноту, где за стенами Академии лежали спящие земли. Её руки, спрятанные в складках плаща, сжались в кулаки до боли в ногтях. Если это ловушка, если он хочет

выманить признание... Но отступить она не могла. Не сейчас. Кира медленно перевела взгляд с темноты на его лицо. Она смотрела не в глаза — она смотрела на шрам, пересекающий его бровь, на жесткий контур челюсти. Пытаясь найти в этом камне хоть каплю лжи. — Ну давай, — её голос прозвучал глухо и хрипло. — Рассказывай. Она сделала крошечный шаг от колонны, выходя на открытое пространство, но не к нему, а просто вперед, словно освобождая дыхание. — Если ты не согласишься. Фирц долго смотрел на неё. Он видел её страх, видел попытку держать лицо, видел боль в плечах от утренней тренировки. Он чуть склонил голову, признавая её смелость. Он медленно отошел от стены и сделал несколько шагов к центру двора, остановившись под лунным светом. Он не смотрел на неё. Он смотрел в никуда, его взгляд был устремлен в прошлое. — Хорошо, — произнес он. Его голос потерял ту пугающую вкрадчивость, став просто усталым голосом старого солдата. — Слушай внимательно, кадет. Потому что второго раза я рассказывать не буду. Он заложил руки за спину, выпрямившись по стойке смирно, словно снова стоял перед строем. — Дэймон не лгал тебе о ловушке, — начал Фирц, и Кира вздрогнула. — Ловушка была. Теневые бойцы... они реальны. Мы вошли в ту пещеру за яйцами Первого выводка, как идиоты, уверенные в своей силе. Мы были Элита. Он сжал пальцы за спиной в замок. — Но нас ждали. Эти твари... они не дерутся. Они просто забирают. Я видел, как лучший мечник нашего отряда просто... рассыпался в прах, пока пытался ударить тень. Они вытягивали жизнь. Фирц замолчал, сглатывая. Лунный свет четко очерчивал его профиль. — Мы горели, Морриган. Наш собственный огонь пожирал нас изнутри, пытаясь сжечь эту пустоту. Мы кричали. Мы умирали. Он наконец повернулся к ней. Его глаза были темными, но в них не было злобы. Только бесконечная, выжженная пустота. — И тогда он приказал отступать. Дэймон. Он крикнул, чтобы мы уходили. Он остался в арьергарде. Фирц сделал шаг к ней. Кира не отступила, хотя сердце пропустило удар. — Он не просто сбежал, кадет. Он закрыл проход. Он использовал магию Пустоты, чтобы запечатать пещеру. Той силой, которая и создала этих теней. Он обрушил свод. Фирц подошел почти вплотную, его голос стал едва слышным шепотом. — Он убил их, Кира. Он убил весь отряд «Пепельные клинки». Своей рукой. Он похоронил их под тоннами камня, потому что это был единственный способ остановить заразу, которая иначе вышла бы в мир. Он не предатель. Он — могильщик. Наступила тишина. Было слышно только, как воет ветер в скалах. Фирц смотрел на неё, ожидая реакции. Кира стояла, не в силах пошевелиться. Образ Дэймона в её голове треснул. Плачущий, раненый мужчина в пещере... и этот монстр, хладнокровно уничтожающий собственный отряд. — Он... он сказал... что они были мертвы, — прошептала она, и это был единственный аргумент, который мог выдать её сломленный разум. — Мертвы для мира, — кивнул Фирц. — Чтобы их не подняли как нежить. Чтобы их огонь не стал топливом для врага. Я выжил, потому что он вышвырнул меня взрывной волной в последний момент. Сказал, что кто-то должен рассказать правду, если он не вернется. Он усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Вот только когда я вернулся... героем меня не сделали. Меня сделали инструктором. А его — предателем. Удобно, не находишь? Списать всё на дезертира, чтобы не объяснять Совету, почему погибла Элита. Кира смотрела на него, и её затошнило. Если это правда... то Дэймон — не просто беглец. Он — ходячая бомба. И он вернулся в Аркас. Прямо в руки к тем, кто хочет использовать эту силу. — Зачем... — её голос сорвался. — Зачем ты мне это говоришь? Фирц перестал улыбаться. Он снова стал тем самым ледяным инструктором. — Потому что ты с ним связана. И завтра на рассвете, когда он прилетит сюда, чтобы закончить то, что начал, здесь будет бойня. Я хочу, чтобы ты была далеко от этого места. Или чтобы ты знала, кого именно ты обнимала в той пещере. Он развернулся и, не сказав больше ни слова, пошел прочь, растворяясь в тенях коридора, оставив Киру одну под луной с правдой, которая жгла сильнее любого огня. Шаги Фирца стихли в каменном коридоре. Звук растворился в ночной тишине Академии, оставив после себя лишь гул ветра в скалах и оглушительный стук сердца Киры. Она осталась стоять одна под холодным светом луны. Слова инструктора тяжелым камнем лежали в груди. «Он убил их... Он

похоронил их...». «Он не предатель. Он — могильщик». Кира обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. Холод пронизывал её насквозь, но он шел не от ветра. Он шел от сомнения. Был ли это обман? Очередная жестокая игра ледяного инструктора, чтобы сломать её, заставить предать Дэймона? Или... это объясняло всё? Пустоту в глазах Дэймона. Его внезапные вспышки гнева. То, как он смотрел на огонь. Она не знала. Она запуталась. Человеческий разум метался между двумя образами: тем мужчиной, который плакал в пещере, и тем монстром, которого описал Фирц. Ей нужен был якорь. Тот, кто видит мир без лжи. Кира закрыла глаза. Она перестала пытаться думать. Она просто потянулась. Мысленно. Вглубь себя, туда, где всегда горел теплый, знакомый огонь. «Нокс...» — мысль была тихой, как вздох. — «Он сказал правду? Или он лгал, чтобы я тебя возненавидела?. Ответ пришел не словами. Это было не эхо и не голос. Это было чувство. Огромное, древнее, тяжелое присутствие дракона заполнило её разум, вытесняя холод и страх. Она почувствовала, как Слепой Ярость где-то там, на плато, поворачивает свою слепую голову в её сторону, сквозь сотни лиг расстояния. В её сознании возник не образ, а ощущение — вибрация, похожая на низкое урчание. «Люди, — мысль Нокса была густой, как расплавленный камень, и в ней не было ни капли человеческой неуверенности. — Они всегда делят мир на черное и белое. Правда и ложь. Герой и предатель». Урчание стало глубже, обволакивая её тревогу. «Он показал тебе свою самую страшную ночь, Кира. Чтобы ты испугалась. Чтобы ты отпустила. Но он забыл, что я тоже был там. Я чувствовал запах камня. Я чувствовал его вину. Он не хладнокровный убийца. Он — стена, которая сгорела, чтобы остановить пожар». Кира выдохнула, по её щеке покатилась слеза, тут же замерзая на холоде. «Что мне делать, Нокс?» — прошептала она в пустоту. — «Кому верить?» Дракон ответил мгновенно. Его мысль была острой и ясной, как лезвие кинжала: Перестань верить словам, маленькая тень. Слова — это просто ветер. Смотри на то, кто держит тебя, когда ты падаешь во сне. Смотри на того, кто летит сквозь ночь, чтобы вытащить брата из темницы. Придерживайся того, кто всегда будет с тобой. Кира замерла. Слова дракона эхом отдавались в голове. «Тот, кто всегда будет с тобой». Она открыла глаза. Смотрела на свои руки. Вспоминала, как Дэймон бинтовал её колени в лазарете, ворча, чтобы она не дергалась. Вспоминала, как он отдал свой паек ей, когда они бежали. Вспоминала жар его тела в холодной воде купальни. Фирц предлагал ей страх. Дэймон предлагал себя. Всего, без остатка, даже если это его убьет. Она поняла. Дракон не сказал «верь Дэймону». Он сказал «придерживайся». Кира медленно кивнула, принимая решение. Она вытерла слезу. Холод больше не казался таким страшным. — Я поняла, — прошептала она ветру. — Я поняла, Нокс. Она развернулась и пошла обратно к дверям казармы. Не потому, что Фирц приказал, и не потому, что боялась. А потому, что её место было не здесь, во дворе сомнений. Её место было там, где приземлится Слепой Ярость на рассвете. Она должна быть готова. Чтобы, когда он прилетит, ей было кого обнимать. Тяжелая дубовая дверь казармы закрылась за ней, отсекая ледяной ветер плато. В коридоре было тепло, пахло воском для натирки полов и сонным дыханием десятков кадетов. Кира прислонилась спиной к двери и закрыла глаза. Улыбка сама собой расцвела на её губах — первая настоящая, искренняя улыбка за этот бесконечный, изматывающий день. Завтра он будет здесь. Слова Фирца всё еще эхом отдавались в голове, холодные и острые, но они больше не ранили. Они просто стали частью правды. Дэймон — не просто беглец. Он — шторм, который возвращается, чтобы очистить небо. И она будет стоять в этом шторме рядом с ним. Эта мысль больше не пугала. Кира открыла глаза. В груди разливалось тепло, растапливая лед, оставленный страхом. По-настоящему, до глупого головокружения счастлива от того, что завтра её мир снова станет целым. Она оттолкнулась от двери и пошла по коридору к своей комнате. Кира шла тихо, стараясь не разбудить спящих, но её походка больше не была тяжелой. Она ступала легко, почти пританцовывая. Мимо проплывали двери комнат, за которыми слышался храп и бормотание. Кира поймала свое отражение в начищенном до блеска щите, висевшем в холле. Растрепанная, с синяком на скуле, в мятой форме... но она улыбалась. Улыбалась так, словно

ей принадлежал весь мир. Она дошла до своей двери. Мила всё так же спала, свернувшись клубком. Кира бесшумно переоделась в ночную рубашку, скользнула под холодное одеяло и свернулась калачиком. Она смотрела в темноту потолка, и сон не шел, но это была приятная бессонница. Морриган закрыла глаза, и перед её внутренним взором возник образ: рассветное небо, черная тень дракона на фоне восходящего солнца и Дэймон, спускающийся по трапу. Живой. Свободный. Вернувшийся домой. Кира обняла подушку и провалилась в глубокий, спокойный сон, улыбаясь даже во сне.

Раннее утро в Академии Аркас никогда не был мирным. Колокола били резко, пронзительно, вырывая кадетов из теплых постелей. Кира проснулась за секунду до первого удара, уже одетая и готовая. Сон, в котором она улыбалась, придал ей странную, холодную решимость. На плацу было холодно. Небо на востоке только начинало наливаться багрянцем, но воздух уже звенел от мороза. Кадеты стояли в строю, ежась и переминаясь с ноги на ногу. Макс стоял по стойке «смирно» слева от Киры, его лицо было непроницаемой маской, но пальцы правой руки чуть подрагивали — он разминал их после вчерашних содранных ладоней. Справа стояла Мила. Она не спала всю ночь, но вместо страха её глаза горели лихорадочным, почти безумным огнем. Она то и дело косилась на ступени, где обычно стоял Фирц. Самого инструктора еще не было. Прошла минута. Две. Кадеты начали переглядываться. Отсутствие Фирца на построении было событием из ряда вон выходящим. Староста курса уже открыл рот, чтобы подать голос, но тут дверь главного входа с грохотом распахнулась. Гаррик Фирц вышел на ступени. Он не стал спускаться вниз. Он остался наверху, на фоне светлеющего неба, скрестив руки на груди. Он не смотрел на строй. Его взгляд был устремлен в серую даль, на восток. Он чего-то ждал. Или кого-то. Кира почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с морозом. Она проследила за его взглядом. Сначала был звук. Низкий, вибрирующий гул, от которого задрожала брусчатка под ногами. Не свист стрелы, не крик птицы. Это был звук десятков кожистых крыльев, разрезающих воздух. — Что за... — начал Макс, но осекся. Тени накрыли плац. Огромные, темные силуэты закрыли собой восходящее солнце. Три дракона. Они не приземлялись. Они сделали широкий круг над плацем, на мгновение парализовав всю Академию. Сотня кадетов, десяток преподавателей — все, задрав головы, смотрели в небо. На первом, самом крупном драконе, чешуя которого была цвета грозовой тучи, сидел человек. Его силуэт был знакомым до боли. Широкие плечи, разворот корпуса, то, как он держал поводья... На втором, чуть позади, с угольно-черной чешуей, сидел Артур. Его лицо было суровым, но на губах играла жесткая ухмылка. Третий дракон — старый, с белесыми, незрячими глазами — летел замыкающим. Слепой Ярость. Он не рычал. Он просто летел за своим всадником. Кира забыла, как дышать. Она подняла голову, и её горло перехватило. Солнце наконец-то показалось из-за края горизонта, и его первый, самый яркий луч ударил прямо в лицо дракону, осветив всадника. Дэймон Блэквуд. Он был здесь. Живой. На своем драконе. Его волосы трепал ветер, а глаза... его глаза искали кого-то в толпе. Строй кадетов дрогнул. По рядам пронесся единый, изумленный вздох, перешедший в гул. Макс рядом с ней шумно выдохнул. — А вот и кавалерия, — пробормотал он, но в его голосе не было шуток, только шок. Мила стояла с открытым ртом, забыв про свою браваду. Она просто смотрела на небо, и по её щеке скатилась слеза. Фирц на ступенях не шевельнулся. Он просто смотрел на Дэймона, и в его позе читалось что-то похожее на... признание. Кира не могла пошевелиться. Она смотрела, как огромный дракон закладывает вираж, заходя на посадку за пределами плаца, на свободный тренировочный полигон. Она не слышала испуганных криков преподавателей. Не слышала команд старост. Она видела только его. "Деймон, — пронеслось в её голове, и это была не паника, не страх. Это было тихое, абсолютное, всепоглощающее облегчение. — Ты вернулся.

Приказ бежать эхом разнесся по плацу, но ноги кадетов словно вросли в камень. Это было невозможно. Это было безумие. Но драконы не спрашивали разрешения. Земля содрогнулась. Три массивных тела опустились на каменные плиты плаца с грохотом, от которого по брусчатке

пошли трещины. Воздушная волна от огромных крыльев сбила с ног тех, кто стоял слишком близко, разметав их плащи, как осенние листья. Когти, каждый размером с меч, со скрежетом впились в камень, оставляя глубокие борозды. Драконы сложили крылья, и наступила оглушительная, звенящая тишина, в которой был слышен только треск остывающей магической энергии на их чешуе. Они не двигались. Трое гигантов стояли плечом к плечу, возвышаясь над людьми, как живые горы. Их глаза — у одного слепые и белесые, у других — горящие расплавленным серебром и грозовой тьмой — смотрели на толпу остро, как клинки. Они не просто смотрели. Они оценивали. Выбирали цели. Артур первым нарушил неподвижность. Он сидел на Фаусте, своем вороном драконе, как влитой. Одним плавным движением он перекинул ногу через шею ящера и прыгнул вниз. Сапоги с тяжелым стуком ударили о камень. Он не стал оглядываться. Он просто встал чуть в стороне, положив руку на рукоять меча, и его взгляд был таким же холодным, как и у его дракона. Следом спустился второй. Гром. Его чешуя была цвета застывшей лавы, всё еще дымящаяся от остаточного жара. Он был массивнее остальных, и когда он шагнул вперед, плиты снова треснули. Дэймон прыгнул с его шеи на землю. Он не пошатнулся. Он приземлился мягко, по-кошачьи, несмотря на тяжелую, покрытую чужой и своей кровью тунику. Ветер бросил его темные волосы на лицо. Он сделал шаг вперед, выходя из тени своего дракона, и плащ за его плечами взметнулся, как крылья. Он остановился, сканируя взглядом плац. Его глаза нашли её в строю мгновенно. Кира не могла дышать. Она стояла, выпрямив спину, и смотрела на него, не отводя глаз. Она видела ссадину на его скуле, видела, как он тяжело, но ровно дышит, видела тот самый опасный огонек в глазах. Он был жив. Он был здесь. И он был в сто раз опаснее, чем когда-либо. Шок среди преподавателей начал переходить в панику. — Это Блэквуд... — прошептал кто-то из магистров. — Но он же... он же мертв, — ответил другой. — С ним «Пепельные», — выдохнул третий. — Элиас нас убьет. Они сбились в кучку у преподавательского стола, перешептываясь, их академическая спесь испарилась без следа перед лицом трех боевых драконов. Тяжелые двери главного входа распахнулись с такой силой, что ударились о стены. На ступенях появился ректор Элиас. Он не выглядел испуганным. Он выглядел так, будто только что проглотил что-то невероятно кислое. Он медленно, тяжело спустился по ступеням, его мантия развевалась. Он прошел сквозь расступившуюся толпу кадетов и остановился в десяти шагах от Дэймона. Он смерил взглядом сначала дракона, затем всадника. Вокруг стояла такая тишина, что было слышно, как падает снег. Элиас чуть склонил голову в жесте, который с натяжкой можно было назвать приветственным. — С возвращением, мистер Блэквуд, — произнес он ровным, лишенным эмоций голосом. Дэймон не поклонился. Он не улыбнулся. — Благодарю, господин ректор, — его голос был хриплым, но твердым как сталь. — Я вернулся, чтобы закончить свои дела.

Слова ректора эхом отразились от каменных стен. «С возвращением, мистер Блэквуд». Для всех это был момент политической неловкости. Для Дэймона — начало игры. Для Кире — это был звук гонга, возвещающий, что её ожидание закончилось. Она стояла в строю, в своей идеально ровной кадетской линии. Рядом застыли Мила и Макс. Но Кира больше не чувствовала себя кадетом. Она не чувствовала холода. Она не чувствовала страха перед Инквизицией или гневом Элиаса. Она видела только его. Ту дистанцию в десять шагов, что отделяла её от Дэймона, внезапно показалась пропастью. Выдержка, муштра, звание — всё это рассыпалось в прах. — Дэймон!!! Крик вырвался сам собой. Дикий, громкий, полный такого облегчения и боли, что стоящие рядом кадеты вздрогнули. Она сорвалась с места. Она не просто вышла из строя. Она пробила его. В один миг идеальный прямоугольник кадетов дрогнул и рассыпался. Мила и Макс остались стоять, открыв рты, но они не пытались её остановить. Они просто смотрели, как их подруга бежит через плац. Кира бежала, не разбирая дороги, путаясь в полах форменной юбки. Её сапоги гулко стучали по камню. Дэймон всё это время стоял неподвижно, как статуя, принимая взгляд Элиаса. Но в тот момент, когда раздался её крик, что-то в его плечах дрогнуло. Он узнал этот голос. Он резко повернул голову. Увидел её. Растрепанную, с

горящими глазами, бегущую прямо к нему, игнорируя всё на свете. Ледяная маска на его лице треснула. Уголок губ дернулся вверх в той самой, опасной усмешке, которую она так любила и так боялась. Он сделал шаг ей навстречу, разводя руки в стороны. Кира врезалась в него на полном ходу. Она не просто обняла его. Она врезалась в его грудь, как снаряд, обвиняя его шею руками, впиваясь пальцами в его плечи, боясь, что если отпустит — он снова исчезнет. Она уткнулась лицом в его шею, вдыхая запах пепла, кожи и чего-то неуловимо родного. — Я знала что ты вернёшься, — прошептала она в его кожу, и голос сорвался на всхлип. — Знаю, — его голос прозвучал прямо над её макушкой. Он обнял её так крепко, что казалось, хотел вдавить в себя, и его рука зарылась в её волосы, прижимая к себе. — Знаю, моя ледышка. Вокруг воцарилась абсолютная, мертвая тишина. Преподаватели замерли с открытыми ртами. Ректор Элиас смотрел на это, и его лицо медленно приобретало цвет свеклы. Кадеты стояли, забыв про субординацию. Мила открыто плакала от счастья, а Макс стоял с таким видом, будто хотел заплодировать, но боялся, что его за это казнят на месте. Кадет Морриган, нарушив все мыслимые уставы, обнимала командира «Пепельных клинков» посреди плаца Академии Аркас на глазах у всей верхушки. И никому — даже ректору — не хватило духу её оттащить. В этот момент Дэймон Блэквуд был не просто дезертиром. Он был силой, перед которой даже устав Элиаса казался просто бумагой.

Тишина, повисшая над плацем, была густой и тяжелой, как свинец. Она давила на плечи, и Кира чувствовала сотни взглядов, впивающихся ей в спину. Но ей было всё равно. Она была в кольце его рук, и пока он держал её, остальная Академия не существовала. Но это не могло длиться вечно. Воздух прорезал звук, похожий на треск сухого дерева. Ректор Элиас сделал шаг вперед. Его лицо, обычно бледное и непроницаемое, пошло багровыми пятнами. Он смотрел не на Дэймона — дракона он, казалось, вообще не замечал, — а на Киру. — Кадет Морриган! — его голос, усиленный магией, ударил по ушам, заставив Киру вздрогнуть и инстинктивно вжаться в Дэймона. — Вы что творите?! Это открытое неподчинение! Быстро в строй! Живо! Элиас ткнул пальцем в сторону разрушенного строя, где в панике и восторге толпились кадеты. Дэймон даже не шелохнулся. Он лишь чуть крепче прижал к себе Киру, словно защищая её от ветра, и перевел свой холодный, тяжелый взгляд с её макушки на ректора. Элиас, не получив реакции от кадета, перевел пылающий взгляд на Дэймона. Его гнев искал выход. — Мистер Фирц! — рявкнул он, поворачиваясь к инструктору, который всё это время стоял на ступенях, скрестив руки, и молча наблюдал за происходящим. — Вы что молчите?! Язык проглотили?! Это ваш новый метод дисциплины — позволять кадетам бросаться на шею государственным преступникам?! Гаррик Фирц, стоявший на возвышении, медленно моргнул. Он посмотрел на ректора, затем на Дэймона, который сейчас выглядел как король, принимающий послов. Фирц едва заметно, почти неуловимо пожал плечами. — Она кадет Морриган, ректор, — ровно ответил он. — Она всегда делает то, что хочет. Я решил, что это... показательно. Элиас задохнулся от такой наглости. Он снова открыл рот, чтобы обрушить на всех гнев Академии, но его перебили. — Я вот как раз и хотел поговорить с вами, ректор Элиас, — голос Дэймона был тихим, но он прорезал возмущение ректора, как нож масло. Дэймон наконец разомкнул объятия. Он не отпустил Киру полностью — его рука осталась на её плече, удерживая её позади себя, словно щит, — но он сделал шаг вперед, выходя немного навстречу ректору. Теперь он стоял между Элиасом и его «целью». — Но только наедине, — продолжил Дэймон, и в его тоне прозвучала сталь, не терпящая возражений. — Ваши... методы обучения, — он кивнул в сторону плаца, напоминая об утреннем беге, — и состояние моего отряда — это вопросы государственной важности. Я не намерен обсуждать их на утреннем разводе. Он обвел взглядом застывших преподавателей. — Прикажете им разойтись, — это был не просьба. Приказ. — Или я поговорю с вами прямо здесь. При всех. Уверен, Совету будет очень интересно узнать, почему «Пепельные клинки» были объявлены предателями, в то время как их командир вернулся с доказательствами обратного. Ректор Элиас побелел.словно из него выпустили весь воздух. Он смотрел в

глаза Дэймона и видел там ту же бездну, что и Фирц, но приправленную интеллектом, который пугал еще больше. Элиас понял, что проиграл этот раунд. — В мой кабинет. Немедленно, — процедил он сквозь зубы. — Мистер Фирц, продолжайте занятие. Кадет Морриган... Он бросил на Киру взгляд, полный обещания кар. — ...останется здесь. С вами. Дэймон едва заметно кивнул, принимая условие. Он развернулся, снова становясь стеной между Кирой и ректором, и пошел вслед за Элиасом к дверям Академии, не оглядываясь. Кира осталась стоять посреди плаца. Мила тут же подбежала к ней, схватив за руку, но Кира не отрывала глаз от удаляющейся спины Дэймона. Фирц медленно спустился со ступеней. Он подошел к ней, и, оказавшись рядом, тихо, так, чтобы слышала только она, сказал: — Я же говорил. Он всегда возвращается. Он развернулся и пошел к оставшимся кадетам, которые всё еще не могли прийти в себя. — А вы чего устались?! — рявкнул Фирц своим привычным, ледяным голосом. — Вы в строю или в театре?! Занятие не окончено! Бегом на полосу препятствий! ЖИВО! Кадеты вздрогнули и, бросая испуганные взгляды на Киру, побежали к тренажерам. Кира осталась одна посреди пустого, изрытого когтями драконов плаца. Но впервые за долгое время она не чувствовала себя одинокой. Она чувствовала себя началом бури.

Рявк Фирца всё еще звенел в ушах кадетов, когда они, спотыкаясь, добежали до полосы препятствий. Обычно утро начиналось с разминки, потом — стандартные упражнения на точность или скорость. Но сегодня всё было иначе. Воздух был наэлектризован после появления драконов, и кадеты двигались как во сне, постоянно оглядываясь на двери Академии, за которыми скрылись ректор и Дэймон. Макс, пробегая мимо Киры, тихо бросил: — Он сейчас её убьет. Фирц. За то, что она сорвала ему шоу. Кира ничего не ответила. Она смотрела на Гаррика Фирца. Инструктор стоял на возвышении для наблюдателей. Он не кричал. Он не ходил вдоль строя. Он просто стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на них своим тяжелым, оценивающим взглядом. В утреннем свете его шрамы казались еще глубже, а лицо — еще более высеченным из камня. Он дал им минуту, чтобы отдышаться. Тишина становилась невыносимой. — Внимание, — голос Фирца прозвучал ровно, без привычной издевки. Это был голос лектора. Кадеты замерли, вытянувшись по струнке. Даже Мила, обычно готовая огрызаться, стояла молча. — Сегодня утром, — начал Фирц, медленно обводя их взглядом, — вы увидели призрака. Вы увидели, как мертвые ходят среди живых. Вы увидели, как один человек может заставить ректора Академии бледнеть. Он сделал паузу, давая словам впитаться. — Вы думаете, это была победа? — он усмехнулся, но в усмешке не было тепла. — Вы думаете, он прилетел, чтобы спасти вас? Фирц медленно спустился с возвышения. Он шел к ним, и кадеты инстинктивно подались назад. — Он прилетел, чтобы втянуть вас в войну, к которой вы не готовы. И первое правило этой войны: вы ничего не знаете. Он остановился перед строем. Его глаза впились в Киру. — Кадет Морриган. Выйти из строя. Кира вздрогнула, но вышла вперед, встав перед ним. Она ждала удара, наказания, разноса. — Вы бежали к нему, — сказал Фирц тихо, так, что слышали только первые ряды. — Вы бросили строй. Вы нарушили приказ. Но вы сделали это, потому что "видели его". Вы знали, где он. Вы доверяли своим глазам. Он вдруг резко поднял руку и щелкнул пальцами. В ту же секунду плотная, непроницаемая тьма упала на плац. Это была не просто тень. Это было мощное заклинание «Черного Покрова». Солнечный свет исчез. Звук собственного дыхания стал глухим. Кира оказалась в абсолютном, могильном мраке. Она не видела даже собственных рук, поднесенных к лицу. По рядам прокатился испуганный вздох. — Сегодня, — голос Фирца теперь звучал отовсюду сразу, усиленный магией, — у нас новое задание. Называется «Вслепую». Кира замерла, чувствуя, как паника начинает подступать к горлу. Но она заставила себя дышать ровно. Она уже была в такой темноте. Полгода назад. — Полоса препятствий активирована, — продолжил Фирц. — Но вы её не видите. Ловушки не видны. Пути нет. У вас есть только ваши уши, ваше чутье и ваши товарищи. Тяжелый, механический звук раздался где-то впереди — начал двигаться огромный каменный валун, имитирующий катящуюся угрозу. — Первый в строю — шаг вперед, — скомандовал

Фирц. — Ваша задача — пройти от начала до конца. Если упадете — начнете сначала. Если заденете ловушку — начнете сначала. Он снова щелкнул пальцами, и тьма сгустилась еще сильнее, отсекая даже магическое зрение. — И чтобы было интереснее... — в его голосе прорезалась сталь, — кадет Морриган пойдет первой. И пойдет она "одна". Кира почувствовала, как кто-то сзади (Макс) дернулся, чтобы возразить, но голос Фирца пресек это:— Это приказ, Ривелл. Она — ваш лидер. Докажите, что она может вести вас в темноте. Кира стояла в абсолютном ничто. Она не видела пути. Она не знала, где ямы, а где стены. Но она слышала дыхание Милы слева и тяжелое сопение Макса справа. Она вспомнила слова Нокса: «Придерживайся того, кто всегда будет с тобой». Она не видела Дэймона. Но она чувствовала его присутствие в стенах Академии, как низкочастотный гул. Кира сделала шаг вперед, в слепую темноту, вытянув руки перед собой.— Я иду, — сказала она в пустоту. И шагнула в неизвестность.

Тьма была густой, как смола. Она давила на веки, забивала легкие. Кира сделала шаг вперед. Подошва сапога гулко ударила о камень, но звука эха не последовало — магия Фирца поглощала звук, создавая ощущение вакуума. Она вытянула руки, но воздух перед ней казался таким же плотным, как и за спиной. Она не видела даже очертаний своих пальцев. Единственное, что у неё было — это память тела. Она знала, где начинается полоса препятствий. Сзади, в непроглядном мраке, послышался шорох. Макс и Мила шли за ней в двух шагах, как и было приказано — цепочкой, положив руки на плечо впереди идущего.— Он совсем что ли? — едва слышно прохрипел Макс прямо в ухо Кире. Его голос дрожал от смеси страха и адреналина. — Камни же не смазаны. Если я упаду в «Каменоломню» в такой темноте, меня будут отскребать от пола до выпуска.— Тише ты, — шикнула Мила, её пальцы сильнее сжали плечо Кире. — У меня уже мурашки размером с кулак. Я думаю, он просто хочет, чтобы мы убились. Это его способ сказать «с возвращением, мистер Блэквуд» — похоронить его кадетов. Кира не ответила. Она сосредоточилась на шаге. Впереди должен быть поворот. Она чуть повела бедром, чувствуя инерцию...— РАЗГОВОРЫ! Голос Фирца ударил по ушам неестественно громко, заставив всех троих вздрогнуть и остановиться. Казалось, он звучал прямо внутри их черепов. — Иначе пойдете заново. Тьма вокруг, казалось, стала еще плотнее, почти материально выдавливая воздух. Это было предупреждение. Макс судорожно сглотнул. — Понял, — буркнул он в пустоту. — Молчу. Мила тоже притихла, только её дыхание стало частым и поверхностным. Кира стояла неподвижно, прислушиваясь. Гнев Фирца был осязаем. Она сделала еще один осторожный шаг. Под ногой что-то щелкнуло. Это был не камень. Сработал сенсорный механизм. Сверху, с потолка, которого не было видно, с резким свистом сорвалась сеть из стальных тросов. Кира действовала на чистых инстинктах. Она рванулась в сторону, вжимаясь в стену, и оттолкнула Милу за себя. Сеть пролетела в дюйме от её плеча, с грохотом врезавшись в стену там, где они только что стояли. Каменная крошка посыпалась на шлем. Сердце Кире пропустило удар, а затем забило с утроенной силой. — Поняла, — прошептала она, отвечая скорее на рык Фирца, чем на слова друзей. — Никаких разговоров. Она выставила руку в сторону, нащупывая плечо Макса, и сжала его.— За мной. И смотрите под ноги. Слепой Ярость, води нас. Она сделала шаг влево, уходя от основного коридора, где ждала сеть, и шагнула в неизвестность. Позади, вцепившись друг в друга, как утопающие, шли Макс и Мила, боясь даже дышать.

Кира шла, выставив левую руку вперед, а правой касаясь стены. Шершавый, влажный камень был единственным ориентиром. Она считала шаги. Двадцать... Двадцать один... Память тела подсказывала: сейчас будет провал. Первый тест на ловкость. Узкий мостик над тренировочной ямой, утыканной деревянными кольями. Днем это было просто. В темноте — самоубийство. Она остановилась. Воздух впереди казался другим — более пустым, гулким.— Здесь обрыв, — шепнула она через плечо, едва разжимая губы. — Макс, держи Милу. По одному. Мила, идущая второй, вцепилась в пояс Кире. Макс замыкал цепочку, его ладонь лежала на плече Милы. Кира сделала осторожный шаг в пустоту. Нога не нашла опоры. Она начала

падать. Но вместо падения на колья, её подхватили невидимая сила. Старый механизм «моста» — канат, натянутый под потолком. Кира знала о нем. Она знала, что нужно просто качнуть маятник. Она оттолкнулась от края, позволяя инерции перенести её тело через пятиметровую яму. В абсолютной тишине и темноте это ощущалось как полет в бездну. Она приземлилась на ноги на той стороне. Мягко, бесшумно. Присела, гася инерцию, и тут же прижалась к стене, освобождая место. — Чисто, — выдохнула она. — Давайте. Но Мила не видела этого. Для Милы всё выглядело иначе. Она услышала шаг Киры в пустоту. Услышала, как камень перестал стучать под сапогом. А потом она услышала "звук". Тяжелый, влажный, хрустящий удар дерева о дерево. Один из колеб внизу, под весом невидимого механизма-утяжелителя, с громким треском переломился пополам. В абсолютной, магической тишине, которую наложил Фирц, этот звук прозвучал как выстрел. Как звук ломающейся кости. Мила представила самое страшное. Она представила, как Кира падает в темноту, как её пронзает дерево. — КИРА! — Её крик был не просто криком. Это был вопль ужаса, разорвавший вакуум. Мила рванулась вперед, забыв про приказ, забыв про тьму, пытаясь схватить подругу за руку, которой там уже не было. Она наткнулась на пустоту и чуть сама не перевалилась через край. Макс, чья реакция была быстрее, грубо схватил её за шиворот, оттаскивая назад. — Стоять, дура! — рявкнул он ей прямо в лицо, зажимая рот ладонью, чтобы заглушить панику. — Она в порядке! Слышишь? Она бы орала! Но Мила не слышала. Она билась в хватке Макса, её глаза были расширены от ужаса в темноте. — Она... она... — рыдала Мила, пытаясь вырваться. — Я слышала, как она упала! Я слышала треск! В этот момент Кира, стоявшая на той стороне, поняла, что произошло. Она услышала крик Милы. Она не стала тратить время на объяснения. В задании Фирца время — это жизнь. Кира сделала быстрый шаг к краю, вглядываясь во тьму (хотя вглядываться было бесполезно). — Мила! — её голос прозвучал громко, командно и, главное, "живо". — Я здесь! Жива! Это просто сломался колышек! Успокойся! Макс и Мила замерли. Макс медленно убрал руку ото рта Милы. Мила перестала биться. Она судорожно втянула воздух, хватаясь за Макса, как за якорь. Она поняла, что стоит на четвереньках у самого края ямы. Кира на той стороне вздохнула с облегчением, но тут же напряглась. Она знала: Фирц не прощает криков. Скоро их ждет наказание.

Эта сцена повышает ставки, переводя задание из разряда «страшно» в разряд «смертельно опасно». Фирц здесь выступает как безжалостный наблюдатель, а реакция Макса показывает, что он начинает понимать: это не просто тренировка. Вот как эта сцена может выглядеть в тексте.***На возвышении у стены Гаррик Фирц стоял неподвижно. Его глаза, привыкшие к темноте, видели всё. Он не видел лиц кадетов, но он видел тепловые сигнатуры их тел и слышал каждый вздох. Когда раздался крик Милы, уголок его губ едва заметно дернулся в усмешке. Когда Кира ответила, его взгляд стал холодным, как лед.*«Первая ловушка пройдена, —* отметил он про себя, делая пометку на пергаменте светящимся грифелем. — *Но реакция ведомых — паника. Минус балл за командную работу»*. Он перевел взгляд на Киру. Она стояла на той стороне, напряженная, как струна. Она знала, что он её слышал. — Продолжайте движение, кадет, — его голос, усиленный магией, прозвучал прямо над её ухом, заставив вздрогнуть. — Время идет. Кира стиснула зубы. Она не могла позволить себе злиться. Она шагнула в следующий коридор. Здесь воздух пах иначе — металлом и старой смазкой. Это была «Долина шипов». Пол здесь представлял собой сплошную панель с отверстиями, из которых в случайном порядке вылетали затупленные, но тяжелые арбалетные болты. Днем это было упражнение на реакцию. Ночью — русская рулетка. Она сделала шаг. Тишина. Второй шаг. Свист. Кира услышала его за долю секунды до удара — звук рассекаемого воздуха. Она попыталась уйти в перекат, но в темноте потеряла ориентацию. Она дернулась влево, но было поздно. Резкая, ослепляющая боль прошла правую лодыжку. Тяжелый стальной болт ударил её сзади, пробив икру насквозь и пригвоздив ногу к деревянной панели пола. Боль была такой интенсивности, что в глазах на секунду вспыхнул свет в абсолютной тьме. — А-А-АРГХ! Крик вырвался

сам собой. Это был не крик страха, это был вопль животного, попавшего в капкан. Она рухнула на колени, хватаясь за ногу. Кровь — горячая, липкая — мгновенно пропитала штанину и полилась на дерево. — КИРА! — снова закричала Мила, но на этот раз её голос сорвался на истерику. Макс, стоявший за ней, услышал звук удара металла о плоть. Услышал, как его подруга рухнула на пол. — Всё. Хватит, — прошипел он, и в его голосе прозвучала сталь, которой Мила никогда раньше не слышала. — Я иду к ней. Он шагнул в темноту, но тут же замер. Прямо перед его лицом, в дюйме от глаз, со свистом пролетел очередной арбалетный болт. Макс отшатнулся, вжимаясь в стену. — Фирц! — закричал он, запрокинув голову в темноту, его голос сорвался на хрип. — Останови это! Она ранена! Ты убьешь её! — Задание продолжается, — ледяной голос инструктора был лишен всяких эмоций. — Или вы начнете заново. Все трое. Мила, забыв про страх перед ловушками, рванулась вперед. Она не видела, куда наступает. Она просто ползла на звук хриплого, сбитого дыхания Кире. Она врезалась в неё, упала сверху, обхватив подругу руками, словно пытаясь закрыть своим телом. — Кирочка, господи, Кирочка, — зарыдала Мила, глядя её по спине. — Потерпи, милая, потерпи. Кира вцепилась в плечи Милы, пытаясь вздохнуть сквозь пелену боли. Она чувствовала, как кровь пульсирует в ране при каждом ударе сердца. Болт сидел глубоко. Она подняла голову, глядя в темноту, туда, где стоял Фирц. Её глаза горели ненавистью. — Сволочь... — выдохнула она. — Ты... ты... — Встать, кадет Морриган, — перебил её голос Фирца. — Стрелу выдернуть. Рана не смертельная. Если останетесь лежать — истечете кровью. Это не трагедия, это урок. Встать. И идти. Вашу лодыжку я исцелил магией, чтобы вы не упали. Идите, пока я не исцелил и вашу волю. Кира задохнулась от ярости и унижения. Он действительно «заморозил» боль магическим жгутом, но нога всё еще была пришпилена к полу. Она нащупала древко стрелы. Зажмурилась. И с криком дернула её на себя.

Эта сцена отлично работает на контрасте: холодный, расчетливый разговор политиков в кабинете и животный, инстинктивный порыв Дэймона, который чувствует боль своей пары. Это подчеркивает, что, несмотря на всю его броню, Кира — его уязвимое место. Вот как эта сцена может выглядеть в тексте. *** Кабинет ректора был тихим и душным. Пахло старым пергаментом и дорогим вином, которое Элиас налил себе, но даже не пригубил. Он сидел в своем кресле, сложив пальцы домиком, и смотрел на Дэймона, который стоял перед его столом, как подсудимый. — Вы понимаете, *мистер* Блэквуд, — голос Элиаса был полон яда, — что по законам Академии и Совета Магов вы — государственный преступник? Вы покинули расположение части. Вы вступили в сговор с дезертиром. А теперь вы врываетесь на территорию вверенной мне школы верхом на боевом драконе. Дэймон стоял неподвижно. Его лицо было маской, но глаза... в глазах плескалась холодная ярость. Он не пришел сюда просить прощения. — Я пришел, чтобы забрать свое, ректор. Отряд «Пепельные клинки» не распущен. И я не преступник. Я — единственный выживший свидетель. — Свидетель, которого Фирц назвал предателем! — Элиас стукнул кулаком по столу. — У него есть показания. У него есть логика. Вы исчезли, а ваш отряд погиб. Удобная позиция, не находите? Дэймон наклонился вперед, опираясь руками о стол ректора. Его тень накрыла Элиаса. — Фирц лжет. И вы это знаете. Вы позволили ему превратить героев в пугало, чтобы прикрыть свою некомпетентность. Элиас побагровел, открывая рот для ответа, но Дэймон не дал ему вставить слово. — Я не собираюсь оправдываться перед вами. Я жду рассвета. На плацу. Мы закончим то, что начали. Он развернулся, намереваясь выйти. Разговор был окончен. Но сделав шаг к двери, Дэймон резко замер. Его рука, уже коснувшаяся дверной ручки, сжалась в кулак так, что побелели костяшки. Он резко втянул воздух сквозь зубы. Элиас замер, удивленный резкой сменой его позы. Дэймон больше не выглядел как политик или командир. Он выглядел как зверь, учуявший кровь. — Что еще? — настороженно спросил ректор. Дэймон не ответил. Его разум, всегда ясный и острый, внезапно обожгло ледяной вспышкой. Это не была боль. Это было *отсутствие*. Та нить, что тянулась от его сердца к Кире, та теплая, живая вибрация, которая успокаивала его всё

это время, внезапно натянулась до предела и зазвенела, как струна, готовая лопнуть. А потом — тишина. Пустота. И следом — отголосок её крика. Не в ушах. В самой душе. Крик боли, смешанный с ужасом. Его глаза вспыхнули белым огнем. — Кира, — прошептал он одними губами. Мгновение он смотрел на дверь, взвешивая слова Элиаса о законах, о трибунале, о рассвете. Затем он сделал выбор. — К черту рассвет, — прорычал он. Он не пошел к двери. Он разбежался. — Блэквуд, стойте! — крикнул Элиас, вскакивая, но было поздно. Дэймон снес тяжелую дубовую дверь кабинета плечом. Дерево разлетелось в щепки. Не оглядываясь, он вылетел в коридор. Он не бежал — он летел. Кадеты, стоявшие в коридоре, вжимались в стены, когда мимо проносился вихрь из темной ткани и ярости. Он не пользовался лестницами. Он прыгал через перила, перемахивая пролеты одним движением, отталкиваясь от стен. Он чувствовал направление. Фирц. Его темная, холодная аура была маяком внизу. Дэймон вылетел из дверей Академии на плац. Он увидел изрытую когтями землю, увидел тьму, клубящуюся над полосой препятствий, и услышал — теперь уже обычным слухом — новый крик. Её крик. Его контроль рухнул. Белое пламя Пустоты вспыхнуло вокруг него, сжигая края его плаща. Он больше не был кадетом или дезертиром. Он был бурей. Он приземлился прямо перед входом на полосу, где стоял Гаррик Фирц. Земля под ногами треснула от силы удара. — ДОСТАТОЧНО! — голос Дэймона прогремел над плацем, перекрывая магию Фирца. — ОТКРОЙ СВЕТ! Фирц, стоявший на своем возвышении, медленно повернул голову. На его лице играла спокойная, удовлетворенная улыбка. Он ждал этого.

Тьма над полосой препятствий рассеялась так же внезапно, как и появилась. Утренний свет ударил по глазам, заставив кадетов зажмуриться. Макс и Мила всё еще лежали на земле рядом с Кирой. Мила рыдала, зажимая рану на ноге подруги, из которой всё еще торчало древко. Макс стоял на коленях, белый от ярости и страха, готовый броситься на Фирца с голыми руками. Кира лежала на спине, глядя в небо. Боль от магического жгута Фирца отступила, но шок и унижение выжигали её изнутри. Она слышала всё. Слышала, как он назвал её волю «болезнью». И вдруг воздух изменился. Пахнуло озоном и пеплом. Раздался грохот, от которого вздрогнула земля. Кира повернула голову. У входа на полосу препятствий стоял Дэймон. Он не спустился с дракона. Он просто "спрыгнул" с высоты трех этажей. Слепой Ярость приземлился рядом, тяжело дыша, его бока вздымались. Дэймон был страшен. Его форма была разорвана, на скуле запеклась кровь, а глаза... его глаза горели тем самым белым, слепящим огнем Пустоты, который она видела в пещере. Он излучал такую волну убийственной ярости, что даже Слепой Ярость за его спиной прижал уши к голове. Он обвел взглядом плац. Увидел Элиаса, стоявшего на ступенях Академии с открытым ртом. Увидел Фирца. И увидел её. Киру. Раненую. Пригвожденную к полу. Его лицо исказилось. На секунду из него вырвался тихий, вибрирующий рык, от которого у стоявших рядом кадетов заложило уши. Это был звук абсолютной, первобытной ярости. Но он не пошел к ней. Он знал, что Макс и Мила о ней позаботятся. Он знал, что Фирц этого и ждет — чтобы он бросился к ней, проявив слабость. Дэймон медленно, очень медленно выпрямился. Он отряхнул руки, словно сбивая с них невидимую пыль. Его глаза, всё еще горящие белым огнем, нашли фигуру инструктора на возвышении. Он пошел к нему. Шаг. Еще шаг. Он не бежал. Он шел размеренно, и каждый его шаг по каменным плитам отдавался в тишине, как удар молота. Фирц не двигался. Он стоял, скрестив руки, и смотрел на приближающуюся смерть с интересом ученого. Дэймон поднялся по ступеням. Он встал прямо перед инструктором. Теперь они были одного роста. Взгляды их встретились. Белое пламя Пустоты в глазах Дэймона столкнулось с ледяной, мертвой тьмой глаз Фирца. Никто из кадетов не смел дышать. Дэймон не повышал голос. Он говорил тихо, и от этого его слова звучали страшнее любого крика. — Ты смотрю, решил поиграть с кадетом Морриган, — произнес он. Его голос был лишен эмоций, в нем был только холод абсолютного нуля. Он сделал полшага вперед, вторгаясь в личное пространство Фирца. — Она не кукла для издевок, Фирц. Она не тренажер для отработки твоих фокусов. Она — "живая". Дэймон наклонился

еще ближе. Его дыхание коснулось лица Гаррика. — И запомни это, инструктор. Если ты ещё раз... — он сделал паузу, и в его глазах пламя вспыхнуло ярче, — ...если ты ещё раз вызовешь её "первой" на свои пытки... Он выпрямился, глядя на Фирца сверху вниз. — Я не буду вызывать тебя на дуэль. Я не буду жаловаться ректору. Я просто приду сюда. И сожгу тебя. Заживо. Прямо на этом плацу. И Академия будет на это смотреть. Он отвернулся от застывшего Фирца, словно тот перестал быть интересен. Дэймон спустился со ступеней и пошел к Кире. Фирц остался стоять. Впервые за долгие годы на его каменном лице промелькнуло что-то похожее на эмоцию. Уважение. И предвкушение. Игра стала интереснее.

Дэймон не стал тратить время на слова. Он опустился на одно колено прямо в каменную крошку перед ней. Его движение было пугающе плавным для человека, только что излучавшего такую ярость. Он не смотрел на рану, не смотрел на торчащее древко. Его взгляд был прикован только к её лицу. — Кира, — его голос снова стал нормальным, хриплым и низким, лишенным того потустороннего эха. Кира смотрела на него, всё еще пытаясь осознать, что он здесь. Она открыла рот, чтобы сказать «Не надо, я сама», но из горла вырвался только слабый всхлип. Гордость кадета рассыпалась в прах перед лицом его присутствия. — Я знаю, — ответил он на её невысказанную мысль. Его руки скользнули под её плечи и под колени. Одним плавным, мощным движением он поднял её с земли. Кира вскрикнула от неожиданности — не от боли, а от того, как легко он её поднял, словно она ничего не весила. Она вцепилась пальцами в его плечи, утыкаясь лицом ему в шею. От него пахло пеплом, холодом и чем-то неуловимо диким. Это был запах безопасности. — Держись, — прошептал он ей в макушку, и она почувствовала, как его рука крепче прижимает её к груди. — Нолан тебя залатает. Это просто царапина. Он выпрямился, даже не пошатнувшись под её весом. Макс и Мила, всё еще лежавшие на земле, ошеломленно смотрели на эту картину. Первым опомнился Макс. Он вскочил на ноги, отряхиваясь. — Я... я знаю короткий путь через оранжерею, — хрипло сказал он, бросив полный ненависти взгляд на возвышение, где стоял Фирц. — Там ближе. Мила, шмыгая носом и размазывая по лицу грязь и слезы, подхватила инициативу. Она подбежала к Дэймону с другой стороны, готовая хоть как-то помочь, хоть нести его сапоги, если нужно. — Я с вами! Я помогу! Дэймон даже не повернул головы. Он просто кивнул, принимая их присутствие как должное. — Веди, — бросил он Максу. Они пошли. Дэймон шел по плацу, который всё еще пах озоном от магии Фирца. Кадеты, стоявшие в строю, расступались перед ним, вжимаясь в стены. Они видели, как он только что говорил с инструктором. Они видели, как он несет Киру. Легенда о «мертвом Блэкуде» прямо сейчас превращалась в живого, дышащего монстра, и этот монстр был в ярости. Макс бежал впереди, распахивая двери. Мила бежала рядом с Дэймоном, пытаясь идти в ногу, её глаза всё еще были полны ужаса за подругу. Кира не смотрела по сторонам. Она чувствовала ровное, сильное сердцебиение Дэймона под своей щекой. «Ты пришёл», — думала она, вдыхая его запах. Весь мир сузился до тепла его тела и ритма его шагов. Он нес её в безопасность, и впервые за этот страшный, длинный день она позволила себе просто закрыть глаза и перестать быть кадетом Морриган. Она просто была Кирой, которую несут на руках.

Тяжелые двери лазарета распахнулись от удара ноги Дэймона. Нолан, который в этот момент протирал инструменты, резко обернулся. Его лицо мгновенно сменило выражение с усталого раздражения на профессиональную собранность. Он привык к экстренным случаям. Но то, что он увидел, заставило его на мгновение замереть с тряпкой в руке. В дверях стоял Дэймон Блэкуд. Живой. В разорванной одежде, пахнувший гарью и кровью. Но не это поразило целителя. На руках у «призрака» лежала Кира Морриган. Бледная, с закрытыми глазами, безвольно откинув голову на его плечо. Её форменная рубашка была в крови. — Светлые духи... — выдохнул Нолан, отбрасывая тряпку и мгновенно срываясь с места. — Кладите её на стол. Живо. Дэймон не стал спорить. Он молча подошел к смотровой кушетке и бережно, почти нежно опустил Киру на жесткое полотно. Мила тут же подбежала к изголовью, схватив подругу за руку, а Макс встал у двери, охраняя периметр. Целитель уже стоял рядом, его руки окутались

мягким зеленым светом диагностической магии. Он провел ладонью над ногой Киры, нахмурившись. — Арбалетный болт. Прошил насквозь. Кость целая, артерия не задета. Грязно, но жить будет. Он потянулся за скальпелем, но замер, когда Дэймон положил руку ему на плечо, останавливая. — Сначала вопрос, — голос Дэймона был тихим, но в нем звенела сталь. Нолан медленно выдохнул, пытаясь унять дрожь в руках. Он повернулся к Дэймону. Его взгляд метнулся от окровавленного плеча всадника к его глазам. — Я смотрю, утренняя пробежка Фирца пошла тебе на пользу, — процедил целитель, кивая на раны Дэймона. — Но сейчас ты в моем доме, Блэквуд. А на моем столе — мой кадет. Так что задаю вопросы здесь я. Что с ней? Дэймон не убрал руку. Он чуть сжал плечо Нолана, напоминая о своей силе. — Ранение в ногу. На задании, — ровно ответил он. — Фирц придумал «слепую» полосу. Стрела. Нолан перевел взгляд на Киру. Её лицо было бледным, но спокойным в обмороке. Он видел её утром — напуганную, но целую. — Хорошо, — кивнул Нолан, принимая информацию. Его профессионализм брал верх над гневом. — Я помогу. Он снова потянулся к инструментам, но Дэймон снова сжал его плечо. — Ты мне ответь, — Целитель наклонился ниже, и его голос стал угрожающим шепотом. — Как ты убежал из лазарета? Нолан, не заставляй меня отвечать дважды. Он замер, но медленно повернул голову и посмотрел прямо в глаза Дэймону. Он был в ярости. — Я никуда не «убегал», — прошипел Деймон. Нолан ткнул пальцем в грудь Дэймону. — Ты сбежал. И пытался спасти свою шкуру от трибунала, пока ты там изображал героя на драконе! Дэймон смотрел на него, и его хватка немного ослабла. Он не ожидал такого ответа. Он думал, что Деймон сбежал, чтобы донести. Воспользовавшись паузой, Нолан всё же взял скальпель. — А теперь убери руку, пока я не вколол тебе снотворное, и не мешай мне работать. Дэймон отступил на шаг, но остался стоять рядом. Нолан склонился над ногой Киры. Он ввел обезболивающее прямо в рану. Кира тихо застонала, но не очнулась. Вытащив болт одним резким движением (Кира дернулась, Мила крепко держала её), Нолан начал очищать края. Работая, он не мог удержаться от комментария: — Ты хоть понимаешь, что ты натворил, Блэквуд? — бормотал он, сшивая ткани. — Ты притащил сюда «Пепельных клинков». Элиас сейчас, наверное, сидит. А Фирц... Фирц выглядит так, будто получил лучший подарок в жизни. Он закончил шить и начал накладывать целебную мазь. — Я не сбежал, — повторил Блэквуд тише, не глядя на Нолана, а продолжая смотреть на Киру. — Я защищал её. Как и обещал. Дэймон молчал. Он смотрел на Киру. Затем он перевел взгляд на Нолана. В его глазах всё ещё был холод, но упрека в них больше не было. Было что-то похожее на... понимание. — Я знаю, — тихо сказал Дэймон. — Она рассказала. Нолан на секунду замер со склянкой в руке. Он медленно поднял взгляд на Дэймона. — Она не солгала, — добавил Дэймон. — Она сказала, что просто вышла подышать. Она не назвала имен. Она прикрыла нас. Нолан долго смотрел на Дэймона. Затем он тяжело вздохнул, откладывая пустую склянку. — Эта девчонка когда-нибудь сведет меня в могилу, — пробормотал он, отворачиваясь к умывальнику мыть руки. — И тебя вместе с ней, Блэквуд. Дэймон ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел, как Нолан бинтует ногу Киры. Защитный периметр был выстроен. Снова.

Кира провалилась в тяжелый, вязкий сон. Обезболивающее Нолана наконец-то взяло верх над шоком и болью. Она слышала голоса как сквозь толщу воды — низкий, рокочущий баритон Дэймона и ворчливый тенор Нолана. Она не поняла смысла ментального шепота «моя девочка». Слова были слишком тихими, тонущими в тумане лекарств, но ощущение тепла, которое они принесли, осталось на краю сознания, как прикосновение солнечного луча к лицу. — ...рана чистая, — донесся до неё голос Нолана. — Швы наложил. Но магическое истощение наложило на болевой шок. Она проспит до вечера. Дэймон, всё ещё державший Киру на руках, перевел взгляд на целителя. Его руки держали её так бережно, словно она была сделана из стекла, а не была кадетом, только что пробежавшим полосу препятствий. — Она может выходить? — спросил он. Вопрос был чисто практическим. — Хотя бы на тренировки. Налегке. Я могу... — Даже не думай, Блэквуд, — отрезал Нолан, яростно засовывая склянки в ящик. —

Какое «выходить»? Какое «налегке»? У неё в ноге дыра была! Я потратил почти весь резерв на стабилизацию, чтобы она не хромала до конца года. Он ткнул пальцем в забинтованную лодыжку Киры. — Постельный режим. Понял? Нога — в покое. Никаких нагрузок. Никаких лестниц. Если я узнаю, что ты потащил её в фехтовальный зал или, не дай боги, снова на плац к Фирцу, я лично обеспечу тебе такую регенерацию, что ты месяц будешь отрачивать новые ребра. Дэймон не стал спорить. Он знал, когда целитель не шутит. Он просто молча кивнул, принимая условия. — Мила, — позвал Нолан. — Остаешься здесь. Проследишь, чтобы она не вскочила через час спасать мир. Если что — зови меня. Мила, всё ещё бледная, но уже пришедшая в себя, быстро закивала, садясь на стул у кушетки. — Я глаз с неё не спущу, магистр. Макс, стоявший у двери, молча отсалютовал. Его роль охранника подошла к концу. Дэймон поправил одеяло, которым Нолан укрыл Киру. Его пальцы на секунду задержались на её щеке, стирая несуществующую пылинку. — Я сам отнесу, — сказал он Нолану, прежде чем тот успел предложить носилки. Он не хотел передавать её никому. Она была его ответственностью. Его якорем. Нолан лишь махнул рукой: «Делай что хочешь», и вернулся к своим склянкам, бормоча что-то про «безответственных всадников». Дэймон сделал шаг к двери. Мила вскочила, чтобы открыть её. Макс вышел первым, проверяя коридор. Дэймон понес её по пустым переходам Академии. Кира спала у него на руках, положив голову ему на плечо. Её дыхание было ровным и тихим. Он прошел мимо портретов великих магистров, мимо гобеленов с драконами, и впервые за полгода эти каменные стены казались не тюрьмой, а домом. Он донес её до комнаты, осторожно ногой открыл дверь и шагнул внутрь. Положил Киру на её кровать, расправил подушку под её головой и укрыл одеялом. Макс и Мила вошли следом, тихо прикрыв за собой дверь. Они остались дежурить у порога, пока Дэймон ещё несколько секунд стоял над кроватью, глядя на спящую Киру. Затем он развернулся. Рассвет ещё не наступил. Но война за него уже началась.

Дэймон стоял у кровати, глядя на спящую Киру. Ритм её дыхания постепенно выравнивался, уходя от лихорадочной дрожи к глубокому, целительному сну. Зеленоватое свечение магии Нолана всё ещё тускло подсвечивало края бинтов, исцеляя ткани. Он услышал, как за его спиной переминаются с ноги на ногу Макс и Мила. Они всё ещё были здесь — его тень, его поддержка. Дэймон не оборачивался. — Спасибо, ребята, — его голос прозвучал тихо, но в этой комнате он показался громче крика на плацу. В нем не было льда, только тяжелая, искренняя усталость. — Вы свободны. Макс, который всё это время стоял как каменная статуя у двери, расслабил плечи. Он кивнул, принимая приказ. — Если что, я за дверью, — бросил он и, подтолкнув локтем всё ещё всхлипывающую Милу, потянул её за собой в коридор. Мила на пороге обернулась, бросив последний тревожный взгляд на Киру. Дэймон, почувствовав её взгляд, едва заметно кивнул ей: -Иди. Я справлюсь. Дверь закрылась. Щелкнул замок. Тишина. Впервые за этот бесконечный, кровавый день они остались одни. Дэймон не двигался с места ещё несколько секунд, просто слушая. Слушая, как за стеной затихают шаги друзей. Слушая, как воет ветер за окном. Слушая её дыхание. Только убедившись, что они действительно одни, он позволил себе выдохнуть. Плечи, которые были напряжены как стальные канаты, опустились. Он медленно подошел к стулу у стола, не отрывая глаз от Киры, и тяжело опустился на него. Дерево жалобно скрипнуло под его весом. Он сидел в полумраке комнаты, освещенной только тусклым зимним светом из окна. Они были вместе живы.

Тишина в комнате была густой, почти осязаемой. Дэймон сидел на стуле, и впервые за полгода его тело, привыкшее к постоянному напряжению, начало расслабляться. Но разум не спал. Он прокручивал в голове лицо Фирца. Его спокойную, мерзкую улыбку. Слова о «кукле». То, как Кира упала. Этого было недостаточно. Слов не хватило, чтобы вбить в голову инструктора уважение. Дэймон понимал: Фирц не остановится. Он будет давить на Киру снова и снова, пока не сломает её или пока Дэймон не сломает его. Он резко встал. Стул с грохотом отлетел назад, ударившись о стену, но Кира даже не пошевелилась — зелье Нолана держало её в креп-

ких объятиях сна. Дэймон подошел к балконной двери и распахнул её. Холодный утренний воздух ударил в лицо, отрезвляя. Он шагнул на каменный балкон. Внизу, на плацу, всё еще виднелись глубокие борозды от когтей драконов. Солнце только-только начало подниматься, окрашивая небо в кроваво-серые тона. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел вдаль, на горизонт, где за горами лежал его старый дом. Он думал. Планировал. Как ударить так, чтобы Фирц больше никогда не посмел поднять взгляд на Киру. Внезапно он вздрогнул. Резко, всем телом. Его внутренний компас, его связь с Кирой, которая всё это время была теплым огоньком в груди, внезапно мигнула. Это был не страх, не боль. Это было... движение. Он резко обернулся и шагнул обратно в комнату. Кира во сне, под воздействием лекарств, откинула одеяло. В холодной комнате Академии её начало знобить. Она свернулась клубком, пытаясь сохранить остатки тепла, но одеяло сползло на пол. Дэймон оказался рядом с кроватью в два шага. Он не стал её будить. Он просто поднял тяжелое шерстяное одеяло и аккуратно, почти невесомо, укрыл её до самого подбородка, подоткнув края, чтобы не поддувало. Его пальцы на секунду задержались на её щеке, чувствуя тепло её кожи. — Спи, — прошептал он. — Я скоро. Он выпрямился. Решение было принято. Слов на плацу было мало. Письма к ректору — бесполезны. Фирц понимает только язык силы. Дэймон развернулся и быстрым, хищным шагом направился к двери. Он не стал брать меч или кинжалы — они были при нём. Он шел к Гаррику Фирцу. Не для того, чтобы угрожать. Для того, чтобы договориться о правилах игры. И если Фирц их не примет... что ж, на рассвете в Академии станет одним инструктором меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.